

**Федеральный научно-исследовательский социологический
центр Российской академии наук
Фонд «Интерсоцис»**

**ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ**

2025. Том XXVIII. № 4

Журнал основан в 1998 году

ISSN 1029-8053 (печатная версия)

ISSN 2306-6946 (электронная версия)

Журнал выходит 4 раза в год

**Санкт-Петербург
2025**

**Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
Foundation “Intersotsis”**

**ZHURNAL SOTSILOGII
I SOTSIALNOY ANTROPOLOGII
(The Journal of Sociology and Social Anthropology)
2025. Volume XXVIII. No 4**

Founded in 1998

ISSN 1029-8053 (print)

ISSN 2306-6946 (online)

Frequency: quarterly

**Saint Petersburg
2025**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Владимир Вячеславович Козловский (д. филос. н., профессор, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Александр Владимирович Тавровский (асс., СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ханс-Петер Блоссфельд (доктор социологии, профессор, зам. главного редактора, Бамбергский университет, Германия)

Асалхан Ользонович Бороноев (д. филос. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Руслан Геннадьевич Браславский (д. соц. н., зам. главного редактора, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Питер Вагнер (PhD, профессор, Барселонский университет, Испания)

Юрий Витальевич Веселов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Вадим Викторович Волков (PhD, д. соц. н., Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия)

Ирина Андреевна Григорьева (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Владимир Николаевич Давыдов (PhD, к. соц. н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Инна Феликсовна Девятко (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

Александр Владимирович Дука (к. соц. н., Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Елена Андреевна Здравомыслова (к. соц. н., профессор, Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия)

Дмитрий Владиславович Иванов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Владимир Иванович Ильин (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Маркку Кивинен (PhD, профессор, Хельсинский Университет, Финляндия)

Вольфганг Кнебель (Др., профессор, Гамбургский институт социальных исследований, Германия)

Николай Николаевич Крадин (д. истор. н., профессор, чл.-кор. РАН, ИИАЭ ДВОРАН, Владивосток, Россия)

Фредерик Лебарон (Др., профессор, Высшая нормальная школа Париж-Сакле, Париж, Франция)

Елена Леонидовна Омельченко (д. соц. н., НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия)

Никита Евгеньевич Покровский (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

Николай Генрихович Скворцов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Йоран Тернборн (PhD, профессор социологии, Кембриджский университет, Великобритания)

Лариса Григорьевна Титаренко (д. соц. н., профессор, БГУ, Минск, Беларусь)

Жанна Владимировна Чернова (д. соц. н., Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

EDITOR

Vladimir Kozlovskiy (Dr., Prof., Saint Petersburg University; Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)

ASSISTANT EDITOR

Alexander Tavrovskiy (Saint Petersburg University, Russia)

EDITORIAL BOARD

Hans-Peter Blossfeld (Dr., Prof., Deputy Editor, University of Bamberg, Germany)
Asalkhan Boronoev (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Ruslan Braslavskiy (Dr., Deputy Editor, Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Zhanna Chernova (Dr., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Vladimir Davydov (PhD, CSc., Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS, St. Petersburg, Russia)
Inna Deviatko (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Alexander Duka (CSc., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Irina Eliseeva (Dr., Prof., Corr. Member of the RAS, Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Irina Grigoryeva (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Elena Iarskaia-Smirnova (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Vladimir Ilyin (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Dmitry Ivanov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Markku Kivinen (Dr., Prof., University of Finland, Helsinki, Finland)
Wolfgang Knöbl (Dr., Prof., Hamburg Institute for Social Research, Germany)
Nikolay Kradin (Dr., Prof., Corr. Member of the RAS, Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the Far-East, Vladivostok, Russia)
Frédéric Lebaron (Dr., Prof., École normale supérieure Paris-Saclay, Paris, France)
Elena Omelchenko (Dr., Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia)
Nikita Pokrovsky (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Nikolay Skvortsov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Larisa Titarenko (Dr., Prof., Belarusian State University, Minsk, Belarus)
Göran Therborn (PhD, Prof. Emeritus of Sociology, University of Cambridge, United Kingdom)
Yuriy Veselov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Vadim Volkov (PhD, Dr., Prof., European University, St. Petersburg, Russia)
Peter Wagner (PhD, Prof., University of Barcelona, Spain)
Elena Zdravomyslova (CSc., Prof., European University, St. Petersburg, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Социология: профессия и призвание

Горшков М.К. Российская социология в контексте императивов времени	7
---	---

Цивилизационный анализ

<i>Браславский Р.Г.</i> Преобразование социальной онтологии в современном цивилизационном анализе	18
<i>Козловский В.В.</i> Множественная конфигурация цивилизационной идентичности	38
<i>Титаренко Л.Г.</i> Цивилизационный подход в отечественных исследованиях российского общества	62

Исследования цифровизации

<i>Радаев В.В.</i> Вовлеченность в использование гаджетов и новые формы зависимости: межпоколенческий анализ	80
--	----

Экономическая социология

<i>Лебединцева Л.А., Дерюгин П.П., Сюй Луньхуэй, Лю Тяньси.</i> Теории рынка в китайской экономической социологии: современные социологические подходы	127
--	-----

Социология молодежи

<i>Котельников М.П.</i> Амбивалентная роль увлечения литературой в формировании гибридных маскулинностей молодых людей из семей с низким социально-экономическим статусом	146
<i>Пинчук А.Н., Тихомиров Д.А., Вахненко Е.В.</i> Патриотизм московской студенческой молодежи (опыт кластерного анализа)	177

Социология культуры

<i>Карбаинов Н.И.</i> Образ Петра I в постсоветском Татарстане: версии элит и массовые исторические представления	196
---	-----

Гендерная социология

<i>Кашина М.А., Агаева С.Х., Жаркова Д.В., Зубкова К.А.</i> «Это не стендап, а преступный кринж»: воспроизводство и преодоление гендерных стереотипов в русскоязычных комедийных шоу	219
--	-----

Рецензии

<i>Трегубова Н.Д., Степанов А.М., Попов Г.В.</i> Метавселенная: между искусственной социальностью и искусственной реальностью. Рецензия на книгу: Ball M. (2022) The Metaverse and how it will revolutionize everything. New York: Liveright. — 352 p.	257
<i>Волков Ю.Г.</i> Рецензия на книгу: Тощенко Ж.Т. (2025) Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации. М.: ФНИСЦ РАН. — 844 с.	272

CONTENTS

Sociology: Profession and Vocation

Mikhail Gorshkov. Russian Sociology in the Context
of the Imperatives of our Time 7

Civilizational Analysis

Ruslan Braslavskiy. Transformation of Social Ontology in Contemporary
Civilizational Analysis 18

Vladimir Kozlovskiy. Multiple Configurations of Civilizational Identity 38

Larisa Titarenko. The Civilizational Approach in the Study
of Russian Society 62

Digitalization Studies

Vadim Radaev. Engagement in the Use of Gadgets and New Forms
of Addiction: Intergenerational Analysis 80

Economic Sociology

Liubov Lebedintseva, Pavel Deryugin, Xu Lunhui, Liu Tianxi.
Market Theory in Chinese Economic Sociology:
Modern Sociological Approaches 127

Sociology of Youth

Maxim Kotelnikov. The Ambivalent Role of Engagement with Literature
in the Formation of Hybrid Masculinities among Young Men
from Low Socioeconomic Status Families 146

Antonina Pinchuk, Dmitry Tikhomirov, Egor Vakhnenko. Patriotism
of Moscow Student Youth: A Cluster Analysis 177

Sociology of Culture

Nikolay Karbainov. Images of Peter the Great in Post-Soviet Tatarstan:
Elite Versions and Mass Historical Representations 196

Gender Sociology

Marina Kashina, Sofia Agaeva, Darya Zharkova, Kira Zubkova. “This Is Not
Stand-up, but Criminal Cringe”: Reproduction and Overcoming
of Gender Stereotypes in Russian-Language Comedy Shows 219

Reviews

Natalia Tregubova, Alexander Stepanov, Gleb Popov. Metaverse between
Artificial Sociality and Artificial Reality. Book Review: Ball M. (2022)
The Metaverse and how it will revolutionize everything.
New York: Liveright. — 352 p. 257

Yuriy Volkov. Book Review: Toshchenko Zh.T. (2025) The Fate of the Social
Contract in Russia: Evolution of Ideas and Lessons from Implementation.
Moscow: FNISC RAS. — 844 p. 272

СОЦИОЛОГИЯ: ПРОФЕССИЯ И ПРИЗВАНИЕ

Представляем вашему вниманию текст одного из последних публичных выступлений академика РАН Михаила Константиновича Горшкова (29.12.1950 — 24.11.2025), безвременно ушедшего от нас в ноябре этого года. Доклад был представлен 23 июня 2025 г. на пленарной сессии I Петербургского социологического форума «Время перемен в России и мире».

Форум стал масштабной международной площадкой для дискуссий по ключевым вопросам современной общественной науки. М.К. Горшков, научный руководитель ФНИСЦ РАН и директор Института социологии ФНИСЦ РАН, в своем выступлении ярко обозначил главные вызовы, стоящие перед социологической дисциплиной. В числе приоритетов он выделил острую потребность в самоопределении отечественной социологии в условиях сложной, противоречивой общественной ситуации как на глобальном, так и на национальном уровне.

Характеризуя параметры новой реальности, академик акцентировал внимание на колоссальных социально-экономических и политических трансформациях российского общества в постсоветский период. По его оценке, ответы на вызовы времени способна дать суверенная отечественная социология, отличающаяся гуманистически ориентированной постдисциплинарностью, органично включающая в себя теории цифровизации и новые подходы к гуманизму. Отмечая проблемы преемственности по отношению к дореволюционной и советской науке, а также недостаточное соответствие текущего состояния дисциплины реалиям российского социума, М.К. Горшков тем не менее выразил уверенность в сохранении национальной самобытности и суверенности российской социологии в процессе ее становления в новой России.

В.В. Козловский

РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ИМПЕРАТИВОВ ВРЕМЕНИ (ПЛЕНАРНЫЙ ДОКЛАД НА ПЕТЕРБУРГСКОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ФОРУМЕ)

Михаил Константинович Горшков

Цитирование: Горшков М.К. (2025) Российская социология в контексте императивов времени (пленарный доклад на Петербургском социологическом форуме). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(4): 7–17.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.1> EDN: IWMUEC

Уважаемые коллеги, вступление российского общества в XXI столетие оказалось сопряженным с формированием новой социальной реальности. Причем в последние десятилетия эта реальность стала проявлять себя на редкость сложной, противоречивой и взрывоопасной, опосредованной не только вызовами и рисками техногенного, антропогенного, социально-экономического характера, но и усилением влияния на состояние и динамику развития страны геополитических факторов. Подобные факторы оказались даже таковыми, что потребовали применения в целях обеспечения национальной безопасности военных действий, проведения специальной военной операции на Украине.

Происходящее побуждает переосмысливать стратегию развития российского общества, поднимая вопросы управления им на качественно новый уровень. И в решении этой задачи социологическая наука не может оставаться в стороне. Однако очевидно, прежде чем определить требования новой реальности к научному, в том числе социологическому, обеспечению управления обществом, необходимо установить основные параметры самой этой реальности. И здесь, думается, речь должна идти о двух уровнях их существования и функционирования — глобальном и национальном.

С точки зрения качественно новых глобальных тенденций развития современных обществ выстраивание системы научного обеспечения управленческих практик не может не учитывать следующие процессы. С одной стороны, разворачивается суверенизация стран, а с другой — добровольная или принудительная десоверенизация всех сфер общественной жизни, включая ее ценностно-содержательные составляющие. Происходит изменение в традиционных и современных технологических, универсальных и суверенных основ управления наряду с возрастанием роли интеллектуальных, информационных и социально ответственных компонентов управленческого механизма. В свою очередь, в национальном контексте в разряд определяющих факторов функционирования и развития сообществ выдвигаются национальный человеческий капитал и научные знания, что ведет к значительному усилению роли неэкономических факторов, влияющих как на темпы экономического роста, так и на социокультурное развитие в целом. И что очень важно подчеркнуть, развиваются качественно новые модели суверенных социальных практик, уходящие при всей своей новизне к основам генотипа культуры страны, суть которого в корневой системе нравственных ценностей и жизненных смыслов.

В совокупности процессы глобализации и деглобализации детерминируют изменения, определяющие общий формат научных требований к управлению современным обществом. Причем их содержание определяется тем, насколько глобальные черты новой реальности дополняются ее национально-самобытными характеристиками. Применительно к российской действительности это означает, что при выработке эффективности суверенной модели научного обеспечения управленческих процессов необходимо работать в парадигме общего и особенного, понимая и учитывая то, что представляет собой пореформенная Россия как новая социальная реальность.

Действительно, каковы ее отличительные параметры? Во-первых, это качественно новая система общественных отношений, сложившаяся за три десятилетия российских реформ на базе радикально изменившихся отношений собственности. Во-вторых, это качественно новая социальная структура российского общества как его несущая конструкция. В-третьих, это качественно новая модель экономики и иной механизм управления, в котором доминируют правила игры, периодически изменяющие соотношение элементов государственной, частной и смешанной моделей экономики. В-четвертых, это невиданная ранее дифференциация и сегментация российского общества, образование в нем групп интересов, от эффективного согласования которых зависит его экономическая, полити-

ческая и социальная стабильность. В-пятых, это значительные различия в уровне социально-экономического и социокультурного развития регионов страны, наличие в каждом из них характерного именно для данного региона объема управленческих ресурсов, соотношения традиционного и инновационного в их использовании. В-шестых, это возникновение в обществе избыточных неравенств, прежде всего по доходам и имущественным критериям, приведшее к глубокому социальному расслоению. И в-седьмых, это сложившаяся в настоящее время система управления собственностью, не связанная для основной доли работников (а это очень важно) с принципами совладения ею, а значит, по сути, снимающая с них социальную ответственность за результаты своей деятельности.

Одни параметры новой российской реальности имеют объективную, другие субъективную природу, но тем не менее все они обусловлены действиями, сложившихся в практиках трансформации социума, совокупных факторов. А это говорит о том, что современное российское общество как новая социальная реальность является, в сущности, объективированным следствием субъективной деятельности множества людей. И в основе данной деятельности лежат разнонаправленные интересы и ценностные ориентации, установки и мотивации, явные скрытые противостояния различных элитных групп и политических организаций, что особенно было характерно для первого десятилетия постсоветских реформ. А по-сему нынешняя российская действительность включает в себя множество не только частных, но и базовых элементов как материального, так и нематериального, культурно-этического и духовно-психологического характера. И следует заметить: входя в противоречия, они нередко придают развитию общественных процессов непредсказуемый характер.

Безусловно, каждый тип социального знания может и должен предлагать свое видение, свои рекомендации, направленные на обеспечение профессиональной, научно-осмысленной проработки проектных решений на всех уровнях государственного управления. Однако, не принимая возможностей и достоинств иных социогуманитарных дисциплин, все же позволю себе заметить, социология, будучи по природе своей и междисциплинарной наукой, и надежным инструментом социальной диагностики, имеет особое значение для оптимизации механизмов общественного управления. Тем самым не будет преувеличением утверждать: включение социологии в определение самих смыслов, ресурсов и способов научного обеспечения, суверенного развития общества есть императив времени. Как известно, социология одна из самых молодых социальных наук, к тому же имеющая в российских условиях довольно сложную и противоречивую историю становления и развития.

Вряд ли какая наука прошла такие хождения по мукам, образно говоря. Как следствие, периодически в ней возникает потребность пересмотра исходных определений и концепций. В немалой степени этому способствует изменение научного поля социологической дисциплины, связанное с включением в сферу исследования социальных фактов смежных с ней отраслей знания.

Так, согласно традиционным установкам, принято считать, что основой инновационного развития экономики выступает прежде всего внедрение технологических процессов, научно-технических достижений, непрерывный поток инноваций, производство и экспорт высокотехнологической продукции, да и самих технологий. Отчасти это действительно так. Нестандартно многочисленные и многообразные определения данного понятия нередко апеллируют к практикам развития и расширения различных сфер научно-технической революции.

Вместе с тем в наши дни в центр инновационной проблематики выдвигается осмысление ее социальных и социокультурных оснований. Объясняется это тем, что в современных условиях основные механизмы перехода к новым формам организации жизни общества лежат именно в социокультурной сфере. Кроме того, обладая инновационным потенциалом, научно-технические и экономические разработки обнаруживают свои реальные возможности лишь при наличии определенных мотивов в социокультурных ситуациях.

Важнейшая роль в осмыслении инновационной проблематики, формирования и пополнения интеллектуального капитала общества способна сыграть суверенная отечественная социология, нацеленная на проведение междисциплинарных, а по сути, синтезирующих исследований различных сфер жизнедеятельности российского общества. При этом все больше выделяется значимость гуманистически ориентированной суверенной постдисциплинарности, органично включающей в себя как теории цифровизации, так и новые подходы к гуманизму, адекватно отражающие нелинейный характер современной картины мира. Нельзя забывать и о том, что при всей автономности социологического знания оно не может развиваться и обновляться в обособленном режиме. Все это происходит только при взаимодействии социологии и социальной психологии, социологии и социальной философии, социологии и социальной истории, социологии и культуры, социологии и права. Без такого взаимодействия нет движения социологической мысли. При этом сама социология представляет собой подвижное поле теоретической деятельности, на котором сталкиваются и старые и новые представления о жизни людей и жизни социума. Происходит постоянное движение от постулатов и предположе-

ний к фактическому материалу, а затем восхождение от эмпирического знания к построению теории. И в этом смысле социология как следствие, как результат познавательного процесса есть непрерывный дискурс, посредством которого общество, в данном случае в лице социологов, осмысливает вызовы современности, ниши, которые побуждают к осмыслению данных вызовов и угроз. Это касается как новой, так и традиционной проблематики. Речь идет о проблемах глобализации и мультикультурализма, демократизации и авторитарности, формирования новых идентичностей, открытости современных обществ и их культурной обособленности, преодоления избыточных социальных неравенств и роста потребностей, столкновения интересов и необходимости выработки ценностного согласия как условия мирного разрешения возникающих конфликтов.

В современном мире социология является своего рода самосознанием общества. Своими профессионально полученными результатами она показывает, кто мы такие и что мы как общество собой представляем. Но при этом социологическая наука не есть просто прямое зеркало. Она имеет способность оказывать на человека формирующие воздействия и влиять на его практические шаги. Социология создает образы и концепты, а в последующем — массовые представления о том, какова реальность ситуаций, в которых члены сообщества уже находятся или могут оказаться в будущем. Поэтому в определенном смысле, влияя на образ мыслей людей и их представления о самих себе, на стили их жизни и потребности, а также на весь спектр их действительных и возможных поступков, социологическая наука, по сути дела, формирует наше будущее.

Уважаемые коллеги, во все времена, будь то дореволюционная Россия, Советский Союз, постсоветская Российская Федерация, суверенность отечественной социологии была и остается обусловленной самобытными реалиями нашего общества, корни которых уходят в генотип культуры. Одновременно на предметный вектор становления социологической науки, специфику ее теоретико-методологического инструментария традиционно влияли место и роль страны в мировом сообществе. Как следствие, анализируя объективные и субъективные детерминанты странового развития, российские социологи оценивали историческое прошлое и настоящее страны, на основании чего стремились прогнозировать ее будущее. В развитии страны были восходящие тренды, периоды великих свершений, когда у людей складывалась убежденность в том, что уже следующее поколение будет жить в обществе, в котором восторжествуют идеалы гуманизма и социальной справедливости. Имели место и революционные, и реформистские зигзаги, порождаемые иллюзиями так называемого за-

морского счастья. Все это сопровождалось механическим перенесением на отечественную почву моделей жизнедеятельности западных стран, функционирующих на основе иной культуры, принципов индивидуального успеха, прагматизма и потребительства. В познании и интерпретации этого сложного противоречивого пути социологи осуществляли переоткрытие ценностей, меняли видение прогресса, а подчас представление о наших друзьях и врагах. Они не только не стояли в стороне от происходящих перемен, но и в значительной степени их инициировали либо критиковали как неприемлемые для страны.

В одни исторические периоды отечественные социологи были лидерами в развитии мирового социологического знания. Представители русской дореволюционной социологической мысли XIX — начала XX в. внесли существенный вклад в образование формирующейся науки, участвовали в международных социологических конгрессах и даже возглавляли Международную социологическую ассоциацию. Их труды публиковались в авторитетных научных изданиях, изучались в ведущих университетах мира. В советский период были созданы фундаментальные теории, объясняющие закономерности развития современных социумов, преимущества равно достойного образа жизни. Прорывные достижения СССР в области индустриализации, культурного строительства, победа в Великой Отечественной войне, пионерское освоение космоса подкрепляли наше лидерство в общественных науках. Особо популярны были отечественные теории социально справедливого будущего и мирного сосуществования суверенных государств с различным общественным строем. Однако в конце XX в. в социологии и других общественных науках (это надо признать) возобладала сторонники идеалов рынка, индивидуальной успешности, которые стали рассматриваться как универсальные ценности. Это побудило политических лица взять курс сначала на копирование в России западного опыта и экономического развития, а затем на вхождение ее в так называемый общеевропейский дом. В сущности, примирение с несuverенным курсом развития страны фактически привело к вестернизации жизнедеятельности россиян, что, конечно же, нашло отражение в дисперсии предметных полей постсоветской социологии.

Из лидеров российская социология превратилась во многом, я бы назвал так, в поддакивающую науку. На практике это выразилось в фактическом признании универсальности либеральной модели развития с доминированием американской культуры, ее политических и экономических ценностей, что проявилось, в частности, в принятых критериях значимости труда ученых: публикации в зарубежных изданиях стали оцениваться как более весомые, как более научно значимые.

С учетом изложенного правомерно поставить вопрос, а чему учит анализ противоречивого процесса становления отечественной социологией? Прежде всего тому, что любые научные институции формируются и проявляют себя через систему общественных отношений, которые складываются в конкретных исторических условиях. Перефразируя известную ленинскую формулу, можно сказать даже так: существовать в обществе, быть свободным от общества, от доминирующих в нем идей нельзя. Это не под силу даже социологии, науке по природе своей глубоко аналитической, независимой, а временами непокорной.

Вместе с тем уроки истории учат тому, что социология, способная быть важным ресурсом изменения общественной жизни и общественных институтов, может быть использована как один из эффективных способов осмысления социальных проблем. Однако данный способ самопонимания меняется в ходе исторических трансформаций, переживаемых обществом. Вступление в каждый новый этап развития означает рождение нового взгляда социума на самое себя. При этом социологическое мышление обретает новые параметры своего содержания, что и демонстрирует эволюция национальной самобытности российской социологии. В условиях переживаемых научным сообществом интеграционных процессов постановка вопроса о национальной самобытности и суверенности российской социологии может показаться излишней, у кого-то вызывает раздражение, а у кого-то и вовсе, наверное, состояние неприязни. Вместе с тем подобная реакция, если вдуматься, лишена оснований как минимум по трем причинам. Во-первых, само понятие самобытности не таит в себе ничего предосудительного, ибо выражает, пользуясь широко распространенными синонимами, своеобразие, специфичность и самостоятельность в развитии. И в этом смысле российская социология, находясь в русле развития мировой социологической мысли, не может не быть связана и обусловлена самобытностью истории, культуры и традиций российского народа, государства и общества. И это же относится к другим народам, к другим обществам, другим национальным социологиям. Во-вторых, если говорить о влиянии процессов глобализации на парадигмы современных социальных наук в страновом контексте, то далеко не все национальные социологические школы спешат примкнуть к предлагаемым научным авторитетным концепциям настоящего и будущего мирового сообщества, которые мало в чем проецируются на реальное состояние и особенности развития конкретного национально-государственного образования. И, кстати говоря, это со всей очевидностью демонстрируют международные, особенно европейские, социологические конгрессы и форумы последних двух десятилетий. И в-третьих, настороженное отношение к уста-

новлению самобытности и суверенности российской социологии, как, собственно, и других национальных социологий, снимается обращением к категориям исторического и логического. В самом деле, если мы говорим о социологии как науке об обществе, то для нас не просто желательно, но и необходимо знать и понимать то общее и специфическое, то существенное, постоянное, динамично меняющееся, что реально происходит в жизни этого общества, что определяет его внутреннее и внешнее состояние.

Тем самым суть вопроса состоит не в том, имеет место или нет национальная самобытность отечественной социологии, а в том, чем такая самобытность определяется сегодня, характеризуется и выделяется среди иных самобытностей, — вот в чем вопрос и вот в чем наша исследовательская задача. Из сказанного очевидным образом вытекает: понять общество, в том числе такое своеобразное, как Россия, возможно только на основе постижения его исторического развития, ибо взгляды людей на самих себя и на жизнь социума не уходят в небытие. Они живут в каждом новом поколении, приспосабливаясь к новациям современности. В этом-то и состоит одна из дилемм социального мышления. Оно не может освободиться от сложившихся форм в тех же масштабах и темпах, которые сопряжены с изменением самих жизненных практик, и в то же время оно не может существовать без постоянного обновления. Именно такие критические черты отмечали противоречивый процесс становления социологии новой России. Важно, что она постоянно находилась в творческом поиске и определяла направление и проблему актуальных исследований, а главное, стремилась руководствоваться принципом социологического анализа конкретных ситуаций, изучая реально происходящие в стране и обществе социальные трансформации.

В сущности, постсоветская социология, по крайней мере на академическом уровне, стала складываться и развиваться как социология действительности, а постсоветская Россия изучаться как новая социальная реальность, причем во всей ее многослойности и многоаспектности. За весьма недолгий исторический период в российской социологии в основных чертах утвердился особый взгляд на мир людей, их социальное взаимоотношение и взаимодействие. Речь идет о том, что в нашем профессиональном сообществе возобладало специфическое видение окружающей социальной среды, которое отличается от обыденных представлений о ней в трех главных аспектах. Во-первых, социологи с классическим образованием стали придерживаться целостного системного изучения и понимания общества, что демонстрируют наши ведущий государственный университет и социологический факультет. Во-вторых, социологическое познание все в большей степени выстраивается на основе использования определенной методологии

и методик, которые устанавливают истинность фиксированных факторов и обобщений посредством репрезентативных эмпирических исследований. И в-третьих, специфика социологического восприятия общественных явлений и процессов стала выражаться в применении особого категориального аппарата, который позволяет охватить и понять и многоаспектный, и контекстный характер новой повседневности.

В современной российской социологии утвердились открытость и плюрализм, идет напряженный творческий процесс переосмысления доминирующих в мировой литературе теоретических направлений с тем, чтобы они приобрели значимость с точки зрения анализа в социальных реалиях, в их политическом, экономическом и культурном измерениях. Замечу, что и во многих регионах мира, прежде всего в странах БРИКС (с некоторыми из них мы активно сотрудничаем в социологической сфере), нарастает тенденция преодоления гегемонии западной социологии и поиска источников науки об обществе, соответствующих национальной культуре и актуальным запросам конкретного социума. В настоящем времени ряд национальных социологий, можно так сказать, преодолел стадию ученичества у социологии западной, которая продолжалась с конца XIX до начала XX в. Появляется все больше примеров мостов сотрудничества, того, как национальные социологи разрабатывают самобытные методологии, теории, предлагая мировому сообществу оригинальные и необычные научные тренды. К сожалению, современная российская социология (это тоже надо признать), во многом утратившая преемственность с отечественной дореволюционной и советской социологией, до сих пор еще не в полной мере отвечает императиву времени. Хотя, безусловно, предлагаются и получают свои обоснования и новые оригинальные концепты. Однако они не всегда соответствуют реальному состоянию российского социума, его динамике, а также прошлым и настоящим достижениям отечественной социальной науки. Отсюда, по сути дела, естественным образом вытекает непременно условие плодотворности суверенного развития современного поля российской социологии. Оно представляется как научно-критическое осмысление знания, накопленного разными социологическими школами, но непременно в контексте формирования и использования собственных, теоретико-методологических и методических ресурсов, и осуществление на этой основе социологической диагностики российских реальностей настоящего и социального конструирования моделей России будущего. Спасибо за внимание!

**RUSSIAN SOCIOLOGY IN THE CONTEXT
OF THE IMPERATIVES OF OUR TIME: PLENARY ADDRESS
AT THE ST. PETERSBURG SOCIOLOGICAL FORUM**

Mikhail K. Gorshkov

Citation: Gorshkov M.K. (2025) Russian sociology in the context of the imperatives of our time: plenary address at the St. Petersburg Sociological Forum. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(4): 7–17 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.1> EDN: IWMUEC

Abstract. The following text is a posthumous publication of one of the final public speeches by RAS Academician Mikhail Konstantinovich Gorshkov (December 29, 1950 – November 24, 2025), who passed away in November of this year. The report was delivered on June 23, 2025, at the plenary session titled “A Time of Change in Russia and the World” of the 1st St. Petersburg Sociological Forum. The Forum served as a major international platform for discussions on the key issues of modern social science. In his address M.K. Gorshkov – Scientific Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology (FCTAS RAS) and Director of the Institute of Sociology of the FCTAS RAS – outlined the primary challenges facing the sociological discipline. Among its priorities he highlighted the urgent need for Russian sociology to define its own identity within the complex and contradictory social landscape at both global and national levels.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ АНАЛИЗЕ

Руслан Геннадьевич Браславский (r.braslavsky@socinst.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Браславский Р.Г. (2025) Преобразование социальной онтологии в современном цивилизационном анализе. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(4): 18–37. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.2> EDN: JBAIOZ

Аннотация. Реконструируется соотношение двух конкурирующих в полидисциплинарной области цивилизационного анализа исследовательских традиций: метаисторической и социологической. В каждой из них выделяются группы теорий, опирающиеся как на унитарную, так и на плюралистическую концепцию цивилизации. В середине XX в. кристаллизовалась и заняла доминирующее положение метаисторическая парадигма цивилизационного анализа, больше известная под именем теории локальных цивилизаций. Концептуальные ограничения метаисторической парадигмы воспрепятствовали полноценной институционализации исследовательской области сравнительного изучения цивилизаций в самостоятельную научную дисциплину. Цивилизационный поворот в социологии в 1970-е годы привел к разрыву с метаисторической цивилизационной парадигмой на уровне фундаментальных метатеоретических предпосылок. В отличие от традиционного субстантивистского взгляда на локальные цивилизации как эмпирически предзаданные объекты исследования, современная социологическая парадигма цивилизационного анализа основывает социальную онтологию на парадоксальном сочетании принципов аналитической автономии и взаимного конституирования в соотношении фундаментальных категорий, общих измерений и особых сфер социальной жизни. В результате метатеоретического анализа цивилизационного подхода в социологии построена тринитарная концептуальная схема социальной онтологии и выявлены ее логические несоответствия. Для их преодоления разработана новая четырехкатегориальная концептуальная схема социальной онтологии. Осуществленная на рубеже XX–XXI вв. в социологической версии цивилизационного анализа концептуализация культуры и власти как соизмеренных и взаимоположенных друг другу онтологических категорий заложила основу не только для консолидации цивилизационного анализа за рамками противопоставления унитарной и плюралистической концепций цивилизации, но и для переориентации социологической теории по ту сторону всех видов функционализма, редукционизма и детерминизма.

Ключевые слова: цивилизационный анализ, социологическая теория, социальная онтология, аналитическая автономия, взаимное конституирование, культура, власть, богатство, право.

Одна из фундаментальных теоретических проблем современных социальных наук заключается в недостаточности широко используемых концептуальных средств культурно-детерминистского метаисторического цивилизационного подхода и ортодоксального структурно-институционального социологического анализа. Разрабатываемые с их помощью редукционистские теоретические модели не соответствуют неоднородной и противоречивой цивилизационной конфигурации современных обществ. Альтернативный подход основан на переопределении культурно-институциональной взаимосвязи за рамками любых версий редукционизма и одностороннего детерминизма. Он представлен формирующейся социологической парадигмой цивилизационного анализа и генетически связанной с ней теорией множественных модерностей.

В статье реконструируется логика перехода цивилизационной теории в современной социологии от аналитической концепции цивилизационного измерения социальной жизни к всеохватывающей социальной онтологии.

От субстантивистской к аналитической концепции цивилизаций

В полидисциплинарной области цивилизационного анализа сложились две конкурирующие исследовательские традиции: метаисторическая и социологическая (Arnason 2001a). В каждой из них выделяются группы теорий, опирающиеся как на унитарную, так и на плюралистическую концепцию цивилизации (табл. 1). В метаисторической традиции проблематика, связанная с понятием цивилизации в единственном числе, приобрела антропологическое направление, в котором на первый план вышло изучение первобытных обществ с «примитивной» культурой и их перехода к сложноорганизованным обществам, обладающим городами, государством, письменностью и другими признаками «цивилизации». Социологическое направление сосредоточилось на объяснении исторически гораздо более поздних процессов возникновения и развития обществ современного типа. При этом в рамках каждой из двух вышеназванных традиций создавались всеохватывающие схемы человеческой истории «от истоков до наших дней». Если в антропологии стадийное понятие цивилизации еще сохраняет самостоятельное научное значение, то в концептуальном аппарате современной социологии закрепились идущая от Н. Элиаса процессная концепция цивилизации. Первоначально разрабатываемая в рамках унитарного подхода теория процесса цивилизации впоследствии оказалась открытой множественным контекстам человеческой истории. В настоящее время плюралистический подход считается наилучшим, если не единственно возможным способом отстоять цивили-

лизационный анализ как особую и предпочтительную парадигму в социальных науках (Arnason 2001b: 390). При этом формирующаяся в исторической социологии на основе плюралистического подхода цивилизационная парадигма не сбрасывает, а переосмысливает проблематику, связанную с понятием цивилизации в единственном числе. Характеризуя современное состояние поля цивилизационного анализа, можно сказать, что традиционная оппозиция унитарной и плюралистической концепций цивилизации уступила место принципиальному различию между метаисторической и социологической версиями плюралистического подхода.

Таблица 1

Две традиции цивилизационного анализа в социальных науках

Концепция цивилизации	Традиция цивилизационного анализа	
	Метаисторическая	Социологическая
Унитарная	Теория происхождения цивилизации	Теория процесса цивилизации
Плюралистическая	Теория локальных цивилизаций	Теория цивилизационных паттернов

Метаисторическая парадигма цивилизационного анализа, больше известная под именем теории локальных цивилизаций, кристаллизовалась и заняла доминирующее положение в 1950–1960-е годы. Заложенная образцовыми работами Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, она разрабатывалась главным образом историками, антропологами, культурологами (Ф. Конечный, А. Кребер, Р. Кулборн, К. Куигли, Ф. Бэбби, О. Андерле, Ф. Боркенау и др.), в 1990-е годы была популяризована С. Хантингтоном благодаря его описанию геополитической ситуации после окончания холодной войны как «столкновения цивилизаций» и ныне переживает возрождение в виде ставшей идеологемой концепции «государства-цивилизации». Концептуальный каркас метаисторической парадигмы составляет идеальный тип цивилизаций как наиболее широко-масштабных и долговременных, самобытных, когерентных, гомогенных, эндогенных социокультурных образований, которые развиваются циклически, проходя фазы подъема, расцвета и упадка.

Под определяющим влиянием метаисторической парадигмы сформировалось стереотипное представление о поле цивилизационных исследований в целом. Другие версии цивилизационного подхода игнорировались или подгонялись под идеализированный образ локальной цивилизации либо воспринимались как вариация или отклонение от заданного образца,

а не как нечто принципиально отличное от него. Показательным примером может служить теория культурных суперсистем П.А. Сорокина. В середине 1960-х годов он дал систематическую критику «тоталитаристских» (холистических) теорий цивилизаций, попутно выступив против причисления его к школе «идеалистических органицистов» наряду с О. Шпенглером и А. Тойнби (Sorokin 1966: 158–240, 220). Но и после этого его продолжали рассматривать в одном логически преемственном ряду с ними (см., например: Мелко 2001 [1995]: 308). Правда, принимая во внимание приверженность российско-американского социолога идеям культурного детерминизма и системной интеграции в понимании цивилизационных формаций, его включение в более широкую, чем «организмическое» направление, метаисторическую традицию цивилизационного анализа не является вовсе бесосновательным. Точно так же в нее могут быть включены и другие социологи, которые придерживаются «идентитаристской» трактовки цивилизаций (например, М. Мелко, В. Каволис).

На середину XX в. приходится период полноценного установления в социальных науках институционального режима научных дисциплин. В сложившейся дисциплинарной конфигурации социальных наук теория цивилизаций оказалась втиснутой главным образом в рамки востоковедения. Последнее, сосредоточенное на всеохватывающем изучении высоких культур Востока, располагалось между антропологией, описывавшей так называемые примитивные культуры, с одной стороны, и относящимися к изучению западного мира историей как идиографической наукой о прошлом и социологией, экономикой и политологией как комплексом номотетических наук о современном — с другой (Валлерстайн 2003: 294–295). Тем не менее сравнительное изучение цивилизаций так и не оформилось в самостоятельную научную дисциплину. По своему пространственно-временному охвату цивилизационный подход изначально выламывался за рамки востоковедения. Ни основоположники, ни большинство последователей метаисторической традиции, не говоря уже о представителях социологической версии цивилизационного анализа, не фокусировались исключительно на незападных цивилизационных формациях.

«Дисциплинарное» ограничение цивилизационного подхода хронотопом востоковедения было во многом следствием неспособности метаисторической теории локальных цивилизаций справиться с концептуальным вызовом модерности как «новой цивилизации» (Ш. Эйзенштадт), не выходя при этом за рамки плюралистического видения человеческой истории или не оставаясь вариацией антимодернистского дискурса на тему кризиса культуры. Доминирующие в это время универсалистские

представления о состоянии модерности опирались на унитарную концепцию цивилизации и эволюционистское видение человеческой истории, что и обусловило вытеснение теории цивилизаций в домодерное прошлое и на считавшийся традиционным Восток в противоположность, по выражению Н. Элиаса, «отступлению социологов в настоящее» (Elias 1987: 223). Согласно дисциплинарной логике академического разделения труда, социологи изучали «модерные общества» Запада, а ориенталисты — «традиционные цивилизации» Востока (Валлерстайн 2003: 295). Однако строгость дисциплинарных границ, проведенных на географической карте, не соответствовала реальным процессам трансформации послевоенного глобального мира. Об этом свидетельствовало возникновение уже в 1950-е годы теории модернизации и практическое осуществление сформулированной еще в середине 1940-х годов в США идеи регионоведения (*area studies*), которая «была задумана как соединение социальных наук и изучения незападных цивилизаций» (Arjomand 2010: 366). В этом контексте сравнительное изучение цивилизаций приобрело скорее статус междисциплинарного исследовательского поля на стыке востоковедения, истории, антропологии, социологии — наук, тяготеющих к всеохватывающему постижению социальной жизни.

Незавершенности процесса «дисциплинаризации» цивилизационной компаративистики способствовали как недостаточная разработанность концептуальных оснований цивилизационного подхода, так и не столь явная институционализация в социальной реальности таких объектов изучения, как «локальные цивилизации», особенно по сравнению с феноменом нации-государства, выступавшего главным эмпирическим референтом ключевого социологического понятия «общество». Оба эти обстоятельства нашли отражение в неоконченных спорах о критериях классификации и количестве цивилизаций в мировой истории. Хотя относительно выделения основных цивилизационных комплексов определен консенсус сложился, сама неспособность сторонников цивилизационного подхода прийти к общему пониманию оснований типологии цивилизаций обнаружила глубокие концептуальные проблемы данного подхода, которые воспрепятствовали его широкому признанию и институционализации в академической среде. Для метаисторической парадигмы с заложенным в ней субстантивистским видением социальной реальности, в соответствии с которым цивилизации определяются как эмпирически предзаданные объекты исследования, классификационная проблема имела решающее значение, поскольку без ее удовлетворительного решения цивилизационный подход терял *raison d'être* — сам объект своего изучения.

Альтернативная метаисторической социологической традиции цивилизационного анализа представляет собой только формирующуюся парадигму. По сравнению с конкурирующей версией она оказалась внутренне более разделенной, а ее историческая траектория более прерывистой. Взаимная изолированность ключевых немецкого и французского источников цивилизационного проекта в классической социологии начала XX в. в лице М. Вебера и Э. Дюркгейма с М. Моссом сменилась разрывом исторической преемственности в 1940–1960-е годы, когда вакантное место заняла метаисторическая теория цивилизаций. Наконец, возрождение цивилизационного анализа в социологии в последней четверти прошлого столетия происходило в двух параллельных направлениях: теории процесса цивилизации, заложенной Н. Элиасом в конце 1930-х годов, и теории цивилизационных паттернов, заново открытой Б. Нельсоном и Ш. Эйзенштадтом. Только в начале текущего столетия удалось заложить концептуальную основу широкой консолидации всего поля цивилизационного анализа, во многом благодаря усилиям прежде всего Й. Арнасона. В современной социологии Н. Элиас, Ш. Эйзенштадт и Й. Арнасон образуют второй триумvirат ведущих представителей цивилизационного подхода после М. Вебера, Э. Дюркгейма и М. Мосса в социологии классического периода.

Цивилизационный поворот в социологии в 1970-е годы привел к разрыву с метаисторической цивилизационной парадигмой на уровне фундаментальных метатеоретических предпосылок, определяющих видение природы социальной реальности и способов ее изучения. «Поворот» не просто как метафора, а как термин, фиксирующий определенный тип теоретического изменения, означает переход ключевого, дающего название данному повороту, понятия от обозначения определенного класса объектов исследования (предметной области) к аналитической категории. «Говорит о “повороте” можно лишь тогда, когда новый ракурс исследования “переходит” с предметного уровня новых областей исследования на уровень аналитических категорий и концепций, то есть когда он перестает просто фиксировать новые *объекты* познания, но сам становится *средством* и *медиумом* познания» (Бахман-Медик 2017: 29). В социологии принятому в метаисторической традиции субстантивистскому понятию «локальной цивилизации» была противопоставлена аналитическая концепция «цивилизационного измерения человеческих обществ» (Ш. Эйзенштадт), понимаемого как соединение культурных онтологий с институциональными правилами. Цивилизационный поворот в социологии нашел терминологическое выражение в переименовании исследовательской области «сравнительного изучения цивилизаций» в «цивилизационный анализ».

Социологическая версия цивилизационного анализа разрушила сложившийся в метаисторической традиции сильный интегративистский образ цивилизаций, заменив его «конфигурационным» с контингентными и разнообразными связями между компонентами вне какой-либо априорно заданной координации и иерархии между ними. Важнейшей теоретической предпосылкой социологического цивилизационного подхода стал отказ от любых разновидностей редукционистского детерминизма в соотношении структурно-институциональной и культурной сторон социальной жизни. Если в ортодоксальной социологии культура рассматривалась как зависимая от более фундаментальных социальных сил переменная, а в метаисторической теории локальных цивилизаций — в качестве главного всеопределяющего фактора, то в современной социологической версии цивилизационного анализа за культурой признается автономная роль одного из компонентов социальной реальности, находящегося в соконституирующем взаимопереплетении с другими категориями социальной онтологии. Социологический цивилизационный анализ отказался как от принятого в метаисторическом цивилизационном подходе представления о «культурных кодах» с приписываемой им функцией программирования социальных институтов, отношений, практик, образа жизни, так и от ортодоксального социологического понятия культуры как «норм и ценностей» (наиболее институционализированной части культуры) в пользу расширенной феноменолого-герменевтической концепции культуры как интерпретации мира, представляющей собой единство артикуляции мира и его раскрытия (Arnason 2010b: 68).

Согласно Й. Арнасону, в основании цивилизационных способов артикуляции мира лежат «воображаемые значения» (термин К. Касториадиса), которые всегда содержат неисчерпаемый избыток смысла. Они не дают окончательных ответов на предельные вопросы человеческого существования, а формируют общую латентную «культурную проблематику», представляющую собой «конstellацию тем, проблем и перспектив, открытую для различных и часто противоречивых интерпретаций» (Арнасон 2017: 63). Цивилизационные паттерны, образуемые особыми сочетаниями интерпретативных и институциональных рамок, различаются прежде всего своими культурными проблематиками, ключевыми темами и способами вопрошания о мире. Некоторые из множественных артикуляций общей проблематики кристаллизуются в сравнительно устойчивые культурные модели, принимают доминирующий характер и транслируются в особые, но взаимосвязанные институциональные сферы с различными структурами, акторами, стратегиями, ресурсами, видениями, пра-

вилами, достраивая тем самым цивилизационный паттерн. Но культурная кристаллизация происходит всегда в сплетении с властью: не только «власть всегда культурно определена», но и «культурные паттерны поддерживаются властью» (Арнасон 2017: 53). Поскольку культурные предпосылки цивилизаций не задают единую логику своего развертывания и не программируют институциональные порядки обществ, то перед социальными акторами открывается пространство неопределенности, в котором всегда ведется борьба за интерпретацию и за определение социального и политического порядка, т.е. в игру вступает властный фактор. Как подчеркивает С. Аржоманд, политические конфигурации входят неотъемлемой частью в процесс «архитектонического конструирования смысла» (Arjomand 2013: 35).

Власть в цивилизационном анализе понимается предельно широко: от общей преобразовательной способности человеческого действия до полей асимметричных социальных отношений с интеракционистскими дефинициями власти между этими двумя — агентностным и структурным — полюсами семантического континуума. Агентностная интерпретация власти особенно ярко представлена в теории структуризации Э. Гидденса, для которого действовать — значит уже осуществлять власть. Структурный аспект власти был весьма обстоятельно разработан в теориях целого ряда выдающихся социологов, таких как М. Фуко, П. Бурдьё, М. Манн, Р. Коллинз. Из интеракционистских концепций веберовское определение власти как способности актора определять действия другого даже вопреки сопротивлению является классическим, хотя и недостаточным. Более позднюю вариацию на тему власти как принятия решения в связи с формированием картин мира и социальными отношениями можно найти у П. Кондилиса (Кондилис 2025). Процессо-реляционная концепция социальных фигураций Н. Элиаса до сих пор остается наиболее плодотворной и всеобъемлющей версией теоретизирования власти, способной вместить в себя агентностную и интеракционистскую перспективы, но существенно ограниченной в своей недооценке культурных определений власти.

Выход цивилизационной теории в социологии за пределы функционализма и системного подхода поставил категории культуры и власти в необходимую связь между собой. Осуществленная на рубеже XX–XXI вв. концептуализация культуры и власти как соразмерных и взаимоположенных друг другу онтологических категорий стала важнейшим теоретическим достижением цивилизационного анализа в социологии. Тем самым созданы предпосылки не только для консолидации цивилизационного анализа за рамками противопоставления унитарной и плюралистической

концепций цивилизации, но и для переориентации социологической теории по другую сторону всех видов функционализма, редукционизма и детерминизма.

От концепции цивилизационного измерения к всеохватывающей социальной онтологии

Программное для социологического цивилизационного анализа понятие цивилизационного измерения человеческих обществ Ш. Эйзенштадт сформулировал через выделение двух различных, но взаимосвязанных аспектов: с одной стороны, культурной интерпретации мира («онтологических или космологических видений»), а с другой — определения, структурирования и регулирования «арен» социальной жизни (Eisenstadt 2000: 2). Наиболее лаконичная формулировка цивилизационного измерения встраивает его в тринитарную «базовую социальную онтологию» (Wagner 1994: 20; Arnason 2003: 195–196), подчеркивая «переплетение структурных аспектов социальной жизни с ее регулятивным и интерпретативным контекстом» (Eisenstadt 2000: 1). Но и более развернутое определение цивилизационного измерения, которое акцентирует интерпретативно-институциональную взаимосвязь, содержит выход на социоструктурное измерение социальной жизни через использование термина «арены» (во множественном числе). В отличие от нагруженных функционалистскими коннотациями более привычных терминов «сферы» или «подсистемы» социальной жизни, он отсылает к конфликтному образу общества, образуемого паттернами отношений власти. Последние Н. Элиас всеобъемлющим образом концептуализировал в понятии социальной фигурации, обозначающим сеть отношений взаимозависимости между акторами (Elias 1978: 131). Данное понятие относится к меняющемуся балансу власти в социальных отношениях любого уровня — от взаимодействия отдельных лиц до глобальных сетей. Как воплощение реляционной концепции власти понятие фигурации снимает противоположность между индивидом и обществом как самостоятельными онтологическими сущностями, упраздняя саму дихотомию агентности и социальной структуры с метатеоретической позиции обоюдного конститутивизма. Всеохватывающий масштаб понятия фигурации раскрывается по отношению не только к социоструктурному измерению социальной жизни, включающему в качестве своего неотъемлемого конститутивного аспекта агентности и не ограничивающегося фокусом на отдельных властных структурах — в отличие от Эйзенштадта, который уделял основное внимание анализу коалиций и конфронтаций различного типа элит, но при этом игнорировал многие «структурные данности» (Йоас, Кнёбль 2011: 475–476).

Всеобъемлющий характер понятия фигурации относится к социальной жизни в целом, во всей совокупности ее проявлений, компонентов, измерений и доменов. «Такие понятия, как структура или функция, роль или организация, экономика или культура, — писал Н. Элиас, — часто не дают понять, что они относятся к конкретным фигурациям людей» (Elias 1978: 131). Если в концептуальной схеме Эйзенштадта центральное место отводилось культуре и ее «аналитической автономии», а «общий вопрос о власти как конститутивном компоненте цивилизаций» так и не был им надлежащим образом поставлен (Arnason 2015: 151), то в фигурационной социологии Элиаса категория власти приобрела унифицирующее значение, придав в конечном счете всей его процессо-реляционной теории цивилизации отчетливо выраженные редукционистский, функционалистский и эволюционистский уклоны, против которых в социологической теории сам он изначально боролся. Тем самым исследовательская программа цивилизационного анализа, тематизирующая отношения между культурой и властью в качестве своей ключевой проблематики, нуждается в равной степени как в культууроориентированном понятии цивилизационного измерения Эйзенштадта, так и во властечетричном понятии социальной фигурации Элиаса, при условии строгого аналитического различения трех общих измерений социальной жизни: интерпретативного, институционального и социоструктурного — во избежание неоправданного одно-стороннего детерминизма и редукционизма того или иного толка.

Институциональной стороне цивилизационного измерения более пристальное внимание уделит Й. Арнасон. Опираясь на идею множественных «порядков жизненных отношений» М. Вебера (Вебер 2006), он разработал модель сфер социальной жизни как «миропорядков», углубляя понимание способов перехода культуры в институциональные формы. В этой модели три конвенционально выделяемые основные сферы социальной жизни — экономика, политика и культура — выступают доменами онтологических категорий богатства, власти и смысла соответственно. Данные категории представляют собой «особые способы присвоения, переживания и интерпретации мира», а также взаимосвязанные, но в некоторой степени «альтернативные фокусы институционального строительства», которые характеризуют разные цивилизационные паттерны (Arnason 2003: 198–199). Арнасон подчеркивает несводимость друг к другу категорий на уровне элементарных различий и в то же время их взаимопереплетение при конституировании более сложных форм в экономической, политической и культурной сферах социальной жизни. Таким образом, данная модель сочетает в себе метатеоретические позиции аналитической автономии и взаимного конституирования. При этом

культура в ней предстает одновременно и как общее измерение, и как особая сфера социальной жизни. Иначе говоря, в отношении категории смысла проводится различие между артикуляциями, конституирующими собственно культурную сферу (область религиозных, философских, научных, эстетических способов интерпретации), и более скрытыми культурными ориентациями, которые соконституируют формы богатства и власти. В этой двойственности заключается, по словам Арнасона, «парадокс культуры», который должен быть не упразднен, а раскрыт (Arnason 2010b: 70).

От тринитарной к четырехкатегориальной социальной онтологии

Итак, базовая социальная онтология, которой придерживается цивилизационный анализ, различает в социальной жизни, с одной стороны, три общих измерения: социоструктурное, институциональное, интерпретативное, — а с другой — три особые сферы: экономику, политику и культуру, выступающие соответственно доменами категорий богатства, власти и смысла. В данном случае цивилизационный анализ следует устойчивой тенденции постпарсонсианской социологической теории отдавать явное предпочтение трехчастным концептуальным схемам социальной онтологии (при различиях в терминологии) над четырехсторонними (Arnason 2020: 14). Впрочем, делает он это, не настаивая на исчерпывающем разделении социальной жизни на три измерения или области и не пытаясь придать ему систематический характер. Тем не менее в развитие предложенной метатеоретической концептуальной схемы социальной онтологии могут быть предприняты дальнейшие шаги по связыванию между собой измерений и сфер социальной жизни.

Из сформулированного Арнасоном парадокса культуры следует, что категория смысла является связующим звеном между аналитическим интерпретативным измерением социальной реальности и особой сферой культуры. Но нельзя ли то же самое предположить и относительно двух других категорий? Из принципа соконституирования сфер социальной жизни логически следует, что каждая доменная для соответствующей сферы категория является в то же время и общим измерением, поскольку она присутствует в той или иной степени и форме и в других сферах, т.е. повсеместно в социальной жизни. Так, всепроникающее влияние власти в социальной жизни подчеркивал Э. Гидденс (Гидденс 2005: 77). И действительно, с опорой на понятие социальной фигурации Н. Элиаса довольно легко реконструируется связь политической сферы и социоструктурного измерения через категорию власти. Однако связь между

институциональным измерением и экономической сферой через общую категорию не кажется очевидной. Институционально-регулятивное измерение раскрывается через являющиеся неотъемлемым компонентом каждой сферы общественной жизни социальные нормы в широком смысле, базовые правила и определяющие конвенции, в то время как для сферы экономики доменной выступает категория богатства. Логические несоответствия тринитарной схемы соотношения общих измерений и особых сфер социальной жизни представлены в таблице 2.

Таблица 2

Логическое несоответствие тринитарной схемы социальной онтологии

Общие измерения социальной жизни	Особые сферы социальной жизни		
	Культура	Экономика	Политика
Интерпретативное	Смысл		
Институциональное		Богатство Норма	
Социоструктурное			Власть

Также весьма нетрудно представить категорию богатства, которая не сводится исключительно к материальным благам, как универсальное измерение социальной жизни, например через понятие ресурсов (как у Н. Элиаса) или капитала (как у П. Бурдьё), которые могут быть самого разного вида. Однако здесь категория богатства сталкивается с препятствием со стороны категории власти, характеризующейся с точки зрения своих различных средств или ресурсов, к которым сводятся все факторы и аспекты социальной жизни. Так, в фигуративной социологии Элиаса сети власти основаны на контроле и зависимости от различных комбинаций множественных ресурсов: экономических, военных, организационных, когнитивных (Agnason 1987: 433). Два ключевых момента в распространенных концептуализациях власти — подчеркивание ее универсального, всеохватывающего значения в социальной жизни и фокус анализа не столько на «власти как таковой», сколько на «проводниках» и «модальностях», через которые она осуществляется — наилучшим образом передает термин М. Манна «источники социальной власти». Согласно Э. Гидденсу, который определенно испытал влияние Элиаса, понятие ресурсов является фундаментальным в концептуализации власти, но при этом сама власть не является ресурсом; ресурсы — «это средства, с помощью которых осуществляется власть» (Гидденс 2005: 74, 57). Проведенное английским социологом аналитическое отделение власти от ресурсов чрезвычайно важно, но само по себе недостаточно, поскольку отношения между этими

двумя понятиями могут интерпретироваться по-разному. С одной стороны, оно все еще не гарантирует от редукционистской «ресурсной» трактовки власти, а, в конечном счете, от экономического детерминизма (в склонности к которому критики упрекали П. Бурдьё). С другой стороны, определение и понимание конститутивной роли ресурсов в социальной жизни может ограничиваться их помещением во всеохватывающую концептуальную рамку власти, как это и произошло в случае Гидденса.

Гидденс изначальную дуальную схему, включающую «правила» и «ресурсы» в качестве центральных понятий теории структуриации, развернул в тринитарную за счет аналитического разделения двух аспектов правил — способов означения, или конституирования смысла, и нормативных санкций. В результате он пришел к аналитическому различению трех измерений дуальности структуры, которые со стороны структурных свойств социальных систем предстают как сигнификация, легитимация и господство, а со стороны взаимодействия — как коммуникация (передача знаков), санкция (применение нормативных санкций) и власть (преобразовательная способность акторов). Соотносятся между собой «структурная» и «интерактивная» стороны «дуальности» в рамках каждого из аналитических измерений через соответствующие «модальности»: сигнификация с коммуникацией — через интерпретативную схему; легитимация с санкцией — через норму; господство с властью — через ресурс (Гидденс 2005: 75). Схема из трех аналитических структурных измерений дополняется классификацией четырех институциональных порядков, включающей: символические порядки (способы дискурса), политические институты, экономические институты и правовые институты. Гидденс подвергает критике так называемые субстантивистские концепции социальных институтов, основанные на представлении о конкретной автономии дифференцированных друг от друга институциональных сфер. Выделенные институциональные порядки он рассматривает как конституируемые различными сочетаниями структур сигнификации, легитимации и господства. Для каждого институционального порядка ведущим оказывается определенное структурное измерение: для символических порядков — это сигнификация, для правовых институтов — легитимация, для экономики и политики — господство (Гидденс 2005: 80).

Как и в случае понятия правил, Гидденс различает два типа ресурсов: авторитативные (способность осуществлять контроль над другими людьми, или полномочия) и аллокативные (способность распоряжаться материальными объектами). Но в отличие от «правил», это не приводит его к выделению, наряду с господством, дополнительного аналитического измерения, соотносимого с аллокативными ресурсами. Проводимое

Гидденсом различие авторитативных и аллокативных ресурсов служит разделению политических и экономических институтов, но внутри структурного измерения «господство», т.е. всецело в рамках категории власти. Таким образом, Гидденс склонен в духе исторического материализма скорее придерживаться представления о единой, хотя и бимодальной политико-экономической структуре господства, чем подчеркивать отличительные паттерны политической и экономической сфер, выделяя наряду с властью отдельную категорию богатства.

Ш. Эйзенштадт выделил производство и распределение ресурсов в качестве одного из основных конституирующих компонентов любого общества, наряду с практиками артикуляции смысла, осуществления власти и конструирования коллективных идентичностей (Eisenstadt 2000: 1; Eisenstadt 2003: 75). Хотя он имел ввиду прежде всего аллокативные (или так называемые материальные) ресурсы, понятие ресурсов вполне допускает расширительную трактовку, сохраняя в то же время непосредственную референцию со сферой экономики. Таким образом, категории богатства может быть сопоставлено четвертое общее измерение — «ресурсное». Как отметил Арнасон, категории богатства, власти и смысла «становятся ресурсами друг для друга» за пределами своих доменов при конституировании каждой из сфер социальной жизни (Arnason 2020: 15). При этом доменное для определенной сферы значение соответствующей категории может затемняться теми особенными формами, которые принимают в данной сфере другие категории помимо их основных доменов. Институциональное строительство каждой из особых сфер требует сочетания ресурсов самого разного рода: символических (включая когнитивные), материальных (от средств производства до средств насилия), организационных.

Ресурсное измерение несводимо к другим измерениям и в то же время неразрывно связано с ними. Традиционно в экономических теориях и экономико-центристских подходах подчеркивается ограниченность, дефицит ресурсов. Но вместе с тем условием возникновения проблемы распределения ресурсов является наличие их излишка, появление так называемых свободных ресурсов — материальных средств и услуг, не связанных с обязательным распределением в первичных аскриптивных группах. Эти ресурсы обмениваются и становятся объектами борьбы за установление контроля над ними, сами выступая, в свою очередь, ресурсами в борьбе за власть между различными социальными акторами. С точки зрения цивилизационного анализа направления использования и способы распределения свободных ресурсов не предопределены функциональными требованиями социальных систем. Появление свободных

ресурсов усиливает фундаментальную неопределенность социальной жизни и ставит акторов перед необходимостью выбора, определения направлений, целей и способов их использования. Это предполагает разработку и осуществление определенных институциональных проектов и стратегий мобилизации свободных ресурсов. Как показал Эйзенштадт в классическом исследовании исторических бюрократических империй, формирование таких проектов и стратегий происходит под влиянием символических ориентаций, имеющих прежде всего религиозное происхождение (Eisenstadt 1963). Таким образом ресурсное измерение социальной жизни связывается с социоструктурным, институциональным и интерпретативным измерениями.

Если же подойти к поиску связующей категории со стороны институционального измерения и попытаться определить соответствующую ему сферу социальной жизни, то окажется, что из трех выделенных основных сфер ни одна ему не подходит. Однако можно найти, особенно имея ввиду пример Э. Гидденса, такую сферу за пределами данного перечня. И этой сферой будет право, которое в рамках вышеприведенной тринитарной концептуальной схемы попадало в сферу политики и тем самым растворялось в категории власти. Но если право выделяется в особую сферу, тогда для него необходимо найти самостоятельную доменную категорию, которая связывала бы сферу права с институциональным измерением социальной реальности. В качестве такой категории может быть предложено понятие социальной нормы, или закона. Понятие закона в данном контексте берется в очень широком смысле нормативной регуляции социальной жизни, несводимой к законодательной деятельности государства и включающей отсылки к божественному, естественному и обычному праву, а также нормам морали, широким общественным конвенциям и правилам поведения.

Таким образом, тринитарная по вертикали («измерениям») и по горизонтали («сферам») концептуальная схема социальной онтологии преобразуется в четырехчастную модель по обеим осям, в которой категории смысла, нормы (закона), власти и богатства выступают связующими звеньями между интерпретативным, институциональным, социоструктурным, ресурсным измерениями и сферами культуры, права, политики, экономики соответственно (табл. 3).

Следующим шагом концептуального анализа может стать центрирование разрабатываемой модели социальной онтологии путем смещения фокуса непосредственно на четыре онтологические категории, раскрывающие и проявляющие себя в социальной жизни одновременно и как ее общие измерения, и как ее особые сферы. Отношения между этими базовыми

Таблица 3

Четырехкатегориальная схема соотношения общих измерений и особых сфер социальной жизни

Общие измерения социальной жизни	Особые сферы социальной жизни			
	Культура	Право	Политика	Экономика
Интерпретативное	Смысл			
Институциональное		Норма		
Социоструктурное			Власть	
Ресурсное				Богатство

выми категориями смысла, нормы, власти и богатства характеризуются, с одной стороны, аналитической автономией на уровне элементарных различий (которые могут быть представлены как модусы человеческой агентности: креативность, нормативность, преобразовательность и продуктивность соответственно), а с другой — взаимным конституированием на уровне более сложных явлений в каждой из сфер социальной жизни. Разнообразные соединения интерпретативного и институционального измерений образуют цивилизационные паттерны, а сочетания социоструктурного и ресурсного измерений — социальные фигурации. Таким образом, в сводной схеме социальной онтологии (табл. 4) интегративная социологическая парадигма цивилизационного анализа фокусируется на взаимопереплетении цивилизационных паттернов и социальных фигураций. В пространственно-временном отношении цивилизационные паттерны предстают как цивилизационные комплексы (охватывающие множественные сосуществующие или последовательные социетальные образования — «семейства обществ», по выражению Э. Дюркгейма

Таблица 4

Сводная четырехкатегориальная схема социальной онтологии

Категории социальной онтологии	Модусы человеческой агентности	Особые сферы социальной жизни	Общие измерения социальной реальности	Аналитические типы социоисторических конфигураций
Смысл	Креативность	Культура	Интерпретативное	Цивилизационные паттерны/ комплексы
Закон	Нормативность	Право	Институциональное	
Богатство	Продуктивность	Экономика	Ресурсное	Социальные фигурации
Власть	Преобразовательность	Политика	Социоструктурное	

и М. Мосса), которые в случае своей тесной взаимосвязи благодаря общим источникам происхождения или интенсивным взаимообменам составляют цивилизационные констелляции (Arnason 2010a: 179). В самом общем смысле (не выделяя специально культурно-институциональный или пространственно-темпоральный аспект) можно говорить о цивилизационных конфигурациях, или формациях, как особом аналитическом типе социо-исторических конфигураций/формаций, наряду с социальными фигурациями. Цивилизационные паттерны различаются своими способами артикуляции и организации отношения между сферами экономики, политики, культуры и права, а также масштабом и направлением автономного развития, допускаемого для каждой из них.

Заключение

Разработанная на основе синтезирования, развития и дополнения ключевых идей второго поколения ведущих теоретиков социологической версии цивилизационного анализа Ш. Эйзенштадта, Н. Элиаса и Й. Арнасона четырехкатегориальная базовая социальная онтология является антифункционалистской, антисистемной, антиредукционистской, антидетерминистской, антиэволюционистской, антинормативистской и, как следствие, носит парадоксальный характер. В основании как логически исходной концепции цивилизационного измерения, так и вырастающей из нее всеохватывающей социальной онтологии лежит парадокс культуры в том или ином виде. Встроенный в аналитическую концепцию цивилизационного измерения социальной жизни парадокс культуры заключается в том, что культура оказывается одновременно и меньше, и больше цивилизации. Меньше — потому что культурные онтологии являются лишь одним из двух аспектов цивилизационного измерения, включающего также институциональные правила. Больше — вследствие ее метасоциального измерения: культурные онтологии разграничивают домен человеческого/социального в рамках более широкого видения реальности. В модели соконституирования сфер социальной жизни Й. Арнасона культура предстает парадоксальным образом одновременно и как общее измерение, и как особая сфера социальной жизни. Сформулированный им парадокс культуры подчеркивает исключительность онтологического статуса культуры по сравнению с другими категориями социальной жизни. Однако, как показал проведенный метатеоретический анализ, парадокс «общее измерение / особенный домен» может быть распространен также на категории власти, богатства и закона. Парадокс культуры является модельным для всех категорий социальной онтологии. Парадоксально также сочетание принципов аналитической автономии

и взаимного конституирования в понимании отношения между категориями культуры и власти. И опять-таки парадокс автономизма/конститутивизма распространяется на взаимоотношения всех категорий социальной онтологии. Таким образом, парадоксальность является всеобщей характеристикой социальной онтологии, построенной на концептуальной основе социологической версии цивилизационного анализа.

Литература / References

- Арнасон Й. (2012) Понимание цивилизационной динамики: вводные замечания. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 15(6): 18–29.
- Arnason J.P. (2012) Making sense of civilizational dynamics: introductory remarks. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 15(6): 18–29 (in Russian).
- Арнасон Й. (2017) Революции, трансформации, цивилизации: пролегомены к переориентации парадигмы. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, 5: 37–69.
- Arnason J.P. (2017) Revolutions, transformations, civilizations: prolegomena to a paradigm reorientation. *Neprikosvennyj zapas. Debaty o politike i kulture* [NZ], 5: 37–69 (in Russian).
- Бахман-Медик Д. (2017) Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение.
- Bachmann-Medick D. (2017) *Cultural turns: New Orientations in the Study of Culture*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).
- Валлерстайн И. (2003) *Конец знакомого мира: Социология XXI века*. М.: Логос.
- Wallerstein I. (2003) *The End of the World as We Know It: Social Sciences for the Twenty-First Century*. Moscow: Logos (in Russian).
- Вебер М. (2006) Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира. Вебер М. *Избранное. Протестантская этика и дух капитализма*. 2-е изд., доп. и испр. М.: РОССПЭН: 241–268.
- Weber M. (2006) Theory of Stages and Directions of Religious Rejection of the World. In: Weber M. *Selected Works: The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. Moscow: ROSSPEN: 241–268 (in Russian).
- Гидденс Э. (2005) *Устройство общества: Очерк теории структуризации*. 2-е изд. М.: Академический проект.
- Giddens A. (2005) *The constitution of society: Outline of the theory of structuration*. Moscow: Akademicheskiy proekt (in Russian).
- Йоас Х., Кнёбл В. (2011) *Социальная теория. Двадцать вводных лекций*. СПб.: Алетейя.
- Joas H., Knöbl W. (2011) *Social Theory: Twenty Introductory Lectures*. St. Petersburg: Aleteyia (in Russian).

- Кондилис П. (2025) *Власть и решение*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Kondylis P. (2025) *Power and Decision*. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).
- Мелко М. (2001[1995]) *Природа цивилизаций*. Розов Н.С. (ред.) *Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории*. Новосибирск: Сибирский хронограф: 306–327.
- Melko M. (2001[1995]) The nature of civilizations. In: Rozov N.S. (ed.) *The World Time. The Almanac. Issue 2: The Structures of History*. Novosibirsk: Sibirsky Chronograph: 306–327 (in Russian).
- Arjomand S.A. (2010) Three Generations of Comparative Sociologies. *European Journal of Sociology*, 51(3): 363–399.
- Arjomand S.A. (2013) Multiple Modernities and the Promise of Comparative Sociology. In: Arjomand S.A., Reis E. (eds.) *Worlds of Difference*. New York: Sage: 15–39.
- Arnason J.P. (1987) Figurational Sociology as a Counter-Paradigm. *Theory, Culture, Society*, 4(2–3): 429–456.
- Arnason J.P. (2001a) Civilizational Analysis, History of. In: Smelser N.J. (ed.) *Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. L.: Elsevier: 1909–1915.
- Arnason J.P. (2001b) Civilizational Patterns and Civilizing Processes. *International Sociology*, 16(3): 387–405.
- Arnason J.P. (2003) *Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions*. Leiden; Boston: Brill.
- Arnason J.P. (2010a) Interpreting History and Understanding Civilizations. In: Joas H., Klein B. (eds.) *The Benefit of Broad Horizons: Intellectual and Institutional Preconditions for a Global Social Science: Festschrift for Bjorn Wittrock on the Occasion of his 65th Birthday*. Leiden; Boston: Brill: 167–184.
- Arnason J.P. (2010b) The Cultural Turn and the Civilizational Approach. *European Journal of Social Theory*, 13(1): 67–82.
- Arnason J.P. (2015) Elias and Eisenstadt: The Multiple Meanings of Civilisation. *Social Imaginaries*, 1(2): 146–176.
- Arnason J.P. (2020) *The Labyrinth of Modernity: Horizons, Pathways and Mutations*. London: Rowman and Littlefield.
- Eisenstadt S.N. (1963) *The Political Systems of Empires*. New York: The Free Press.
- Eisenstadt S.N. (2000) The Civilizational Dimension in Sociological Analysis. *Thesis Eleven*, 62(1): 1–21.
- Eisenstadt S.N. (2001) The Civilizational Dimension of Modernity: Modernity as a Distinct Civilization. *International Sociology*, 16(3): 320–340.
- Eisenstadt S.N. (2003) The Construction of Collective Identities and the Continual Reconstruction of Primordality and Sacrality — Some Analytical and Comparative Indications. In: *Comparative Civilizations and Multiple Modernities: A Collection of Essays: in 2 vols*. Vol. 1. Leiden; Boston: Brill: 75–134.
- Elias N. (1978) *What is Sociology?* New York: Columbia University Press.

Elias N. (1987) The Retreat of Sociologists into the Present. *Theory, Culture and Society*, 4(2–3): 223–247.

Sorokin P.A. (1966) *Sociological Theories of Today*. New York: Harper & Row.

Wagner P. (1994) *A Sociology of Modernity: Liberty and Discipline*. London: Routledge.

TRANSFORMATION OF SOCIAL ONTOLOGY IN CONTEMPORARY CIVILIZATIONAL ANALYSIS

Ruslan G. Braslavskiy (r.braslavskiy@socinst.ru)

Sociological Institute of the RAS – Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia

Citation: Braslavskiy R.G. (2025) Transformation of social ontology in contemporary civilizational analysis. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(4): 18–37 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.2> EDN: JBAIOZ

Abstract. The correlation of two competing research traditions in the multidisciplinary field of civilizational analysis is reconstructed: the metahistorical and the sociological. In each of them, there are groups of theories based on both a unitary and a pluralistic concept of civilization. In the middle of the 20th century, the metahistorical paradigm of civilizational analysis, better known as the theory of local civilizations, crystallized and took a dominant position. The conceptual limitations of the metahistorical paradigm have prevented the full-fledged institutionalization of the research field of comparative study of civilizations into an autonomy scientific discipline. The civilizational turn in sociology in the 1970s led to a break with the metahistorical civilizational paradigm at the level of fundamental metatheoretical premises. In contrast to the traditional substantialist view of local civilizations as empirically predetermined objects of research, the contemporary sociological paradigm of civilizational analysis bases social ontology on a paradoxical combination of the principles of analytical autonomy and mutual constitution in relation to fundamental categories, common dimensions and special spheres of social life. As a result of the metatheoretical analysis of the civilizational approach in sociology, a trinitarian conceptual scheme of social ontology has been constructed and its logical inconsistencies have been identified. To overcome them, a new four-categorical conceptual scheme of social ontology has been developed. The conceptualization of culture and power as commensurate and mutually dependent ontological categories implemented at the turn of the 20th–21st centuries in the sociological version of civilizational analysis laid the foundation not only for consolidating civilizational analysis beyond the opposition of unitary and pluralistic concepts of civilization, but also for reorienting sociological theory beyond all types of functionalism, reductionism and determinism.

Keywords: civilizational analysis, sociological theory, social ontology, analytical autonomy, mutual constitution, culture, power, wealth, law.

МНОЖЕСТВЕННАЯ КОНФИГУРАЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Владимир Вячеславович Козловский
(v.kozlovskiy@socinst.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Козловский В.В. (2025) Множественная конфигурация цивилизационной идентичности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(4): 38–61. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.3> EDN: JFYZPC

Аннотация. Обсуждается проблема цивилизационного измерения идентичности в контексте цивилизационных перемен в современных обществах, в российском обществе и государстве. Цивилизационная идентификация встроена в многогранный подвижный процесс политического, правового, социокультурного развития страны в современной геополитической ситуации в мире. Особое значение имеет процессуальный характер идентичности, которая приобретает все большую роль в цивилизационном самоопределении общества, различных социальных групп и личности. Для современной России и ее регионов в сложившихся условиях неравномерного социально-экономического развития, формирования новых институциональных структур, конфигураций социального неравенства и укладов жизни проблема многообразия форм и единства цивилизационной идентичности в условиях новых вызовов становится одной из центральных. Идентичность определяется в качестве социального и культурного ядра личности, группы и общества, которое обеспечивает их устойчивость и динамику в социуме. Теоретической основой исследования конфигураций цивилизационной идентичности служит цивилизационный подход и концепция множественных современностей (модерностей). Делается вывод о многообразии форм и типов цивилизационной идентичности, отражающих сложное переплетение экономических, политических, социоструктурных, социокультурных, институциональных форм, практик, взаимодействий различных индивидов, групп, сообществ, государств. Особенности и потенциал цивилизационной идентификации концептуально встроены в типологию цивилизационных моделей современных обществ.

Ключевые слова: цивилизационный подход, идентичность, современное общество, формы модерности, конфигурация, самоопределение, модели цивилизационного развития.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-01067, <https://rscf.ru/project/23-18-01067/>.

В научной литературе имеется множество определений цивилизационной идентичности, отражающих самые разные аспекты данного феномена. Особую роль здесь играют фигурации многообразных современных форм идентичности человека. В ходе формирования современных видов цивилизационной идентичности происходит радикальная смена ценностей, культурных практик и социальных представлений. В российском контексте эта трансформация зафиксирована в ряде исследовательских проектов. Вместе с тем большинство авторов склоняется к интерпретации понятия цивилизации как своеобразной культуры, «ядро которой служит основанием для идентификации с ним множества людей, образующих большое сообщество. Цивилизационно-культурный уровень идентичности является для них основным. Общим его контурам соответствуют первичные уровни идентичности — профессиональные, поселенческие и др. Максимально широким уровнем идентичности является всемирный, но в его содержании следует различать общечеловеческое и всечеловеческое» (Лапин 2020: 7). Ядро культуры включает «логику смыслополагания, язык, базовые ценности, верования, способности, навыки (умения) деятельности, обобщенные нормы поведения человека и его сообществ... Идентификация с культурой цивилизации служит базовым уровнем множественной идентичности человека», на основе которой люди вступают в разнообразные отношения между собой и образуют самые большие антропосоциокультурные сообщества — цивилизации» (Лапин 2020: 13). Склонность теоретически просвечивать семантикой культуры феномен цивилизации приводит авторов к гиперболизации своеобразной архитектуры и культурных механизмов динамики российской цивилизационной идентичности.

Принцип универсального культурного детерминизма воплощается в понимании определяющей роли культурного ядра цивилизации. Сходным является определение И.В. Кондакова: «Любая цивилизационная идентичность в общем виде складывается из трех основных компонентов: менталитета цивилизации, ее локалитета и глобалитета, образующих в своей совокупности триаду. Это три разные, но взаимосвязанные модусы одной и той же (локальной) ментальности складываются в зависимости от того ценностно-смыслового контекста, в котором они исторически пребывают, — по преимуществу интерлокального, интралокального и глобального». Ценностно-смысловое своеобразие менталитета локальной цивилизации сопряжено с ее возможностями различными средствами репрезентировать мировую культуру в своем конкретном локусе, наконец, дополнено вкладом локальной цивилизации во всемирную культуру (Кондаков 2010: 283–284). Согласно ученому, подобная «тройственная

структура цивилизационной идентичности позволяла не только осуществлять саморегуляцию цивилизационной динамики, но и соотносить разные грани цивилизационной идентичности с другими формами социальной идентичности» (Кондаков 2010: 287). Главное в понимании автора задано «логической последовательностью цепочки культурных механизмов в истории России (определяющих смену типов цивилизационной идентичности): 1) кумуляция; 2) дивергенция; 3) культурный синтез; 4) селекция; 5) конвергенция. Эта цепочка составляет в своей совокупности архитектуру русской (и в целом российской) культуры и определяет цивилизационный код России, или алгоритм развития российской цивилизации, а смена культурных механизмов и культурно-исторических парадигм проясняет генезис и разрешение кризисов цивилизационной идентичности в истории России» (Кондаков 2010: 296). Стремление отразить в структуре цивилизации все их многообразие суммируется на первый взгляд в простой, но весьма причудливой формуле цивилизационной идентичности — переплетения ментального, локального и глобального. В основе данной формулы лежит мало проясненный феномен менталитета. Поэтому вопрос о природе многообразия цивилизационной идентичности, по нашему мнению, остается не раскрытым.

Феномен цивилизационной идентичности является одним из самых трудных предметов для научного постижения. Дискуссии об идентичности ведутся в самых разных направлениях: социально-психологическом, философском, историческом, культурологическом (Эрикссон 1996; Искусство 2007; Кондаков 2008; Сенюшкина 2021). Используются самые общие подходы: натуралистически эссенциалистский и конструктивистский (Масловский 2024; Федотова 2013а: 53). Разброс суждений по поводу природы, структуры и типологии идентичности слишком велик, чтобы говорить о сближении и тем более о единстве позиций по данным вопросам. Социологическое изучение цивилизационной идентичности представлено явно недостаточно. В 1990-е проблема социальной идентичности освещалась в работах В.А. Ядова. Верно отмечается специфика социологического анализа идентичности, состоящая в обнаружении связи между индивидом и социальной структурой общества (Симонова 2008: 58). Следует отметить процессуальную теорию идентичности, определяемой «как непрерывный процесс нахождения «смысла себя», процессуальное сохранение самоощущенности и отличия от других, поиска смысложизненных ориентаций» в контексте нелинейной социокультурной динамики общества (Федотова 2013б: 31). Многогранность, сложность и подвижность разных форм цивилизационной идентичности слабо представлена в социологической версии цивилизационного анализа.

Пространственно-временные предпосылки цивилизационной идентичности

Конфигурации цивилизационной идентичности обусловлены природой цивилизационного процесса и типом цивилизационного развития (Элиас 2001а; Элиас 2001б). Цивилизация определяется нами в общем виде как сплав различных компонентов: культура, власть, социальная структура, собственность, богатство, достаток (благополучие или зажиточность), религия, право, мораль. Подобное расширительное содержание понятия цивилизации служит основой социологического исследования многомерности и поливариантности цивилизационного развития российского общества, векторов его цивилизационного пространства и времени.

Цивилизационная идентификация встроена в многогранный подвижный процесс политического, правового, социокультурного развития страны в современной геоэкономической и геополитической ситуации в мире. Особое значение имеет процессуальный характер идентичности, которая приобретает все большую роль в цивилизационном самоопределении общества, различных социальных групп и личности. Для современной России и ее регионов в сложившихся условиях неравномерного социально-экономического развития, формирования новых институциональных структур, конфигураций социального неравенства и укладов жизни проблема многообразия форм и единства цивилизационной идентичности в условиях новых вызовов становится одной из центральных.

Цивилизационная идентичность, как уже отмечено, проявляется в различных вариациях в качестве социального и культурного ядра личности, группы и общества, которое обеспечивает их устойчивость и динамику в социуме. Теоретической основой исследования конфигураций цивилизационной идентичности служит цивилизационный подход и концепция множественных современностей (модерностей). В многообразии форм и типов цивилизационной идентичности отражается сложное переплетение современных экономических, политических, социоструктурных, социокультурных, институциональных форм, практик, взаимодействий различных индивидов, групп, сообществ, государств. Цивилизационная идентификация встроена в практики конституирования и реализации цивилизационных моделей, комплексов и порядков современных обществ.

Условием стабильности цивилизационных укладов и порядков общества является наличие необходимых для них материальных, социальных, культурных, духовных ресурсов. В частности, благополучие, благосостояние, зажиточность различных социально неравных групп общества отражают предпосылки, средства и способы поддержания единства не только

социально-экономических укладов и политических режимов, но и соответствующих им норм, ценностей, практик, форм поведения, дискурсов населяющих его народов. В центре нашего исследования находится цивилизационный пространственно-временной континуум, который представляет собой конкретно-историческое устройство и организацию социума, культуры, хозяйства, экономики, технологий, институтов, режимов власти, которые прямо и косвенно, вольно или невольно принуждают людей встраиваться в их структуры и выполнять их предписания. Цивилизационное пространство-время общества задает рамки для реализации всего спектра императивов социетального, группового, личного порядка (Eisenstadt 2000; Arnason, Eisenstadt 2005). Оно обеспечивает необходимые и достаточные условия для формирования и закрепления социокультурных практик, образа жизни, модусов идентичности, для поддержания жизненных путей и стилей различных сообществ и индивидов, в целом для адаптации векторов и моделей цивилизационного развития общества к изменяющимся вызовам и требованиям множественных модерностей.

Одним из существенных свойств цивилизации, цивилизационного пространства и времени является направленность, принудительность и заданность сложившихся цивилизационных императивов. Это прежде всего фактически сложившееся институциональное социокультурное принудительное пространство человеческой жизни в различных сферах. Ведущая роль в данном процессе принадлежит политической и потестарной власти, благодаря которой обеспечивается механизм воздействия многообразных цивилизационных форм на помыслы, сознание и поведение людей. Комплексы вне- и внутриинституционального, ценностного, нормативного регулирования направляют и ограничивают поведение и действия людей. Цивилизационный порядок разноформатно заставляет индивидов через институты, сообщества, сети, связи осваивать социокультурное пространство и встраиваться в современные потоки цивилизационной идентичности.

Особенности и потенциал цивилизационного пространства любого общества, любой страны обеспечивают веер вариантов устройства общества, культуры, государства, экономики. К важнейшим атрибутам цивилизационного пространства, которые можно не только выделить, но и эмпирически зафиксировать, относятся жизнеспособность, самодостаточность, суверенность, тождественность, мощность (сила), прочность, стабильность, сопротивляемость уязвимости, депривации и деградации. Этим свойствам соответствуют показатели цивилизационных структурных и динамических изменений идентичности. Цивилизационное пространство-время является достаточно устойчивым социокультур-

ным образованием. Следует отметить устойчивость и воспроизводимость цивилизационных черт разных форм современности (модерности) российского общества при самых масштабных трансформациях и переменях.

Цивилизационному пространству-времени общества присущи качества, характеризующие направленность и фигуративность его современных вариаций: универсализм, сингуляризм (уникальность), партикуляризм (обособленность), зависимость, автономия. Кроме того, формы современности (модерности) цивилизационного пространства объемно представлены в таких основных чертах, как потенциал, изменчивость, текучесть, устойчивость, ресурсность, константность, алгоритмичность и креативность, сакральность и секулярность. Цивилизационное пространство-время страны является относительно открытым влияниям и заимствованиям, но в то же время оно формируется избирательно на основе сложившегося переплетения власти, культуры, институтов и социальной структуры.

Фигурации цивилизационной идентичности

Цивилизационная идентичность обладает собственной динамикой тождественности и самотождественности фигураций от персональной до групповой, коллективной и социальной идентичности (социальное положение, статус, экономическое положение и др.). Формируется особого рода «слоеный пирог» переплетающихся и пронизывающих друг друга видов идентичности от половозрастной, поколенческой, национальной к семейно-родственной. Различные образы идентичности как многомерного феномена можно выделить на основе метафоры фигуры рядоположенности и встроенности. Например, «матрешка» цивилизационной идентичности означает ступенчатое включение и взаимосвязь разных форм в иерархическом и/или семантическом порядке, обеспечивая *субординацию* видов цивилизационной идентичности от внутрииндивидуальных смысложизненных ценностей до коллективных и социальных ценностных ориентаций, требований и традиций. Можно выделить своеобразную конфигурацию «ромашки», которая представляет собой *координацию* различных форм принадлежности индивида — ролевой, гражданской, политической, территориальной, религиозной, которые объединяются в единую структуру, не выстраиваясь в иерархию.

На практике в жизнедеятельности разных сообществ под влиянием событий, реформ, революций и перестроек происходит переустройство фигураций цивилизационной идентичности, то замещение и переподчинение, волнообразное смещение базовых ценностей и смыслов. Поэтому вполне естественно процесс цивилизационной идентификации про-

текает контингентно в виде поисков отождествления с новейшими (чаще новомодными) формами современности в повседневности и публичном поле. В случае кризисных ситуаций неизбежны избирательность и селекция на индивидуальном, групповом и социальном уровнях, приобретение и закрепление новых или традиционных модусов идентичности. При этом, казалось бы, стихийно возникают необычные способы ранжирования и доминирования фигуративных схем цивилизационной идентификации, в частности, в ходе современной экспансии цифровых стандартов, роботов, искусственного интеллекта. Иными словами, новейшие информационные и коммуникационные технологии способствуют радикальной смене существующих и созданию новых конфигураций цивилизационной идентичности в современных обществах и государствах. Безусловно, при всех переменах в ее структуре и эволюции сохраняется инвариантность форм идентичности, прежде всего их смысловое ядро, поскольку исторически сложившийся цивилизационный код принципиально служит условием неизменности, многомерности и пластичности цивилизационной идентичности в ситуации текучей современности.

Идентичность предстает как инструмент проектирования, выстраивания и поддержания вариативных форм модерности жизненных путей человека и группы. Это один из главных способов адаптации, самоаттестации, самооценки, самонастройки, самореализации в достижении целей и интересов. Например, героизм, жертвенность, служение общественным целям, альтруизм, милосердие, действия ради других — это обращение идентичности во и на благо других в отличие от направленности идентичности для достижения собственного блага. Смыслжизненными ценностями в целях общественного воздействия на цивилизационную идентичность человека и группы выступают слава, признание, почести, похвала, награды, поощрения, санкции, наказания, кара. Цивилизационная идентичность в таком случае становится предметом управления, манипуляции через коммуникации, прямое подчинение, уловки, игру. Типичными способами воздействия являются культурные индустрии, медиа, религиозные, художественные, правовые, моральные, обыденные средства влияния на цивилизационную идентичность. Особое место в контексте формирования цивилизационной идентичности человека занимают встроенные в культуру и социум воспитание, обучение, научение, образование. Цивилизационная идентичность предстает как синтез ценностей, смыслов, социальных норм, стандартов, алгоритмов, уникальный для больших этнических групп, местных сообществ, социальных групп и их членов. В этом проявляется диапазон действенности больших форм и типов цивилизационной идентичности, привязанности и принадлежности

к своей стране, локальному сообществу, ближней группе и отчужденности от чужих групп. Цивилизационная идентичность своих и чужих, привычная среда, габитус порождают активный интерес к генеалогии семьи, истории народа, месторазвитию, малой родине.

Социокультурная идентификация в контексте цивилизационных перемен в современной России и ее регионах вплетена в многогранный подвижный процесс урегулирования неравномерности социально-экономического развития, формирования новых институциональных структур, конфигураций социального неравенства и укладов жизни. Особое значение имеет процессуальный характер идентичности, которая приобретает все большую роль в укреплении и прирастании цивилизационного потенциала российского региона. Идентичность является сложным социокультурным феноменом публичного и личного пространства общественной жизни. Она выступает социальным и культурным ядром личности, группы и общества, обеспечивающим их устойчивость в социуме, ориентированность в окружающей среде. Существенными свойствами идентичности являются стабильность, стереотипность, цикличность и алгоритмичность человеческих действий. Безусловно, идентификация имеет не только общесоциальное типичное, но и уникальное индивидуальное выражение. В идентичности отражается пространственно-временной характер человеческой деятельности, взаимодействия людей, их цели, планы и ценности. В разных формах идентичности аккумулируется и осознается накопленный человеческий опыт, преобразуемый в конкретные модели взаимоотношений и поведения. В них фиксируются отличия и сходства в ходе отождествления человека, различных социальных сообществ с местом своего проживания, занятости, с поколениями, с другими референтными группами.

Одним из ключевых моментов цивилизационной идентичности как потенциала региона выступает связанность его жителей со своим местожительством, поселением, территорией обитания. В этой социотерриториальной связности проявляется сила взаимоотношений разных сообществ, скрепленных соседством, экономическими, хозяйственными интересами, общими повседневными заботами. В ходе идентификации населения с местом проживания, труда, повседневной жизни, в том числе с территорией региона, собственно и возникает привязанность к месту обитания и работы, социальный, культурный капитал. Во взаимоотношениях жителей региона друг с другом образуются особые связи, которые в научной литературе обозначаются как слабые связи. М. Грановеттер дает следующее определение силы связей: «Сила связи — это комбинация (вероятно, линейная) продолжительности, эмоциональной интенсивности

(emotional intensity), близости, или взаимного доверия (confiding), и реципрокных услуг, которые характеризуют данную связь» (Грановеттер 2009: 32). Слабые связи позволяют дать объяснение того, почему зачастую именно социальные сети жителей разного возраста и пола, прежде всего трудоспособного возраста, людей разных профессий оказываются эффективными в создании групп, в поиске работы, проведении досуга и праздников.

Социокультурная фигурация цивилизационной идентичности

В аналитических целях следует выделить объективное и субъективное содержание цивилизационной идентичности, соответствующее как социальному, правовому, экономическому положению, так и самооценке, самоаттестации, образу человека. Социокультурная идентичность как подвид цивилизационной идентичности — это каскад, континуум, спектр, форм и модусов идентичности разных уровней. Следует отметить, что в научном изучении идентичности доминировала социальная психология. В социогуманитарных исследованиях проблематика идентичности приобрела новое звучание и стала значимой после распада Советского общества. Перед новыми государствами СНГ, их обществами, элитами и населением, возник новый вызов социального, политического, национального, культурного, международного самоопределения.

Одним из острых требований и вызовов постсоветского периода была проблема идентификации граждан со своей страной. По результатам международных сравнений (данные 2003 г.) возникает последовательная картина очень слабого ощущения связанности российского населения со всеми социотерриториальными общностями. Независимо от того, идет ли речь о связи с локальной (городом или селом), региональной общностью, или же о связи со страной или надстрановой общностью (частью света или континентом), российское население во всех случаях ощущает наименьшую (в сравнении с жителями других стран) связанность, или, соответственно, наибольшую отчужденность (Магун, Магун 2007).

Социокультурная идентичность российского общества в нашем понимании может быть приравнена к цивилизационной идентичности. В таком виде идентичность, по нашему определению, является социальным и культурным ядром личности, группы и общества, которое обеспечивает их устойчивость в социуме, ориентированность в окружающей среде, стереотипность и ритмичность в действиях. Теоретической основой исследования процессуального характера идентичности служит цивилизационный подход и концепция современного цивилизационного комплекса региона (Козловский 2021а; Козловский 2021б). Различные виды и формы

идентичности входят в качестве составных частей цивилизационного потенциала региона. Другими словами, цивилизационная идентичность включена в общий цивилизационный потенциал развития региона. Множественная цивилизационная идентичность включает такие разновидности, как: социальная идентичность (социальные взаимодействия и уровень доверия между разными социальными группами, мобильность, уровень, качество жизни и благосостояние граждан), территориальная идентичность (степень укорененности жителей региона, их миграционные настроения, основные проблемы поселения), культурная идентичность (социокультурная инфраструктура в населенных пунктах региона), гражданская и политическая идентичность (общественная активность, отношение к институтам власти в муниципальном округе региона). (Гражданская... 2013; Дробижева 2020; Дробижева и др. 2022).

Концептуально важно отметить, что в состав цивилизационной идентичности как ядра цивилизационного потенциала региона входят следующие элементы:

- а) многослойное социокультурное самоопределение различных групп населения в отношении форм современности, коллективного опыта, солидарности, их практик;
- б) вплетенность неравенств в структуру социальной идентичности: социальные различия, разрывы, дистанцированность;
- в) конфигурация современных форм присвоения (собственности) ресурсов, обладания ими, использования и отчуждения от них;
- г) институциональные формы современности;
- д) идеологическое наполнение различных форм современности (капитализм, социализм, либерализм и др.).

Трансформация цивилизационной идентичности российского общества в первой четверти XXI в. проходит в условиях множественной модернизации страны. Цивилизационная идентичность российского общества обнаруживает себя:

- 1) как социокультурная природа цивилизационной идентичности (тождественность, принадлежность, зависимость, закреплённость);
- 2) свойство цивилизационной идентичности (социальные и культурные формы так называемого национального характера, меняющаяся этничность);
- 3) социокультурные рамки (фреймы) и направленность многогранной идентификации общества, отдельных групп и сообществ.

Черты новой цивилизационной идентичности проявляются: а) в комбинации (сопряженности) с различными типами идентичности региональных и местных сообществ; б) в процессуальном характере идентич-

ности, формируемой в поведении и взаимодействиях социальных акторов, что свидетельствует о подвижности присущего российскому обществу, в духе концепции Н.Я. Данилевского, устойчивого культурно-исторического типа (Данилевский 1991); в) в коммуникативном конструировании и конституировании содержания и форм идентичности на федеральном, региональном и локальном уровнях; г) в уникальных культурных вариантах, социальных институтах, иерархиях, статусах и позициях, закрепляющих общественные формы идентичности; д) в многообразии стилей, укладов и форм современности в композиции разных типов идентичности российского общества; е) в обновлении институциональных оснований идентичности: религия, культура, хозяйство, личность.

К цивилизационному потенциалу страны, региона, местной территории следует отнести такие его разновидности:

- 1) как потенциалы — человеческий (ИРЧП), социальный, культурный, креативный, экономический, трудовой, промышленный, природный, инновационный, гражданский.
- 2) капиталы и накопленные богатства — экономический, социальный, культурный, физический, символический, финансовый и др.;
- 3) социоструктурные ресурсы отдельных возрастных когорт, поколений, групп интересов, социальных слоев, этнических сообществ и диаспор, землячеств;
- 4) природные ресурсы — ландшафт, недра, водные запасы, леса;
- 5) социотерриториальные ресурсы — освоенность, поселенческая и жилищная инфраструктура, транспорт;
- 6) ресурсы целеполагания и конституирования — опыт и традиции формулировать, выражать, артикулировать, отстаивать и осуществлять интересы, цели, программы разных сообществ;
- 7) социокоммуникативные ресурсы, обеспечивающие автономность, самостоятельность, взаимозависимость различных сообществ, практики согласования и гармонизации отношений со своими и чужими сторонами;
- 8) социально-психологические ресурсы — мотивация, мобилизация действовать и достигать цели, добиваться решения задач личного, группового, коллективного, корпоративного характера.

Идентичность в структуре цивилизационного потенциала российского региона включает все ресурсы территорий разного уровня, в том числе региона. Институционально цивилизационный комплекс территории формируется в соответствии с нормативными порядками, правилами и эффективностью всех действующих на территории социальных, экономических, политических и культурных структурных образований, прежде

всего образования, церкви, бизнеса, негосударственных организаций. Интегрально цивилизационный потенциал формируется в зависимости от предшествующего развития основных сфер жизни (накопления, богатство, разные стартовые возможности, инвестиции). Безусловно, в динамике цивилизационного комплекса региона проявляется экономическая, финансовая, инфраструктурная неравномерность, которую различными средствами поддержки смягчает федеральный центр, но и от регионов требуется предпринимать усилия по развитию всех сторон цивилизационного потенциала.

В современных дискуссиях о цивилизации и цивилизационной идентичности в современной России на первый план прежде всего выходит модель государства-цивилизации. В той или иной форме эта тенденция отражена в том числе в государственных документах, в частности, в указах Президента РФ. Пункт об упоминании государства-цивилизации из Указа Президента России гласит, во-первых: «4. Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации (выделено нами), обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» (Указ Президента России от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»). В другом документе провозглашено: «5. Россия — великая страна с многовековой историей, государство-цивилизация (выделено нами), сплотившее русский и многие другие народы на пространстве Евразии в единую культурно-историческую общность и внесшее огромный вклад в общемировое развитие. В основе самосознания российского общества лежат формировавшиеся и развивавшиеся на протяжении всей истории России традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, сохранение и защита которых являются обязательным условием гармоничного развития страны и ее многонационального народа, неотъемлемой составляющей суверенитета Российской Федерации» (Указ Президента России от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»).

Обоснование концепта государства-цивилизации приводится в многочисленных источниках философской, политологической, правовой,

социологической литературе. Речь идет о том, что исторически, начиная с формирования московского и Русского царства, и даже раньше, шло собирание русских земель в единое государственное образование. Московское царство, совсем небольшое по размеру, стало стартовым моментом складывания российского государства. Далее происходило активное расширение государственного пространства Московского царства не только на север, но и на юг и восток страны, вовлекая в свой состав ближние территории. Таким образом, экспансия первоначально небольшого государства, освоение и приобретение им новых земель означало масштабное формирование цивилизационного пространства русского царства. В дальнейшем расширение русского государства шло в течение XVII–XIX вв. еще более интенсивно. Имеется большой массив исторических сведений, подтверждающих географическое и политико-административное складывание российского государства, получившее по Указу Петра I в 1721 г. статус Российской империи. До 1917 г. в состав Российской империи входили самые разные по национальному, культурному и социально-политическому устройству территории, получившие преимущественно статус губернаторств. Социально-политические революции 1917 г. радикально изменили тип государственного правового устройства, повлияли на характер культуры и роль различных конфессий. Учреждение СССР (1922 г.) стало исходным пунктом становления советской цивилизации, иными словами, возникновения и укрепления советского государства-цивилизации. В постсоветский период с 1991 г. Российское государство находится в ситуации поиска суверенного типа цивилизационного развития, которое трактуется как «самоопределение особого положения России как самобытного государства-цивилизации» (Указ Президента России от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»).

Контуры цивилизационного пространства России заданы административно и территориально границами Русского царства, Российской империи, Советского Союза. В настоящее время, в XXI вв., Российская Федерация находится в изменившихся политико-административных границах, новом политическом и правовом устройстве, рыночной социально-экономической системе, культуре, религии и повседневности. Таким образом, концепт государства-цивилизации требует существенного уточнения, поскольку утрачены прежние исторические основания самого феномена. Геополитические перемены на территории бывшей советского государства, произошедшие в рамках текущей цивилизационной геополитики в странах СНГ обусловили формирование сложного цивилизационного пространства, схожего в ряде общих черт государственно-

политического устройства и разнонаправленного по ключевым институциональным и культурным свойствам не только по языку, но и по традициям, и по культуре. Несмотря на расхождение политических режимов, властных и экономических элит, культурных и социальных систем, следует отметить присутствие определенного стягивания социально-экономического характера, социальной мобильности, культурной близости.

Остается открытым вопрос о возможности использования концепта государства-цивилизации по отношению к современной системе постсоветских стран. Каким образом формируется идентичность в цивилизационном пространстве на территориях новых государств в рамках предлагаемой нами схемы и базовых категорий цивилизационного анализа, отражающих основные сегменты их цивилизационных комплексов. В соответствии с общей схемой в центре цивилизационного пространства мы выделяем социальных и культурных субъектов, акторов, население, разные социальные общности, союзы, группы, индивидов. Безусловно, в современном российском обществе существуют большие различия, неравенства и особенности в региональном развитии. Это относится не только к нашей стране, но и ко всем странам мира. Цивилизационные перемены касаются и происходят во всех регионах мира. Это означает, что центр данных изменений находится в субъектности текущей истории и субъектности цивилизации любого государства, представленных и реализуемых в конкретной социальной структуре, институтах и культуре.

Цивилизационное пространство общества предстает как географическое пространство или территориальное, что составляет физическую материально-природную базу страны, ее геосистему. Очевидные различия географического характера являются необходимым условием самобытного цивилизационного пространства. Тем не менее основные качества его составляют экономические, социально-культурные, религиозные, политические, правовые компоненты. Эти компоненты, формы и виды цивилизационного пространства вариативны, множественны и своеобразны для каждой страны. В опубликованной в 2024 г. нашей исследовательской группой книге «Цивилизационное многообразие современного мира» (Цивилизационное многообразие 2024) были представлены особенности, общие черты цивилизационной определенности современных стран и цивилизационного многообразия российского общества. Современный мир цивилизационно многолик и многообразен. Россия занимает в современном цивилизационном процессе место, которое мы характеризуем как своеобразное цивилизационное пространство страны.

Цивилизационное пространство или пространство цивилизационного развития российского общества формируется разными факторами

и обладает собственной логикой. В социогуманитарных науках эта проблема одна из самых обсуждаемых, поскольку она соприкасается с текущей политической, экономической, культурной, религиозной жизнью: в какой цивилизации находится наше общество, какую из множества цивилизаций отстаивают ученые, политики, представители общественного мнения. Смысл вопроса состоит в дилемме: есть какая-то особая самобытная российская цивилизационная идентичность или все-таки мы можем говорить о некоей вариации, то есть российской разновидности цивилизационной идентичности и цивилизации в мировом цивилизационном процессе. Очевидно, что российское общество при всех противоречиях и конфликтах исторически и в настоящее время включено в мировую цивилизацию. Перемены затрагивают цивилизационные порядки не только в России, но и в мире. Россия влияет на остальной мир, но и мир влияет на Россию. Этот тезис находит свое воплощение в сложных цивилизационных взаимодействиях, в цивилизационном диалоге, в различных цивилизационных процессах. В частности, это технологическое взаимодействие, технологические инновации, научно-технический прогресс (например, цифровизация), затрагивающий все страны без исключения. Новейшие достижения непосредственно включаются в круговорот политический, ценностный, культурный.

Для определения конфигураций цивилизационной идентичности в рамках реализуемых моделей цивилизационного развития российского общества, оценки места и роли России в цивилизационных процессах современного мира следует учитывать важнейшие параметры цивилизационного комплекса страны. К ним относятся прежде всего оценка многомерной динамики социальной структуры и социокультурной идентичности современного российского общества. Этот аспект цивилизационной идентичности как мощного потенциала страны тесно связан с показателем благосостояния, а именно: а) бедностью, политикой ее снижения; б) богатством, способами его регулирования; в) социально-экономическим благополучием населения, практиками его поддержания и повышения.

В государственных документах и выступлениях на различных политических уровнях снижение уровня бедности отмечается как важнейший фактор развития страны. В цивилизационном развитии страны, этот фактор в истории выходил на первый план и становился причиной радикальных социально-политических потрясений. Бедность очень сильно влияет на динамику цивилизационной идентичности и протекание цивилизационного процесса. Революции 1917 года были обусловлены масштабным кризисом всей социально-политической и экономической системы,

деградацией сословной стратификации и обнищанием народа после Первой мировой войны. В выдвинутых в тот период лозунгах и призывах различных общественных сил, прежде всего большевиков прямо указывался пафос и путь борьбы за новую социальную структуру, за социальное равенство, что и получило мощную поддержку социальных низов и вдохновило на революционный слом российской империи. Динамика социальной структуры выступает ключевым фактором цивилизационных изменений. Открыто (как в 1990-е годы в России) или латентно она определяет общественные ожидания, формирует их социальную базу и задает вектор экономической и социальной политики. Таким образом, эта динамика служит важнейшим показателем состояния цивилизационных ресурсов и основой для понимания современных конфигураций цивилизационной идентичности.

Следует выделить формирующиеся потенциальные тренды цивилизационной эволюции российского общества, соответственно, новые факторы механизма цивилизационных перемен. В научной литературе, как уже отмечено, выделяется первенствующий концепт государства-цивилизации. Эта версия цивилизационного развития представлена в этакратической или неэтакратической модели, характеристику которой дал О.И. Шкаратан (Шкаратан 2004; Нова ли новая Россия 2016; Россия как цивилизация 2015). В ней фактор власти и собственности является ведущим в основных сферах цивилизационных перемен. В первую очередь это властные и политические элиты, которые определяют приоритеты, цели, программы, планы, характер и ресурсы цивилизационного развития в конкретных исторических условиях.

Приоритеты и ресурсы цивилизационного выбора российского общества являются основой формирования стратегических направлений цивилизационных перемен в России. К ним относятся население, т.е. демографические ресурсы, молодежь, пожилые, семья. Это важнейшие человеческие ресурсы. В более широком контексте к ресурсам цивилизационного развития следует отнести новое жизненное пространство, фактически формирующийся новый способ жизнедеятельности представителей различных поколений, социальных групп, сообществ и отдельных людей.

Приоритеты традиционного цивилизационного выбора России с середины XIX до конца XX в. были связаны с ориентацией на стандарты модерности развитых стран Европы и Северной Америки. В настоящее время приоритеты цивилизационного развития российского общества выражаются в двух направлениях. Первое нацелено на модернизацию российского общества, освоение достижений Запада. С начала 2000-х годов

в число наиболее актуальных для российского общества и государства выдвинулась проблема выбора цивилизационного развития. В настоящем социологически ориентированном исследовании путей цивилизационного развития страны мы выделяем два типа развития, или две цивилизационные парадигмы для аналитики цивилизационного развития, цивилизационного пространства и времени российского общества. Отмеченное первое направление модернизации общества в разных вариантах в большей мере представлено в разных концепциях и теориях модернизации современных обществ, составлявших повестку дня в практике преобразований российского общества и научном анализе. Второе направление — это выявление, характеристика и оценка вариантов самоопределения цивилизационного общества, формирования и утверждения цивилизационной идентичности. Существенным признаком цивилизационного развития выступает суверенность устойчивого и уникального развития собственных множественных форм современности или модерности российского общества. В терминах разделяемой в нашем проекте концепции оценка потенциала формирования и развертывания суверенного цивилизационного развития российского общества на федеральном, региональном и локальном уровнях является ключевой научной и практической задачей.

Преимущества программ, проектов и практик модернизации российского общества после распада СССР по евростандартам или по западным стандартам были очевидны. Это в целом признается и принимается. Вместе с тем в исторически реализованном после 1990 г. варианте построения рыночной экономики, государственного и правового устройства, массовой культуры и других сфер — это уходящая в прошлое повестка дня. В научной и популярной литературе имеется достаточная критика теории и программ модернизации современного российского общества, которая на практике оказалась проектом создания новых форм модерности в подражание образцам вестернизации. Это, очевидно, не суверенный тип цивилизационного развития.

Тип суверенизации, суверенного развития современного российского общества заключается в нахождении цивилизационного баланса на территории нашей многонациональной и поликонфессиональной, поликультурной страны. В условиях существующей неравномерности экономического развития, становления новой политической системы, значимых различий социального, культурного, религиозного порядка нарастают проблемы выбора пути цивилизационного развития, поиска собственных вариантов форм современности (модерности) в российском обществе на региональном и федеральном уровнях.

Приоритеты цивилизационного развития российского общества заключаются в поиске, артикуляции и конституировании ответов на вызовы и проблемы современности. Приоритет в формировании новых конфигураций цивилизационной идентичности и построении цивилизационного пространства или развития страны заключается в разработке и реализации базовых компонентов цивилизационного комплекса: это социальная структура, культура, институты и субъектность. Следует подчеркнуть место и роль субъектности цивилизационного комплекса, который представлен различными агентами общества и государства, как властными элитами, политическими партиями, негосударственными организациями, так и коллективными, и индивидуальными акторами гражданского общества и низовой гражданской активности. Ресурсы гражданского общества, гражданского участия являются одним из важнейших факторов цивилизационных перемен и построения цивилизационного пространства России.

Цивилизация — это переплетение культуры, власти, собственности, религии, права, богатства, достатка, зажиточности общества, обеспечивающий единство множественных укладов, стилей, языков населяющих ее народов. Накопленные и создаваемые компоненты цивилизации материального (предметного, вещного, вещественного) и нематериального (символического, духовного) порядка определяют, обуславливают характер освоения, присвоения и осуществления индивидуальными и коллективными субъектами мировоззрения, способов жизнедеятельности, поведения. При этом происходит динамичное взаимодействие цивилизаций — это взаимопроникновение элементов социума, власти и культуры разных стран ради обеспечения стабилизации и развития.

Основные проблемы цивилизационных изменений российского общества в региональном и глобальном контексте состоят:

- в определении места современного российского общества в глобальных и региональных цивилизационных процессах;
- выявлении динамики социальной и культурной идентичности современного российского общества;
- объяснении потенциальных трендов цивилизационной эволюции современного российского общества в новом глобальном и региональном контекстах;
- понимании новых факторов и механизмов цивилизационных перемен в современном российском обществе;
- выявлении конфигураций цивилизационной идентичности и цивилизационного многообразия российского общества.

Цивилизационное развитие современной России реализуется при наличии целого ряда материальных, культурных и человеческих ресурсов, в частности, экономических ресурсов для обеспечения социального благополучия большим группам населения, уровня и стиля жизни по образцам модерности (современности). Пространство цивилизационного развития российского общества формировалось в последние тридцать пять лет не столько властными элитами, народными традициями, религиозными предписаниями, сколько индивидуальной энергией людей, получивших первоначальные возможности экономической, интеллектуальной, социальной свободы. Типы современности российского общества характеризуются новой цивилизационной идентичностью, пространство которой постепенно осваивает население постсоветской России.

Выявленные в нашем исследовании компоненты, факторы, ресурсы и направленность цивилизационного развития российского общества представляют собой сложную подвижную конфигурацию базовых элементов: социальную структуру, культуру, институты, субъектность (или агентность). Центральная задача исследований суверенного цивилизационного развития современной России заключается в раскрытии роли различных акторов в обустройстве цивилизационного пространства российского общества. Цивилизационный подход открывает возможности для изучения условий устойчивости социальной структуры, границ ее изменений в ближайшем и отдаленном будущем. Возможности данного подхода не исчерпываются только социальной сферой, он позволяет определить масштаб и возможные последствия технологических новаций, определить временные параметры экономических циклов, а также возможные политические коллизии, которые будут сопровождать ожидаемые изменения.

Модель цивилизационного развития российского общества включает формирование самостоятельных проектов и стратегий самоопределения на всех уровнях: от локальной территории, малого поселения с его местным сообществом, до региональных территорий с их многонациональными, многоконфессиональными сообществами и до общенационального единого пространства. Модель суверенного цивилизационного обустройства стимулирует инновационность, креативность, инициативу в самых разных значимых направлениях, включая самые ультрасовременные: зеленую экономику, цифровизацию, виртуализацию и т.д. Проект суверенного цивилизационного обустройства задает перспективу раскрытия уникальности и самореализации как индивидов, так и сообществ, идентифицирующих себя с культурой, месторазвитием российского общества. Цивилизационная суверенность страны означает наличие условий

и ресурсов для становления и укрепления множественных конфигураций цивилизационной идентичности в рамках сложного динамичного мирового цивилизационного процесса, в котором российское общество обладает собственным уникальным человеческим потенциалом, социокультурным разнообразием, природным и созданным людьми богатством.

Литература / References

Цивилизационное многообразие современного мира (2024) Отв. ред. Р.Г. Браславский, А.В. Малинов. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН.

Civilizational diversity of the modern world (2024) Braslavskiy R.G., Malinov A.V. (eds.). Moscow; St. Petersburg: FCTAS RAS (in Russian).

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы (2016) Отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь мир.

Atlas of modernization of Russia and its regions: socioeconomic and sociocultural trends and problems (2016) Lapin N.I. (ed.) Moscow: Ves Mir (in Russian).

Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра (2013) Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия.

Civic, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow (2013) Drobizheva L.M. (ed.). Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (in Russian).

Грановеттер М. (2009) Сила слабых связей. *Экономическая социология*, 10(4): 31–50.

Granovetter M. (2009) The Strength of Weak Ties. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 10(4): 31–50 (in Russian).

Данилевский Н.Я. (1991) *Россия и Европа*. Сост., послесл., коммент. С.А. Вайгачева. Москва: Книга.

Danilevskiy N.Y. (1991) *Russia and Europe*. Moscow: Kniga (in Russian).

Дробижева Л.М. (2020) Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения. *Социологические исследования*, 8: 37–50.

Drobizheva L.M. (2020) Russian identity: defining definition and spreading dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 8: 37–50 (in Russian).

Дробижева Л.М., Арутюнова Е.М., Евсеева М.А. и др. (2021) *Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты*. Отв. ред. Е.М. Арутюнова, С.В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН.

Drobizheva L.M., Arutyunova E.M., Evseeva M.A. et al. (2021) *Content bases of Russian identity. Regional and ethnocultural contexts*. Arutyunova E.M., Ryzhova S.V. (eds.) Moscow: FNISTS RAN (in Russian).

Дробижева Л.М., Арутюнова Е.М., Евсеева М.А. и др. (2022) *Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика*. Отв. ред. И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН.

Drobizheva L.M., Arutyunova E.M., Evseeva M.A. et al. (2022) *Russian identity and interethnic relations. Public discourse and social practice*. Kuznetsov I.M., Ryzhova S.V. (eds.) Moscow: FCTAS RAS (in Russian).

Искусство и цивилизационная идентичность (2007) Отв. ред. Н.А. Хренов. М.: Наука.

Art and civilizational identity (2007) Khrenov N.A. (ed.) Moscow: Nauka (in Russian).

Козловский В.В. (2021a) Цивилизационная идентичность и цивилизационный порядок российского общества. В кн.: Козловский В.В. (ред.) *Российское общество: архитектоника цивилизационного развития*. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН: 248–300.

Kozlovskiy V.V. (2021a) Civilizational identity and civilizational order of Russian society. In: Kozlovskiy V.V. (ed.) *Russian society: architectonics of civilizational development*. Moscow; St. Petersburg: FNISTS RAN: 248–300 (in Russian).

Козловский В.В. (2021b) Профиль и ресурсы цивилизационного развития территории региона РФ. В сб.: Шаронов В.И. (сост.) *Цивилизационный потенциал территории субъекта РФ*. Калининград: А Полиграфычъ: 6–16.

Kozlovskiy V.V. (2021b) Profile and resources of civilizational development of the territory of the RF region. In: Sharonov V.I. (comp.) *Civilizational potential of the territory of the RF subject*. Kaliningrad: RA Poligrafyich: 6–16 (in Russian).

Кондаков И.В. (2010) Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы. *Вопросы социальной теории*, 4: 282–304.

Kondakov I.V. (2010) Civilizational identity of Russia: essence, structure and mechanisms. *Voprosy sotsialnoi teorii* [Issues of Social Theory], 4: 282–304 (in Russian).

Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. (2011) *Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты*. М.: Прогресс-Традиция.

Kondakov I.V., Sokolov K.B., Khrenov N.A. (2011) *Civilizational identity in a transitional era: culturological, sociological and art history aspects*. Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).

Лапин Н.И. (2020) Своеобразие культур цивилизаций — достояние и ресурс каждого человека и всего человечества. *Вопросы философии*, 10: 5–16.

Lapin N.I. (2020) Uniqueness of cultures of civilizations — heritage and resource of every person and all mankind. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 10: 5–16 (in Russian).

Магун В.С., Магун А.В. (2007) Идентификация граждан со своей страной: российские данные в контексте международных сравнений. В сб.: Дробижева Л.М., Головаха Е. (ред.) *Национально-гражданские идентичности и толерантность: опыт России и Украины в период трансформации*. Киев: Институт социологии НАН Украины; Институт социологии РАН: 202–240.

Magun V.S., Magun A.V. (2007) Identification of citizens with their country: Russian data in the context of international comparisons. In: Drobizheva L.M., Golovakha E. (eds.) *National-civic identities and tolerance: the experience of Russia and Ukraine in the period of transformation*. Kiev: Institut sotsiologii NAN Ukrainy; Institut sotsiologii RAN: 202–240 (in Russian).

Масловский М.В. (2024) Интерпретации российской цивилизационной идентичности в западной социальной науке. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(1): 7–24.

Maslovskiy M.V. (2024) Interpretations of Russian civilizational identity in Western social science. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(1): 7–24 (in Russian).

Нова ли новая Россия (2016) Под общ. ред. О.И. Шкаратана, Г.А. Ястребова. М.: Университетская книга.

Is the new Russia new (2016) Shkaratan O.I., Yastrebov G.A. (eds.) Moscow: Universitetskaya kniga (in Russian).

Российское общество: архитектура цивилизационного развития (2021) Отв. ред. В.В. Козловский. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН.

Russian society: architectonics of civilizational development (2021) Kozlovskiy V.V. (ed.) Moscow; St. Petersburg: FCTAS RAS (in Russian).

Россия как цивилизация: материалы к размышлению (2015) Под общ. ред. О.И. Шкаратана, В.Н. Лексина, Г.А. Ястребова. М.: Редакция журнала «Мир России».

Russia as a civilization: materials for reflection (2015) Shkaratan O.I., Leksin V.N., Yastrebov G.A. (eds.) Moscow: Redaktsiya zhurnala «Mir Rossii» (in Russian).

Сенюшкина Т.А. (2021) Цивилизационная идентичность: социокультурный феномен или геополитический конструкт? *Проблемы цивилизационного развития*, 3(2): 70–82.

Senyushkina T.A. (2021) Civilizational identity: sociocultural phenomenon or geopolitical construct? *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya* [Problems of Civilizational Development], 3(2): 70–82 (in Russian).

Симонова О.А. (2008) К формированию социологии идентичности. *Социологический журнал*, 3: 45–61.

Simonova O.A. (2008) Towards the formation of the sociology of identity. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 3: 45–61 (in Russian).

Федотова Н.Н. (2013а) Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики. *Знание. Понимание. Умение*, 2: 52–62.

Fedotova N.N. (2013a) Concepts of identity in the conditions of nonlinear sociocultural dynamics. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2: 52–62 (in Russian).

Федотова Н.Н. (2013б) Идентичность и социальный капитал: процессуальные теории. *Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Экономика*, 2(22): 29–38.

Fedotova N.N. (2013b) Identity and social capital: procedural theories. *Vestnik Moskovskoy gosudarstvennoy akademii delovogo administrirovaniya. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of the Moscow State Academy of Business Administration. Series: Economics], 2(22): 29–38 (in Russian).

Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы (2018) Под общ. ред. В.А.Черешнева, В.Н.Расторгуева. М.: Издатель Воробьев А.В.

Civilizational development of Russia: heritage, potential, prospects (2018) Chereshev V.A., Rastorguev V.N. (eds.) Moscow: Izdatel Vorobyev A.V. (in Russian).

Цивилизация и модернизация: история и современность (2019) Под ред. В.Ю. Бельского, Е.А. Когай. М.: Изд-во СГУ.

Civilization and modernization: history and modernity (2019) Belsky V.Yu., Kogai E.A. (eds.) Moscow: Izdatel'stvo SGU (in Russian).

Шкаратан О.И. (2004) *Российский порядок: вектор перемен*. М.: ВИТА Пресс.

Shkaratan O.I. (2004) *Russian order: vector of changes*. Moscow: VITA Press (in Russian).

Элиас Н. (2001a) *О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования*. Т. 1–2. М.; СПб.: Университетская книга.

Elias N. (2001a) *The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations*. Vol. 1–2. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga (in Russian).

Элиас Н. (2001b) *Общество индивидов*. М.: Практикс.

Elias N. (2001b) *The Society of Individuals*. Moscow: Praksis (in Russian).

Эриксон Э. (1996) *Идентичность: юность и кризис*. М.: Прогресс.

Erikson E. (1996) *Identity: Youth and Crisis*. Moscow: Progress (in Russian).

Arnason J.P., Eisenstadt S.N., Wittrock B. (eds.) (2005) *Axial Civilizations and World History*. Leiden; Boston: Brill.

Eisenstadt S.N. (2000) The Civilizational Dimension in Sociological Analysis. *Thesis Eleven*, 62(1): 1–21.

MULTIPLE CONFIGURATIONS OF CIVILIZATIONAL IDENTITY

Vladimir V. Kozlovskiy^{1,2} (v.kozlovskiy@socinst.ru)

¹ Sociological Institute of the RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia

² St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Citation: Kozlovskiy V.V. (2025) Multiple configurations of civilizational identity. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(4): 38–61 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.3>. EDN: JFYZPC

Abstract. This article discusses the civilizational dimension of identity in the context of civilizational changes in modern societies, including Russian society and the state. Civilizational identification is embedded in the multifaceted dynamic process of political, legal, and sociocultural development of the country in the current geopolitical situation in the world. Of particular importance is the procedural nature of identity, which is acquiring an increasingly important role in the civilizational self-determination of society, various social groups, and individuals. For modern Russia and its regions, in the current context of uneven socioeconomic development, the formation of new institutional structures, configurations of social inequality, and ways of life, the issue of diversity and unity of civilizational identity in the face of new challenges is becoming a central one. Identity is defined as the social and cultural core of the individual, group, and society, which ensures their stability and dynamism in society. The civilizational approach and the concept of multiple modernities serve as the theoretical basis for the study of configurations of civilizational identity. The article concludes that there are a variety of forms and types of civilizational identity, reflecting the complex interweaving of economic, political, sociostructural, sociocultural, and institutional forms, practices, and interactions among various individuals, groups, communities, and states. The characteristics and potential of civilizational identification are conceptually embedded in the typology of civilizational models of modern societies.

Keywords: civilizational approach, identity, modern society, forms of modernity, configuration, self-determination, models of civilizational development.

Acknowledgements

The research was funded by grant from the Russian Science Foundation no. 23-18-01067, <https://rscf.ru/en/project/23-18-01067/>.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Лариса Григорьевна Титаренко
(larisa166@mail.ru)

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь

Цитирование: Титаренко Л.Г. (2025) Цивилизационный подход в отечественных исследованиях российского общества. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(4): 62–79. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.4> EDN: JYEJUM

Аннотация. Представлен краткий анализ эволюции цивилизационного подхода в отечественной социальной философии и социологии. Автор предлагает отказаться от некритического заимствования западных универсалистских моделей модернизации и призывает к выработке теоретических конструкций, отражающих культурно-историческую специфику российского общества. Кратко рассматривается эволюция разработки цивилизационных подходов от Н.Я. Данилевского до современности, обозначены основные причины постепенного отхода ученых от прозападной модернизационной модели, доминировавшей в конце XX в. в российских представлениях о пути развития общества. Анализируются ключевые концепции ведущих российских ученых: модель техногенной цивилизации В.С. Степина, эволюция взглядов Н.И. Лапина от «цивилизаторской модернизации» к признанию России «эндогенно-гуманистической» цивилизацией, а также евразийский подход О.И. Шкаратана, который подчеркивает мультилинейность исторического процесса. Особое внимание уделено теоретической и методологической связи российских исследований с концепцией «множественных модернов» Ш. Айзенштадта. Показано, как современные российские социологи адаптируют этот подход, предлагая социологическую версию цивилизационного анализа, которая включает в себя институциональные, культурные и социально-структурные измерения. Актуальность данного подхода связана и с тем, что он подчеркивает контингентность развития цивилизации в России на нынешнем этапе истории. Автор приходит к выводу, что современный цивилизационный подход в России отличает многогранность и полидисциплинарность. Он позволяет преодолеть интеллектуальную зависимость от модернизационного дискурса и сформировать новые цивилизационные образы страны, не отказываясь от глобального научного диалога.

Ключевые слова: цивилизация, модернизация, цивилизационный подход, локальная цивилизация, универсализм, модерн.

Введение

История развития науки неоднократно доказывала, что зачастую самые выдающиеся идеи и концепции могут не получить мирового признания по причинам, далеким от их эвристических достоинств. Во все времена обществу было важно, кто выдвигает те или иные идеи, каков социальный статус автора и какие практические выгоды будет иметь поддержка тех или иных теорий. Как справедливо заметил философ Ежи Войцеховский, производство знаний подчиняется общим законам, и его распространение и признание зависит от взаимоотношений авторов с интеллектуальным сообществом; будучи продуктом человеческой деятельности, знание становится орудием власти, которое принимается обществом либо отторгается в зависимости от целей общества (Wojciechowski 2010: 2). На протяжении долгого времени в области социальных наук доминировали авторы, связанные с Западом. В своих трудах они отстаивали универсальные теоретические конструкции и практики, навязываемые всем другим в качестве оптимальных или единственных образцов.

Таковыми были многие концепции цивилизационного развития, не допускавшие интеллектуальной конкуренции с концепциями, созданными за пределами политического и научного мейнстрима. Россия несколько веков следовала в русле зависимого развития, которое, с одной стороны, обещало приближение к высшим образцам западной цивилизации, но, с другой — лишало самостоятельности и возможности заявить о себе как об обществе, способном развиваться собственным путем. Как только в российской науке появлялись подобные идеи, они подвергались жесткой критике со стороны зарубежных, а иногда и отечественных авторов, не мысливших себя вне западной картины мира.

Сегодня пришло время пересмотра таких взаимоотношений и выдвижения новых собственных теорий, адекватных российской истории и культуре, способных вывести Россию на достойный цивилизационный уровень развития. На смену интеллектуальной зависимости должен прийти диалог равноправных партнеров, способных к рациональным аргументам, свободных от устарелых геополитических стереотипов и опирающихся на научное исследование своего общества. Если этот интеллектуальный поворот и переосмысление научной картины мира будет совершен, тогда знание, ранее считавшееся маргинальным и периферийным, может получить равный статус с познавательными конструкциями, создаваемыми западными авторами.

Универсализм: техногенная цивилизация как модель современного развития мира

Цивилизационный подход широко востребован в современных российских исследованиях развития общества. Этот подход получил широкую известность с середины XIX в., с работы Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (Данилевский 1995), которую сегодня называют «первым в интеллектуальной истории» манифестом теории локальных цивилизаций (Маслин 2023: 5). В этом труде не только утверждалась идея равенства всех локальных цивилизаций мира, но и прямо был поставлен вопрос о противостоянии «славянского мира» и «германо-романского».

Подход стал особенно быстро развиваться с конца XX в., когда российская мысль вновь обратилась к поиску ответа на вопрос, по какому пути должна развиваться страна. Сегодня, трезво оценивая утопизм идеи Данилевского об объединении славянского мира под эгидой России, не следует преуменьшать научного значения этой пионерской работы в области обоснования равноправия разных моделей развития. Позднее была выдвинута идея евразийства, но она также не смогла объединить всех, кто хотел видеть Россию независимой от чужих влияний, развивающейся на собственных культурно-исторических основах, но и не разрывая связей с западным миром.

Таким образом, в той или иной форме цивилизационный подход развивается российскими авторами много десятков лет. Как утверждает В.В. Лапкин, «цивилизационная проблематика в течение всего XX в. привлекала внимание политических философов и наиболее проницательных политических исследователей, пытающихся продвинуться в развитии представлений о принципиальной многообразии культурно-цивилизационных оснований современного общества» (Лапкин 2022: 135). Действительно, разные авторы, исследуя Россию, предлагали как локальные, так и универсальные концепции для понимания ее развития.

В XX в. в Институте философии РАН была начата разработка специальной научной темы «Российский проект цивилизационного развития». Много в этом направлении было сделано такими российскими авторами, как А.С. Ахиезер, В.С. Библер, Н.И. Лапин, В.М. Межуев, Н.В. Мотрошилова, А.С. Панарин, В.С. Степин. Обобщающий труд по данной теме издан институтом в 2023 г. (Цивилизация... 2023). Все указанные авторы активно участвовали в развитии философии цивилизационного развития России. Особо упомянем среди многих научных работ по этой тематике культурологические труды А.С. Ахиезера, прежде всего его трехтомник «Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика Рос-

сии)», которые внесли вклад в понимание социокультурной эволюции российского общества и оказали влияние на ученых других дисциплин. Оригинальную цивилизационную теорию, имеющую черты евразийства, создал А.С. Панарин. По его мнению, цивилизация есть многосоставное понятие, которое объединяет разные этносы и религии общими нормами и культурными кодами, определяющими направление развития цивилизации, но не делающими его жестко предсказуемыми. Россию он считал государством-цивилизацией, в которой имеет место примат духовных связей над национальными и прагматическими, а также объединяются черты западной и восточной цивилизаций. В уравнивании и объединении этих двух полюсов ученый видел миссию России (Панарин 1996: 36). В целом все указанные авторы плодотворно работали, развивая идеи цивилизационного развития России.

Один из участников данного проекта, Н.И. Лапин, утверждал, что наиболее продуктивный подход к рассмотрению цивилизаций могут обеспечить исторические дисциплины и философия. В этой связи он высоко ценил труды философов и культурологов, посвященные цивилизации, — Н.В. Мотрошиловой (2010), В.М. Межуева (2011), а также коллективную монографию, опубликованную издательством журнала «Мир России» (Россия... 2015). Одновременно с высокой оценкой теоретических разработок Н.И. Лапин считал необходимым широко использовать методы и результаты социологических исследований, а также системных исследований, для того чтобы «формировать свое понимание цивилизации, сочетая социально-философский подход с возможностью реалистической верификации актуальных проблем российской цивилизации на основе эмпирических данных» (Лапин 2015). В последние годы, признав Россию локальной цивилизацией, Лапин активно разрабатывал собственную методологию ее изучения.

Поставив целью раскрыть, каким образом развивается сегодня цивилизационный подход, покажем связь цивилизационного подхода, разработанного российскими учеными, с идеями зарубежных авторов, много писавших о техногенной цивилизации, и с современными социологическими разработками цивилизационного подхода в России.

В ряде философских концепций подчеркивалась роль рациональных ценностей, порожденных западной цивилизацией, и ее ориентация на научно-технический прогресс. В России в такой версии цивилизационный подход успешно развивал В.С. Степин. Поскольку этот подход исходит из единства современного мира и наличия общих универсалистских цивилизационных основ, его дальнейшее развитие представляет научный интерес, хотя и нуждается в дополнении другими подходами.

В эволюционной картине развития цивилизации многие авторы выделяют три основных этапа, отличающихся между собой содержательно: аграрный (традиционный), индустриальный и техногенный (или постиндустриальный, технократический) (Цивилизация... 2023). Для каждого из этих этапов характерна своя картина мира, свой тип рациональности. По утверждению А. Тойнби, которое разделяют и многие российские авторы, разнообразные типы традиционной цивилизации были главным образом характерны для аграрного этапа развития человечества и традиционного мышления, но в той или иной степени они еще сохранились в отдельных странах даже в XX в.

Наибольший интерес для современных ученых представляет нынешняя, техногенная, цивилизация. В общем русле устоявшихся в науке трактовок эта цивилизация определяется как «особый тип цивилизационного развития, который возник в Европе в эпоху становления раннего капитализма и который часто называют западной цивилизацией по региону ее возникновения» (Степин, Кузнецова 1994). Данный тип цивилизации отличается не только интенсивным типом развития и быстрым ростом инноваций, но и активным вмешательством человека в окружающую его среду («активность субъекта»), что привело к обновлению «второй природы» и акселерации всех социальных связей. Отмеченные характеристики аналогичны тем, которые ранее давались известными западными социологами и футурологами — авторами концепций техногенной цивилизации и которые также выделяли три этапа развития цивилизации с аналогичными характеристиками, хотя и давали им иные наименования (Toffler 1970; Bell 1973). В то же время и западные, и российские исследователи социально-философской универсалистской модели современной техногенной цивилизации признавали, что под влиянием научно-технического прогресса в ней радикально меняются все типы человеческого общения и формы коммуникации. Ввиду таких трансформаций не остаются неизменными ценности и мировоззренческие ориентиры, присущие техногенной цивилизации, создается новый образ техногенного мира.

Разрабатывая универсалистскую модель цивилизационного развития, российские и зарубежные социальные философы признают, во-первых, инвариантность и национальные модификации системы фундаментальных ценностей (Arnason 2020), во-вторых, наличие некоторых общих признаков в качестве глубинного инварианта данного типа цивилизации, который представляет так называемый геном культуры (Эйзенштадт 1999). Данное понятие включает основные культурные смыслы, присущие техногенному обществу: понимание человека, природы, общества, власти, деятельности, времени и пространства и т.д. Например, по мнению

В.С. Степина, из двух феноменов — культура и цивилизация — ведущее место принадлежит культуре, поскольку именно она определяет ядро цивилизации. В отношении техногенной цивилизации это ядро сформировалось как синтез достижений Античности с христианской культурной традицией: их сплав и породил систему ценностей техногенной цивилизации. Следуя традиции М. Вебера в анализе западной цивилизации (Вебер 1990), В.С. Степин утверждал, что она определяется господством научной рациональности, которая является приоритетом в современной системе ценностей. Соответственно столь же высоко в этом обществе должна цениться инновационная научная деятельность, поскольку именно благодаря науке и научно-техническому прогрессу данный тип цивилизации смог успешно развиваться, осуществлять радикальное преобразование окружающего мира и самого человека, а также стимулировать постоянное обновление собственной технологической основы. Таким образом, без науки и широкого применения принципов научной рациональности техногенная цивилизация не существует: их замедление означало бы откат назад в развитии этой цивилизации. И в то же время цивилизацию движет вперед широко понимаемая система культурных ценностей, в которую включаются и идеалы, и ценности науки в их взаимодействии с развитием цивилизации (Степин 1999).

В.С. Степин, высоко оценивая достижения техногенной цивилизации, не абсолютизировал данный тип общества. Он утверждал, что «резервы цивилизованного развития этого типа могут быть исчерпаны» (Степин, Кузнецова 1994), и само понятие прогресса может быть поставлено под вопрос в условиях нарастающих глобальных кризисов XXI в. Поэтому в XXI в. должна произойти радикальная трансформация типа цивилизационного развития, которая также может быть связана с формированием нового типа научной рациональности — постнеклассического, формированием новых форм взаимодействия науки и других областей культуры. При этом, чтобы не исчезнуть, в новом типе цивилизации должны обязательно сохраняться общие гуманистические принципы, которые не позволят развиваться сценариям, способным приблизить мир к уничтожению людей и разрушению культуры. Новый тип рациональности будет «связан с интенсивным научным и технологическим освоением принципиально новых типов объектов, представляющих собой сложные саморазвивающиеся системы» (Степин 2011: 13). Автор пришел к выводу, что утверждающийся в науке новый тип рациональности, «имманентно включает рефлексию над ценностями в научный поиск, резонирует с представлениями о связи истинности и нравственности, свойственными традиционным восточным культурам» (Степин 2011: 14). Таким образом,

появляется возможность установить диалог между западной и восточной культурами, который необходим для продвижения земной цивилизации на новый виток развития, на котором должны быть преодолены нынешние глобальные противоречия и сформироваться новые ценности, ростки которых будут появляться на стыке нынешних цивилизаций. Это означает, что глобальный мир переживает эпоху очередной трансформации типа цивилизационного развития, точнее, находится на первой стадии фазового перехода, однако уже сейчас можно определить некоторые «точки роста» новой цивилизации. Сближение культур Востока и Запада, диалог локальных цивилизаций — примеры таких точек роста.

От модернизации к цивилизации

Ш. Айзенштадт, которому принадлежит решающая роль в разработке концепции мультимодернов, раскрыл неотъемлемые противоречия типа развития, называемого модерном (модернити), — ее неразрешимые антиномии, которые в трансформированной форме представляют противоречия, характерные для осевых цивилизаций. Айзенштадт назвал следующие антиномии: 1) осознание огромного числа возможностей трансцендентных интерпретаций модернити и путей их реализации; 2) напряжение между разумом и верой; 3) проектирование полной институционализации идей и взглядов о модерностях и невозможностью это сделать в первоначальной форме, т.е. без внесения существенных изменений, которые не ведут к первоначальной цели (Eisenstadt 2002).

Применительно к России можно сказать, что российские ученые, хорошо знакомые с концепцией Айзенштадта, каждый по-своему пытались интерпретировать трансформацию общества, и при этом каждый приходил к разным теоретическим концептуализациям.

Так проявлялось первое отмеченное Айзенштадтом противоречие концептуализации модернити — множественность понимания и интерпретации. Его смысл в отношении России можно было пояснить следующим образом. Поскольку интерпретаций может быть много и все они имели право на существование, то и так называемая догоняющая модернизация понималась как один из путей развития модернити. Поэтому развитие российской модели «догоняющей модернизации» получало научное обоснование.

Этой версией реализации концепта модернити пользовался в конце XX — начале XXI в. и Н.И. Лапин, добавляя некоторые чисто российские характеристики общества. В частности, он предлагал ускоренно развивать гуманистическое содержание модернизации, которое требует наличия сильного социального государства, федеральных целевых программ

и «цивилизма», под которым понималось «гражданское общество, саморазвивающееся путем конвергенции посткапитализма и постсоциализма» (Лапин 2018: 130). Лапин был убежден, что разработка концепции «цивилистской модернизации» — это важная задача теоретической социологии (Лапин 2018: 131). Еще сохраняя свою приверженность идее модернизации западного типа, Лапин пытался доказать, что Россия следует именно этим путем. Однако, как бы подтверждая актуальность третьей антиномии, раскрытой Айзенштадтом, Лапин был вынужден констатировать, что реализацию желаемой модели невозможно осуществить в первоначальной форме. Необходимым существенным изменением первоначальной модели модернизации Лапин признал конвергенцию России и Запада, или постсоциализма и посткапитализма. Как социально-философская конструкция такая модель была допустима. Однако продолжающиеся крупномасштабные социологические исследования в России эмпирически доказывали, что данный путь совсем не ведет Россию к позитивным результатам по западному образцу, т.е. реальной конвергенции не происходит. Осознав тупиковость переноса западной модели в Россию, Лапин переориентировался на китайский паттерн развития с учетом региональных различий страны и своеобразия ее культуры и сделал вывод, что Россия должна быть признана самостоятельной локальной цивилизацией, никому не подражающей.

В начале 2020-х годов идеи Н.И. Лапина по своим культурно-институциональным формам полностью разошлись с «нормативной западной моделью» модернизации и были повернуты на цивилизационный подход. Ученый пришел к окончательному выводу, что Россия является локальной цивилизацией, будущее которой зависит от выбора в качестве идеального эталона либо другой, уже существующей и успешно развивающейся локальной цивилизации («экзогенного» образца), либо собственной альтернативы Западу. Такую альтернативу еще требовалось создать. Однако Н.И. Лапин полагал, что второй путь более адекватен, т.е. необходимо «сконструировать новый... пока не реализованный гуманистический принцип», следуя которому Россия сможет стать «эндогенно-гуманистической» цивилизацией (Лапин 2015: 8).

Даже в начале XXI в. в литературе превалировал термин «модернизация» для характеристики проводимых реформ российского общества в социально-экономической, политической, культурной сферах. Поскольку теория модернизации выглядела простой, понятной и многообещающей, она имела многих сторонников, тем более что различных интерпретаций модернизации было предложено много и можно было выбрать то, что представлялось более адекватным реальности. Большинство авторов понимали под модернизацией общества его социально-экономические

реформы, ведущие к материальному благосостоянию людей, что в целом соответствовало модели модернизации, созданной западными авторами. Акцент делался на материально-технической стороне трансформации общества — определяющей черте технократических моделей А. Тоффлера и Е. Масуды. Что касается концепции модернити, развиваемой Айзенштадтом, в ней были иные акценты, и главный из них — эмансипация человечества и развитие человеческой креативности. Даже в модернизационной модели Т. Парсонса цель развития общества включала не только технико-экономическую составляющую: целью являлась практическая реализация всех эволюционных универсалий. Вероятно, российские теории модернизации, фокусируясь на материально-техническом развитии страны, ориентировались главным образом на ее первостепенные нужды. Однако модель будущего развития общества всегда должна быть многосторонней и включать все аспекты — духовно-культурные, экологические, политические, экономические.

Разработанная Н.И. Лапиным концепция позволяла проводить сравнительные исследования разных российских регионов. За несколько десятилетий под руководством Лапина были проведены общероссийские исследования, которые выявили, что регионы России находятся на разных уровнях развития и нуждаются в разных подходах. Результаты были отражены в коллективной работе «Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы» (Атлас... 2016). Ученый отказался от западной методологии модернизации, осознав продуктивность китайского подхода. Н.И. Лапин разглядел и неповторимые черты развития китайского общества, обусловленные культурой, которые не могут быть повторены другими странами, включая Россию.

В этом смысле, не делая никаких ссылок на работы Й. Арнасона, Лапин пришел к тем же выводам: Китай и Россия — это разные неповторимые общества, несмотря на определенное сходство. Все это привело Лапина к необходимости признать бесперспективность развития России и по пути «догоняющей модернизации», и по китайскому пути. В эти годы ученый утверждал, что социологи должны разработать концепцию «цивилистской модернизации». Однако концепция «гибридного транзита» к капитализму так же быстро исчерпала себя, как и прежние версии модернизации как модели развития России.

В предложенной Н.И. Лапиным модели России как «эндогенно-гуманистической» цивилизации очевидно просматривается желание ученого приблизить Россию как локальную цивилизацию к универсальной общецивилизационной модели реального гуманизма. Здесь можно найти сходство с идеей множественности модернов, понимаемых как локальные

цивилизации, каждая из которых имеет собственные оригинальные характеристики и не повторяет другие локальные цивилизации, будучи не хуже и не лучше других (Eisenstadt 2000). Возможно, по причине того, что автор этой концепции, Айзенштадт, употреблял термин «модернити» (модерн), Лапин первоначально воспринял данный подход как модернизационный, тогда как по сути дела Айзенштадт разработал новый цивилизационный подход к пониманию модерна не как универсального, общего для всех единого типа развития, а лишь как «зонтичный» термин, объединяющий разнообразные локальные цивилизационные модели современности (мультимодерны). Не случайно в том же номере журнала «Дедал», где была опубликована статья Айзенштадта о концепции мультимодернов, были и статьи о локальных арабском, скандинавском, японском модернах. Можно предположить, что все эти авторы развивали цивилизационную концепцию в одном направлении, пытаясь соединить универсализм и локализм современных модернов.

Отметим также, что, исследуя российское общество эмпирически и теоретически, Лапин столкнулся с давней проблемой оценки путей развития и формирования основ цивилизационного развития России, уходящей корнями в XIX в., а возможно, и во времена Петровских реформ. Это проблема практического цивилизационного устройства страны в ситуации разнонаправленности идеалов, образа мысли и поведенческих ориентаций правящей элиты и большинства населения России. С одной стороны, по мысли элиты Россия должна развиваться западным путем, с другой — на практике страна продолжала опираться на устои, резко отличные от западной цивилизации. Речь идет о двойственности восприятия России как принадлежащей Западу или Востоку, которую отмечают и другие авторы (Тихонова 2023; Цыганков 2024). Этот разрыв между цивилизационно ориентированным на Запад сознанием «верхов» и базовыми смыслами ядра российской культуры Лапин считал возможным преодолеть посредством консолидации общественного сознания всего населения. Однако путей достижения консолидации в цивилизационном обустройстве России на практике ученый не исследовал.

В целом можно сказать, что Н.И. Лапин создал еще одну идеальную социально-философскую модель модернизационного становления контуров российской цивилизации, которая давала общие ориентиры развитию страны, но не раскрывала пути, какими можно их реализовать на практике. Для этого требовалась социологическая модель, сочетающая общетеоретический уровень и конкретные уровни развития отдельных социальных сфер, институтов исходя из существующих основ общества, которое образует российскую цивилизацию.

Цивилизационный тип России: локальная или евразийская цивилизация

В постсоветской социологии большое внимание цивилизационному подходу уделял О.И. Шкаратан. Совместно с коллективом историков, философов, социологов, ученый попытался глубоко осмыслить развитие России и определить, чем оно в корне отличается от других стран. О.И. Шкаратан по-иному рассматривал цивилизационное развитие России, нежели западные авторы, навязывавшие России свою модель под лозунгами универсализма (Россия... 2015). Ученый подверг критике концепции, исходящие из линейности или универсальности развития цивилизаций, равно как и любые модернизационные подходы. По мнению Шкаратана, необходим другой подход к цивилизационному развитию — мультилинейный, или плюралистский. Суть его подхода в том, что человечество представляет собой совокупность относительно автономных образований, каждое из которых имеет собственную историю, этапы становления, развития и исчезновения. На смену погибшим историческим цивилизациям приходят новые, совершающие свой собственный цикл развития, в чем и проявляется историчность процесса. В контексте данного подхода О.И. Шкаратан высоко ценил вклад в изучение цивилизаций Н.Я. Данилевского за то, что последний считал российскую цивилизацию своеобразной, отличной от других локальных типов цивилизации. При этом сам Шкаратан утверждал, что признание специфического развития России и других стран разной цивилизационной принадлежности не означает отрицания того, что существуют универсальные технологии жизни, некоторые универсальные практики, которые проявляются в любой цивилизации. Однако ключевые идентичности локальных цивилизаций, которые были приобретены ими еще на ранних этапах культурной кристаллизации, остаются доминирующими, хотя и продолжают постоянно саморазвиваться.

Практическая реализация основ цивилизации во многом зависит от практик субъектов действия, т.е. элит, других социальных групп, общества в целом. Исходя из анализа российских субъектов действия в разные исторические периоды, Шкаратан констатировал, что российская цивилизация является локальной и развивается между Востоком и Западом, причем в ее истории духовное и политическое ядро часто входят в конфликт между собой. В результате этих конфликтов в условиях глобализации российская цивилизация достигла больших высот в развитии культуры, но сохраняла «неразвитость инфраструктуры личностного развития, отсутствие права на свободный выбор моделей жизни» и другие противоречия (Россия 2015). Сегодня, почти десятилетие спустя, данное обстоятельство еще больше стимулирует необходимость продолжить конструирование новых теорий

вариативного цивилизационного устройства российского общества, опираясь на исследование различных моделей цивилизационного развития России и выявляя специфику нынешнего состояния ее экономики, политики, культуры.

Шкаратан разделял позицию, согласно которой разнообразие социально-экономического развития народов основывается на различиях двух доминирующих макротипов цивилизации — «европейского» и «азиатского». При этом Россию он рассматривал как находящуюся на пересечении этих двух типов. Поэтому за основу своего подхода Шкаратан взял теорию евразийства Льва Гумилева. По мнению Шкаратана, к евразийской цивилизации можно отнести и Казахстан, так же как и Россия совмещающий типичные характеристики азиатского подхода, дополненные европейскими механизмами развития.

Шкаратан видел задачу науки в исследовании российской цивилизационной общности, понимании и интерпретации происходящих в ней процессов, ее связей с универсалистской моделью. Ученый считал необходимым широко использовать сравнительный анализ цивилизаций, чтобы определить место российского типа среди других, а также сконструировать вероятностные перспективы его будущего развития (Россия... 2015). Если использовать терминологию Айзенштадта, при рассмотрении процессов становления разных типов цивилизационной модерности «необходимо анализировать отношения между культурой и социальной структурой, историей и структурой, человеческой деятельностью и структурой, и, кроме того, соотношение двух функций культуры — поддержания и изменения порядка» (Эйзенштадт 1993: 207). Шкаратан утверждал, что сравнительный анализ необходим независимо от того, как развивается данный тип цивилизационного модерна (эволюционно или революционно): указанные категории анализа всегда важны. Такой логический путь цивилизационного анализа позволит глубже осмыслить происходящие в ней изменения и определить их как локальные, региональные, глокальные либо универсальные.

Концепция О.И. Шкаратана отличается от других цивилизационных концепций, включая концепцию А.С. Панарина, В.С. Степина, В.В. Козловского, что лишь доказывает: в отношении цивилизаций существует множество подходов, и невозможно заранее определить, какой будет перспективным, а какой нет.

Подход, развиваемый коллективом авторов Социологического института РАН под руководством В.В. Козловского, отличает глубоко продуманная социологически ориентированная теоретическая интерпретация цивилизационного развития России, в которой учитываются достижения зарубежных и российских исследователей цивилизации. Предложенная

данным коллективом социологическая версия цивилизационного анализа соединяет социально-структурный, социокультурный, институциональный и субъектный аспекты. Одним из ключевых понятий выступает цивилизационный порядок общества, который отражает «сложившийся устойчивый корпус форм социальной организации и регулирования культуры, хозяйства и власти» (Российское... 2021). Разработчики данного варианта цивилизационного подхода полагают, что только единство структурного, социокультурного, институционального и субъектного компонентов может обеспечить более обоснованную и точную интерпретацию цивилизационного развития России. Но все же главным в решении всех основных проблем цивилизационного анализа российского общества является понимание переплетения двух аспектов в ходе становления различных форм множественных модерностей (современностей): *социоструктурного* (доминирует в решении проблем снижения бедности, повышения роста уровня жизни населения) и *социокультурного* (обеспечение всем социальным группам равных шансов в образовании, доступ к культуре, отправление религиозных обрядов и верований).

В этом отношении прослеживается схожесть предлагаемой концепции к изучению цивилизационного развития России с идеями Ш. Айзенштадта о развитии цивилизационных мультимодернов (модерностей). Как полагают авторы социологической версии цивилизационного подхода, в современной социологии совсем немного теоретико-методологических подходов, которые помогают понять национальные, региональные, локальные и глобальные социокультурные конфигурации динамично изменяющегося общества, и концепция Айзенштадта лучше других объясняет эти трансформации (Браславский, Козловский 2023: 116). Как показал Р. Браславский, даже Гидденс не сумел полностью осознать соотношение культуры, рефлексивности, традиции и инноваций, хотя и подошел к осознанию сопряженности культуры и власти — центральной проблемы цивилизационного подхода (Браславский 2023).

Сформулированные Ш. Айзенштадтом концепции «множественных модерностей» и «цивилизации модерности» задали ключевые вопросы повестки дня современного цивилизационного анализа российского общества. Поэтому многие идеи концепции израильского социолога и были использованы в разработке проблем цивилизационного развития российского общества. Рассуждая в русле подхода израильского социолога, В.В. Козловский и его коллеги констатируют, что отдельные структурные компоненты цивилизационного устройства России развиваются неравномерно. По их мнению, менее других развита институциональная составляющая, которая отмечается общей консервативностью. Причины такого

развития очевидны: за институтами стоят интересы властных и элитных групп. Консервативность институтов часто мешает инновационному развитию культурных факторов. Большую роль играет агентность (акторы или агентная основа), т.е. социальные группы и сообщества, имеющие разные интересы. Агенты способны как на продвижение революционных перемен, так и на поддержание устаревших отношений и институтов.

В сравнительном анализе цивилизаций Ш. Айзенштадт предложил концепцию модерности как цивилизации, в которой совмещаются культурный, институциональный и социоструктурный аспекты общественной жизни. В перспективе его подход дает возможность выстроить исследование цивилизационного развития российского общества в контексте тенденций мирового цивилизационного процесса. С учетом данного подхода авторы социологической версии цивилизационного анализа стремятся расширить поле рассмотрения цивилизационных процессов России в соотнесении с современной мировой цивилизацией. Это проявляется в углубленном исследовании своеобразия российского общества, в частности в обнаружении формирующейся цивилизационной идентичности, поиске суверенного типа цивилизационного развития, рассмотрении динамики множественных модерностей, не только в охвате общего уровня развития страны, но и в раскрытии взаимодействий власти, культуры, социальных институтов и сообществ.

Заключение

Цивилизационный подход в российской социологии разворачивается полидисциплинарно. В отличие от философских, социально-философских, исторических подходов социологическая версия цивилизационного анализа предполагает необходимость конструирования самостоятельных локальных проектов, программ, стратегий цивилизационного развития на разных уровнях — от локальной территории до региона. Актуальность данного подхода связана и с тем, что он подчеркивает контингентность развития цивилизации в России на нынешнем этапе истории. Вместе с тем, отказавшись от традиционных дискурсов в русле постколониального и прозападного зависимого развития, российские авторы не порывают связей с теоретическими разработками зарубежных авторов о глобальных и региональных трендах мирового цивилизационного процесса. В отечественной социогуманитарной науке широко используются многие получившие мировое признание цивилизационные концепции, с ними происходит активный научный диалог.

Новая социокультурная карта мира, которая сложится в результате глобальных трансформаций, будет включать результат «цивилизацион-

ного сдвига российского общества в направлении новых типов модерна с учетом собственной специфики» (Титаренко 2023). Следует отметить сложность развития современного цивилизационного анализа по отношению к отдельным регионам и странам, особенно к современной России. Трудности заключаются в слабо координируемой полидисциплинарности философского, гуманитарного и социального знания, в расхождении (мета)теоретического или эмпирического уровней исследования, в стремлении представить поиски национальной идеологии в качестве путей цивилизационного развития страны.

Литература / References

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы (2016) Н.И. Лапин (отв. ред.). М.: Весь мир.

Atlas of modernization of Russia and its regions: socioeconomic and sociocultural trends and problems (2016) Lapin N.I. (ed.) Moscow: Ves Mir (in Russian).

Браславский Р.Г. (2023) Энтони Гидденс и цивилизационный анализ: модерн между рефлексивностью и культурой. *Социологическое обозрение*, 22(1): 147–174.

Braslavskiy R.G. (2023) Anthony Giddens and Civilizational analysis: modern between the reflexivity and culture. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 22(1): 147–174 (in Russian).

Браславский Р.Г., Козловский В.В. (2023) Цивилизационный поворот в современной социологии: вклад Ш.Н.Эйзенштадта. *Социологические исследования*, 10: 116–125.

Braslavskiy R.G., Kozlovskiy V.V. (2023) The Civilizational turn in modern sociology: the contribution of S.N. Eisenstadt. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Research], 10: 116–125 (in Russian).

Вебер М. (1990) *Избранные произведения*. Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс.

Weber M. (1990) *Selected works*. Compilation, general editing and afterword by Y.N. Davydov; preface by P.P. Gaidenko. Moscow: Progress (in Russian).

Данилевский Н.Я. (1993) *Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому*. СПб.: Глаголь; Изд-во СПбГУ.

Danilevskiy N.Y. (1993) *Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Roman*. St. Petersburg: Glagol; Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta (in Russian).

Козловский В.В. (2023) Модели цивилизационного развития современных обществ: самоопределение и взаимодействие. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(4): 41–62.

Kozlovskiy V.V. (2023) Models of civilizational development of modern societies: self-determination and interaction. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(4): 41–62 (in Russian).

Лапин Н.И. (2015) Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть I. Человеческая цивилизация перед выбором конфигурации фундаментальных ценностей. *Вопросы философии*, 4: 3–15.

Lapin N.I. (2015) Fundamental values of civilizational choice in the 21st century. Part I. Human civilization before choosing the configuration of fundamental values. *Voprosy Filosofii* [Problems of Philosophy], 4: 3–15 (in Russian).

Лапин Н.И. (2018) Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех». *Вестник Института социологии*, 27: 105–136.

Lapin N.I. (2018) Hybrid transit and the need for “modernization for all”. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 27: 105–136 (in Russian).

Лапкин В.В. (2022) Социально-политическая динамика эпохи глобального кризиса: цивилизационный бэкграунд. *Полис. Политические исследования*, 6: 135–150.

Lapkin V.V. (2022) Socio-political dynamics of the era of global crisis: civilizational background. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 6: 135–150 (in Russian).

Маслин М.А. (2023) Николай Данилевский: между славянофильством и панславизмом. *Философский журнал*, 16(4): 5–18.

Maslin M.A. (2023) Nikolay Danilevskiy: between Slavophilism and Pan-Slavism. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal], 16(4): 5–18 (in Russian).

Межуев В.М. (2011) *История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования*. СПб.: СПбГУП.

Mezhuev V.M. (2011) *History, civilization, culture: experience of philosophical interpretation*. St. Petersburg: SPBGUP (in Russian).

Мотрошилова Н.В. (2010) *Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов*. М.: Канон+.

Motroshilova N.V. (2010) *Civilization and barbarism in an era of global crises*. Moscow: Kanon+ (in Russian).

Панарин А.С. (1996) *Россия в цивилизационном процессе*. М.: Институт философии РАН.

Panarin A.S. (1996) *Russia in the civilizational process*. Moscow: Institute of Philosophy RAS (in Russian).

Российское общество: архитектура цивилизационного развития (2021) В.В. Козловский (отв. ред.). М.; СПб.: ФНИСЦ РАН.

Russian society: architectonics of civilizational development (2021) V.V. Kozlovskiy (ed.) Moscow; St. Petersburg: FCTAS RAS (in Russian).

Россия как цивилизация: материалы к размышлению (2015) О.И. Шкаратан, В.Н. Лексин, Г.А. Ястребов (ред.). М.: Редакция журнала «Мир России».

Russia as a civilization: materials for reflection (2015) Shkaratan O.I., Leksin V.N., Yastrebov G.A. (eds.) М.: Redaktsiya zhurnala «Mir Rossii» (in Russian).

Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. (1994) *Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации*. М.: Центр гуманитарных технологий.

Stepin V.S., Kuznetsova L.F. (1994) *Scientific picture of the world in the culture of technogenic civilization*. М.: Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy (in Russian).

Стёпин В.С. (1999) *Ценностные основы и перспективы техногенной цивилизации*. М.: ИФ РАН.

Stepin V.S. (1999) *Value bases and prospects of technogenic civilization*. Moscow: Institute of Philosophy RAS (in Russian).

Стёпин В.С. (2011) Глобализация и диалог культур: проблема ценностей. *Век глобализации*, 2: 8–17.

Stepin V.S. (2011) Globalization and dialogue of cultures: the problem of values. *Vek Globalizatsii* [Century of Globalization], 2: 8–17 (in Russian).

Титаренко Л.Г. (2023) Российская социология перед теоретическими вызовами: какая макротерия нужна российской социологии? *Социологические исследования*, 5: 15–25.

Titarenko L.G. (2023) Russian Sociology Facing Theoretical Challenges: what Macrotheory does Russian Sociology Need? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 5: 15–25 (in Russian).

Тихонова Н.Е. (2023) Специфика мировоззрения сторонников западного пути развития для России в массовых слоях населения. *Мир России*, 32(4): 6–35.

Tikhonova N.E. (2023) The Worldview of Supporters of the Western Path of Development for Russia among the General Population. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 32(4): 6–35 (in Russian).

Цивилизация: многозвучие смыслов. Memoria (2023) А.В. Смирнов, Н.А. Касавина, С.А. Никольский (ред.) М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.

Civilization: polyphony of meanings. Memoria (2023) Smirnov A.V., Kasavina N.A., Nikolsky S.A. (eds.). Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ (in Russian).

Цыганков А.П. (2024) Смена эпох. Русское западничество и международные отношения. *Россия в глобальной политике*, 22(2): 196–212.

Tsygankov A.P. (2024) Change of eras. Russian Westernism and international relations. *Rossiya v globalnoy politike* [Russia in Global Affairs], 22(2): 196–212 (in Russian).

Эйзенштадт Ш.Н. (1993) Конструктивные элементы великих революций: культура, социальная структура, история и человеческая деятельность. *Thesis*, 2: 190–212.

Eisenstadt S.N. (1993) The building blocks of great revolutions: culture, social structure, history and human action. *Thesis*, 2: 190–212 (in Russian).

Эйзенштадт Ш. (1999) *Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций*. М.: Аспект Пресс.

Eisenstadt S.N. (1999) *Revolution and transformation of societies. Comparative study of civilizations*. Moscow: Aspect Press (in Russian).

Arnason J.P. (2020) *The Labyrinth of Modernity: Horizons, Pathways and Mutations*. London: Rowman and Littlefield.

Bell D. (1973) *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York: Basic Books.

Eisenstadt S.N. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*, 129(1): 1–29.

Eisenstadt S.N. (2002) *Multiple Modernities*. New Brunswick; Leiden.

Toffler A. (1970) *Future Shock*. New York: Bantam books.

Wojciechowski J. (2010) *Ecology of knowledge*. Washington: The Council for Research in Values and Philosophy.

THE CIVILIZATIONAL APPROACH IN THE STUDY OF RUSSIAN SOCIETY

Larisa G. Titarenko (larisa166@mail.ru)

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Citation: Titarenko L.G. (2025) The civilizational approach in the study of Russian society. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(4): 62–79 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.4> EDN: JYEJUM

Abstract. This paper provides a brief analysis of the evolution of the civilizational approach in Russian social philosophy and sociology. The author argues for the necessity to overcome Western universalist modernization models and calls for the development of theoretical concepts that more reliably reflect the cultural-historical specificity of Russian society. The study outlines the development of civilizational approaches from N.Y. Danilevsky to the present, identifying the main reasons for the gradual abandonment of the pro-Western modernization model that dominated Russian social thought in the late 20th century. The author analyzes key concepts from the leading Russian scholars: V.S. Stepin's model of technogenic civilization, the evolution of N.I. Lapin's views from "civilistic modernization" to the recognition of Russia as an "endogenous-humanistic" civilization, and the Eurasian approach by O.I. Shkaratan who emphasizes the multilinear character of the historical process. A special focus is put on the theoretical and methodological connections between Russian research and S. Eisenstadt's concept of "multiple modernities". The author shows how contemporary Russian sociologists are adapting this approach to create a sociological version of civilizational analysis that integrates institutional, cultural, and socio-structural aspects. The relevance of this approach lies in its emphasis on the contingency of Russia's civilizational development at the current historical stage. The author concludes that the contemporary civilizational approach in Russia is multifaceted and transdisciplinary. It enables Russian scholars to overcome intellectual dependency on modernization discourse and formulate new civilizational images of the country without isolating it from the global academic dialogue.

Keywords: civilization, modernization, civilizational approach, local civilization, universalism, modernity.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ В ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГАДЖЕТОВ И НОВЫЕ ФОРМЫ ЗАВИСИМОСТИ: МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Вадим Валерьевич Радаев (radaev@hse.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Цитирование: Радаев В.В. (2025) Вовлеченность в использование гаджетов и новые формы зависимости: межпоколенческий анализ. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(4): 80–126. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.5> EDN: KFJQ00

Аннотация. Раскрывается понятие амбивалентности влияния цифровых технологий на своих пользователей, приводится краткая история появления и распространения этих технологий среди российского населения. Через призму межпоколенческого анализа на основе репрезентативных количественных данных исследуется рост вовлеченности россиян в пользование интернетом (включая продвинутые навыки) и гаджетами (персональными компьютерами, мобильными телефонами и смартфонами), а также растущая зависимость россиян от гаджетов на основе их собственных оценок. В качестве основного источника информации используются данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ). Объединенный массив за 1994–2023 гг. включает 343 355 респондентов 18 лет и старше (42 % мужчин и 58 % женщин). Кроме сопоставления доли пользователей интернета и разных электронных устройств из пяти поколенческих когорт, применяется логистический регрессионный анализ с показателями вовлеченности и зависимости от гаджетов в качестве зависимых переменных. В результате получено, что межпоколенческие различия (в том числе при элиминировании эффекта возраста) значимо влияют на все основные показатели вовлеченности в использование интернета и гаджетов, включая интенсивную (ежедневную) вовлеченность. Сопряженные с ними формы зависимости также значимо чаще появляются у представителей более молодых поколений. Обнаружены заметные гендерные различия в пользу женщин или мужчин в зависимости от конкретных устройств. С переходом к самому молодому поколению зумеров нередко эти различия уменьшаются или совсем исчезают.

Ключевые слова: цифровые технологии, гаджеты, зависимость, поколения, опросы населения, Россия.

Амбивалентность влияния цифровых технологий (вводные замечания)

Влияние цифровых технологий на нашу повседневную жизнь несомненно превратилось в одну из ключевых исследовательских тем. При этом в рамках концепции межпоколенческого цифрового разрыва постулируется, что успешная вовлеченность в цифровые технологии, в большей степени отличающая молодые поколения, повышает благосостояние и наращивает «виртуальный капитал», в то время как неспособность к их освоению порождает состояние уязвимости и отчужденности, что особенно характерно для старших поколений (Ball et al. 2019; Иванов, Асочаков, Богомягкова 2021; Варламова 2022). Не отвергая эти очевидные утверждения, мы намерены усложнить картину. Мы сфокусируемся на неоднозначности влияния самих цифровых технологий, которые во взаимодействии с людьми и их социальными отношениями порождают фундаментальную двойственность, или амбивалентность, одновременно давая начало прямо противоположным трендам (Kotelnikova, Radaev 2022; Варуфакис 2025).

Следует исходить из того, что многое зависит не от характера самих технологий, а от способов их применения людьми. В свою очередь, взаимодействие людей и технологий порождает весьма противоречивые эффекты. Вовлеченность в цифровые технологии связана с колоссальным расширением человеческого выбора и открытием новых потенциальных возможностей. В то же время работа машинных алгоритмов приводит, наоборот, к сужению фактического выбора и ограничению используемых возможностей. Так, предоставление почти неограниченного доступа к информации приводит к возникновению информационных пузырей и эхо-камер (Паризер 2012), т.е. к сосредоточению на наиболее приемлемой для пользователя информации и отсеке всего несоответствующего и неуютного. Технологии открывают новые миры и одновременно загоняют пользователей в угол, или, точнее, пользователи сами загоняют себя в угол при нарастающему подталкиванию со стороны машинных алгоритмов. Использование нейросетей значительно расширяет наши возможности, соблазняя нас при этом «когнитивной разгрузкой», т.е. попросту позволяя не думать в возрастающем количестве ситуаций (Finley 2025).

Кроме того, при чрезмерной интенсивности занятий, растущая вовлеченность способна оборачиваться зависимостью. Использование все более мощных и функциональных гаджетов и новейших цифровых сервисов позволяет человеку обрести дополнительные навыки и освоить новые практики, настолько привлекательные, что со временем они спо-

способны поменять жизненные приоритеты и в какой-то момент даже пойти в ущерб собственным интересам.

Зависимость от цифровых технологий — растущий глобальный тренд. По данным метаанализа около 500 специальных статей, посвященных ситуации в 64 странах, в 2021 г. установлено, что зависимости от смартфонов подвержено 27 % населения, а интернет-зависимости — 14 % с явной тенденцией к росту. По данным сходного метаанализа, до 2018 г. уровень интернет-зависимости был вдвое меньше (Meng et al. 2022).

Механику процесса трансформации вовлеченности в зависимость можно представить следующим образом. Цифровые платформы стремятся вовлечь (кооптировать) возрастающее количество поставщиков контента и разных сервисов, а затем все большее число пользователей (Старк, Паис 2021). Пользователям предоставляется расширяющееся число сервисов, причем на бесплатной основе, в обмен за возможность (также бесплатно) собирать их поведенческие данные, которые затем используются для улучшения работы сервисов и одновременно продаются другим коммерческим организациям (Зубофф 2022, 2025; Радаев 2023; Варуфакис 2025).

Задача цифровой платформы — не только вовлечь пользователей, но и по возможности замкнуть их на данную платформу. На основе собираемых поведенческих данных алгоритмы предлагают пользователю именно то, что он(а) желает получить, точнее то, что выбиралось ранее. Попутно тормозится использование альтернативных продуктов, и внедряется чувство безальтернативности, необходимости постоянно возвращаться на эту платформу. Разработчики также активно задействовали техники провоцирования зависимости, заимствованные из игровой индустрии (Burrell, Fourcade 2021). Эта натренированная потребность в постоянном возвращении в итоге превращает вовлеченность в зависимость, которая связана с чрезмерной вовлеченностью в определенные занятия и неспособностью контролировать время, уделяемое этим занятиям, вызывает негативные поведенческие, социопсихологические и физиологические последствия (Lacopi, Rodgers, Chabrol 2014). Зависимость, таким образом, выражается в трех элементах:

- неспособность отказаться от определенных практик;
- возникновение негативных психофизиологических состояний;
- замещение и вытеснение других практик.

Цифровая зависимость формируется постепенно и сходна с зависимостью от аддиктивных товаров (алкоголя, табачных изделий, психотропных веществ) или аддиктивных практик наподобие компульсивного потребления (шопоголизма) (Радаев 2025). Она сопряжена с перестройкой жизненных приоритетов и реформатированием габитуса (вымыванием

прежних диспозиций и привычных практик). Последствия такого состояния зависимости тоже двойственны: оно приносит временное удовольствие, которое сродни опьянению, и одновременно порождает фрустрации с чувством вины, сходные с похмельем. С течением времени зависимость может усиливаться и в какой-то момент перерасти в патологии (психические расстройства), т.е. из пристрастия превращаться в болезнь.

Для понимания механики формирования зависимости от цифровых технологий важно и то, что, в отличие от традиционных медиа (телевидение, радио, пресса), которые пытались нам что-то внушить в одностороннем порядке, столкнувшись с новыми медиа, мы попали на улицу с двухсторонним движением, и теперь сами усиливаем зависимость собственными же действиями. Впрочем, общих рассуждений о возрастающей зависимости от гаджетов и цифровых сервисов уже явно недостаточно¹. Применительно к российскому опыту недостает эмпирических подтверждений на основе достоверных данных. Именно такие подтверждения мы и планируем предоставить в этой работе вместе с данными о растущей вовлеченности пользователей.

Начнем с короткого изложения истории проникновения интернета и основных гаджетов в повседневную жизнь россиян, а затем на основе новых количественных данных рассмотрим нынешнее состояние дел через призму межпоколенческого анализа, сравнивая самое молодое взрослое поколение зумеров с несколькими предшествующими поколениями. С помощью такого анализа попытаемся выявить наиболее важные тренды и рассмотреть, как вовлеченность в цифровые технологии способствует нарастанию зависимости от этих технологий. В ряде случаев, где есть надежные сопоставимые данные, сравним российскую ситуацию с результатами зарубежных опросов.

В эмпирической части нами будут проверяться две логические связанные базовые гипотезы.

Гипотеза 1. По мере омоложения поколений возрастает вовлеченность населения в использование интернета и гаджетов.

Гипотеза 2. По мере омоложения поколений возрастает зависимость пользователей от интернета и гаджетов.

Первая гипотеза уже неоднократно тестировалась в предшествующих исследованиях (Варламова 2022; Радаев 2018; Радаев 2023; Стрельцова и др.

¹ Например, делаются заявления со ссылками на результаты международных тестов PISA (Programme for International Student Assessment), что в последнее десятилетие человечество глупеет, т.е. люди все хуже справляются с логическими задачами и сложнее концентрируются, причем в качестве основной причины называют именно цифровые технологии.

2025), а вторая пока привлекла меньшее внимание и не кажется столь очевидной, поскольку с ростом вовлеченности может происходить привыкание, и зависимость, даже если она и возникает, может не осознаваться пользователями.

Мы также хотим протестировать еще одну дополнительную гипотезу о возможной связи между интенсивной вовлеченностью в видеоигры и игровой зависимостью, с одной стороны, и зависимостями от алкоголя и курения — с другой. Здесь предлагаются как минимум три альтернативных эффекта:

- 1) одна зависимость сопровождается и, возможно, даже усиливает другую (comorbidity);
- 2) одна зависимость замещает и вытесняет другую (substitution);
- 3) избавление от одной зависимости способствует избавлению от другой зависимости (concurrent recovery) (Kim, McGrath, Hodgins 2023).

В первом случае (эффект коморбидности) число зависимостей увеличивается, во втором (эффект замещения) остается прежним, в третьем (эффект избавления) сокращается. В предшествующих исследованиях на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ фиксировалось, например, что для геймеров по сравнению с неиграющими более характерно курить и пить алкоголь (Рощина, Хазанович 2024). Мы проверим на новых данных значимость подобной связи не только для игровой зависимости, но и для других форм цифровой зависимости. Отсюда наша заключительная гипотеза.

Гипотеза 3. Интенсивная вовлеченность в цифровые технологии и зависимость от этих технологий сопровождаются зависимостями от алкоголя и курения.

Приведенные гипотезы будут тестироваться по отношению к каждому типу гаджетов, когда это позволяют имеющиеся количественные данные. Кроме эффекта поколения, здесь действуют эффекты периода и возраста, которые не так просто разделять (Fosse, Winship 2019; Radaev, Roshchina 2019). Эффект возраста может быть измерен во всех случаях, а оценка эффектов периода и поколения в чистом виде зачастую ограничена или невозможна, поскольку соответствующие вопросы задавались только в 2020-е годы.

Вопросы теории и истории

Специфика межпоколенческого анализа

Мы подойдем к теме распространения цифровых технологий с позиций межпоколенческого анализа, соглашаясь с американским психологом Джин Твенге в том, что «в первую очередь культурные изменения

затрагивают молодежь и только потом старшие поколения» (Твенге 2019: 31). При фиксации поколений мы следуем социологическому подходу и, в отличие от сугубо статистических методов, выделяем их не по формальным десятилетиям и не по годам рождения, а по общезначимым историческим периодам, когда происходило взросление их представителей (формативные годы). При таком подходе границы между поколениями производны от политико-экономических циклов и, следовательно, могут быть разной продолжительности. Мы понимаем условность подобной периодизации, и, в отличие от демографов, работающих с длинными волнами, мы изучаем более короткие волны, пытаясь при этом уловить тренды, не сводимые к текущим флуктуациям (Радаев 2018; 2023). Мы согласны с тем, что в последний период произошла явная актуализация поколений как аналитической категории, отчасти приходящей на смену классам и другим традиционным категориям социологии (Соколов 2019).

В данной работе мы будем сравнивать пять российских поколений. Немного упрощая, можно сказать, что самое старшее из них, застойное поколение, возросло в брежневскую застойную эпоху увядающего социализма. Реформенное поколение формировалось в турбулентные 1990-е годы с высоким уровнем экономической и политической нестабильности. Здесь появились компьютеры и мобильные телефоны, но они еще слишком дороги для большинства населения. Старшие миллениалы, напротив, возросли в 2000-е годы, наиболее благополучный и стабильный период (по крайней мере до 2008 г.), время широкого распространения компьютеров и мобильной связи. Младшие миллениалы начали взрослеть на рубеже 2010-х годов, в период, связанный с длительной экономической рецессией и массовым распространением новых цифровых технологий, смартфонов и социальных сетей. Наконец, зумеры вступили в период взросления на рубеже 2020-х годов, ознаменованных приходом пандемии, началом СВО, широким распространением мессенджеров и массовым распространением искусственного интеллекта. Годы рождения и взросления этих пяти поколений приведены в таблице 1.

Таблица 1

Годы рождения и взросления поколений

Поколения	Годы рождения	Годы взросления
Застойное поколение	1947–1967	1964–1984
Реформенное поколение	1968–1981	1985–1999
Старшие миллениалы	1982–1990	2000–2007
Младшие миллениалы	1991–2000	2008–2017
Поколение зумеров	2001 и позднее	2018 и позднее

С точки зрения периода взросления реформенное поколение — последнее советское, а старшие миллениалы — первое постсоветское поколение, в этом отношении между ними проходит важный водораздел. Отметим, что поколение миллениалов первоначально анализировалось нами как одно целое (Радаев 2018), но затем мы разделили его на две большие группы (Радаев 2020а; Радаев 2020б; Радаев 2023). Главная причина заключается не в чисто возрастных различиях, а в том, что в ходе взросления этого поколения внешние условия в России претерпели значительные изменения и взрослеющие младшие миллениалы во многом оказались в качественно иной среде.

Как гаджеты и цифровые сервисы проникали в жизнь россиян (фрагменты истории)

Проанализируем коротко, как происходили в России наиболее активные технологические изменения в цифровой области в той части, в которой они непосредственно влияют на повседневную жизнь населения. Речь пойдет о развитии инфраструктуры в части доступа в интернет и о распространении цифровых устройств (компьютеров, мобильных телефонов и смартфонов).

По множественным открытым историческим источникам и опросным данным мы собрали информацию о датах появления и распространения на российском рынке новых цифровых технологий и пользовательских сервисов, которые, на наш взгляд, могли в своей совокупности существенно влиять на характер развития разных поколений в их формативные годы. С некоторой степенью условности выделяем в истории их распространения четыре принципиальные точки — появление гаджета в доступе для российского населения и три последовательных уровня вовлеченности пользователей, измеряемых их долей в составе взрослого населения: — широкая вовлеченность — доля пользователей превысила 25 %; — массовая вовлеченность — доля пользователей превысила 50 %; — всеобщая вовлеченность — доля пользователей превысила 75 %.

Кроме этого, правомерно говорить о полной вовлеченности, когда доля пользователей достигла 100 %. В реальности до этого порога не добирался ни один из показателей, но может вплотную к нему приблизиться.

Начнем с распространения *персональных компьютеров*. Они появились у российских пользователей с 1985 г., а в начале 1990-х годов в Россию начали завозить зарубежные ноутбуки. Но компьютеры в первоначальный период стоили примерно 2–3 тыс. долл. — очень большая сумма для того времени, и в результате даже к 1998 г. компьютеры имелись лишь в 5 % домохозяйств (Стрельцова и др., 2025: 6). По нашим данным на основе

опросов РМЭЗ НИУ ВШЭ, широкая вовлеченность в использование компьютеров и ноутбуков с преодолением планки в 25 % началась с 2001 г., а первые планшетные компьютеры начали поставляться на российский рынок с осени 2002 г., в период взросления старших миллениалов. Массовой вовлеченности российские пользователи компьютеров достигли с 2011 г., в период взросления младших миллениалов, а порога всеобщей вовлеченности — в 2020 г., когда уже выросли зумеры. В целом компьютеры и другие гаджеты следует считать уникальной категорией продуктов — их производительность и функционал стремительно росли на фоне существенного снижения, а не роста розничных цен.

Теперь рассмотрим распространение *интернета*. Формально интернет в общей доступности населения в России появился в 1994 г., когда был зарегистрирован домен RU. Далее каждый год происходили какие-то важные события (см.: <https://habr.com/ru/articles/5395/>):

- 1994 — открылась первая российская онлайн-библиотека (Lib.ru);
- 1995 — появился первый отечественный игровой сайт (Games.CNews.Ru);
- 1996 — запущена поисковая система Rambler;
- 1997 — запущена поисковая система Yandex;
- 1998 — открылась бесплатная почтовая служба Mail.ru;
- 1999 — появилась круглосуточная новостная интернет-служба Lenta.ru;
- 2001 — запущена платформа для совместного производства контента Wikipedia, включая ее русскоязычный раздел.

В дальнейшем среди принципиальных технологических новаций, способствовавших распространению интернета, следует упомянуть беспроводной протокол обмена данными Wi-Fi, созданный еще в 1998 г., но получивший серьезное продвижение в 2009 г. с утверждением стандарта IEEE 802.11n, позволившего в несколько раз повысить скорость передачи данных по сравнению с прежними подобными устройствами. В том же 2009 г. в коммерческую эксплуатацию была запущена другая важная новация — первая в России сеть беспроводного быстрого интернета по технологии Mobile WiMAX (4G). В 2010 г. был введен кириллический домен .рф. В целом 2010-е годы стали также периодом развития оптоволоконных сетей и мобильного интернета.

Что же касается аудитории интернета, она выросла далеко не сразу. К 2000 г., по данным Фонда «Общественное мнение», им пользовались лишь 3–4 % россиян (почти половина из них — в Москве, большинство — мужчины). Широкая вовлеченность в использование интернета с преодолением 25%-ного порога по среднемесячной доле интернет-пользователей произошла позже — с 2007 г., когда началось взросление младших миллениалов, но затем ускорилось, и массовой вовлеченности (50%-ной отметки)

достигли уже в 2012 г., а всеобщей вовлеченности (75 % населения) — в 2019 г., когда началось взросление зумеров.

Добавим, что среди молодежи массовое освоение интернета произошло заметно раньше. Среднемесячная доля пользователей интернета среди 18–24-летних превысила порог массовой вовлеченности (50 %) уже летом 2006 г., а среди 25–34-летних этот рубеж был преодолен к концу 2008 г. Добавим, что доля тех, кто пользовался интернетом хотя бы один раз за последние сутки, среди всех пользователей интернета (не только среди молодых) превысила 50 % в том же 2008 г. Мы видим, что переломные события здесь произошли в период взросления младших миллениалов.

Посмотрим, как происходило распространение *мобильной связи*. Первый звонок по мобильному телефону в России был совершен в 1991 г., а услуга мобильной связи для населения была впервые предложена в 1994 г. В том же году была запущена первая GSM-сеть. Но в 1990-е годы, когда возросло реформенное поколение, эти услуги были слишком дороги. Первые мобильные телефоны стоили около 2500 долл., 1500 долл. нужно было заплатить в качестве первого взноса оператору и еще до 500 долл. могли взять за подключение к сети. Кроме того, средняя стоимость минуты составляла около 50 центов. А покупательная сила доллара в те годы была значительно выше, чем в настоящее время. И закономерно, что до дефолта 1998 г. мобильными телефонами пользовались в России менее 0,5 % граждан.

Основные события в данном сегменте связи произошли в период взросления старших миллениалов. Активное распространение мобильной телефонии началось с 1999 г., когда цена мобильных телефонов упала на порядок, цены на звонки были снижены более чем втрое и операторы начали отказываться от взимания платы за входящие вызовы. В 2000 г. была отменена необходимость получать специальное разрешение от Госсвязьнадзора на пользование мобильным телефоном, при отсутствии которого ранее могли оштрафовать на сумму от 15 до 70 минимальных зарплат. В начале 2000-х годов мобильные телефоны в нашей стране начали стремительно догонять по распространенности стационарные телефоны, хотя в 2002 г. проникновение мобильников оставалось еще на невысоком уровне (12 %). Но далее распространение приняло взрывной характер. И уже в 2003 г. начался период широкой вовлеченности в мобильную связь, преодолевшей порог 25 % населения, спустя год в 2004 г. она вышла на массовую, а к 2006 г. — на всеобщую вовлеченность, когда число активных SIM-карт превысило численность населения России (Рагинский 2010). К 2016 г. средняя стоимость минуты разговора упала почти до одного цента, что сделало российскую сотовую связь самой дешевой в Европе и одной из самых дешевых в мире.

Обратимся к тому, как происходило распространение **смартфонов** — устройств с сенсорным экраном, дополненных функциональностью карманного персонального компьютера. Первый подобный аппарат был выпущен в продажу в мире еще в 1994 г., а первый коммуникатор — карманный персональный компьютер с функциональностью мобильного телефона — в 1996 г. Однако сам термин «смартфон» появляется лишь в 2000 г., и бурное внедрение в жизнь нового типа гаджетов начинается позднее. Во многом оно было стимулировано выпуском в 2007 г. первого бесклавиатурного аппарата iPhone, который с 2008 г. начинает официально поставляться в Россию. Вдогонку в 2013 г. был выпущен первый российский смартфон Yotaphone.

В результате стремительного роста по уровню продаж смартфоны опередили обычные мобильные телефоны в России в рублях — в 2011 г. и в штуках — в 2014 г. Широкая вовлеченность в использование смартфонов, пришедших на смену мобильным телефонам, наблюдалась с 2014 г., когда еще выросли младшие миллениалы. Массовая вовлеченность наступила с 2017 г., а всеобщая — с 2021 г., в период взросления зумеров.

Параллельно, с 2007 г. российские пользователи также получили доступ к **мобильному интернету**, получившему широкое распространение с 2012 г., когда выросли младшие миллениалы, массовое распространение с 2015 г. и всеобщее распространение с 2021 г., когда уже выросли зумеры (табл. 2). Добавим, что в 2016 г. смартфоны впервые и окончательно вытеснили компьютеры как средство выхода в интернет (Стрельцова и др. 2025: 24–25)¹.

Наконец, еще один важнейший технологический прорыв был связан с появлением чат-ботов с генеративным **искусственным интеллектом** (ИИ). На пороге 2020-х годов глобальные технологические гиганты вступили в ожесточенную конкуренцию по развитию нейросетей и совершенствованию больших языковых и зрительно-языковых моделей. В их числе ChatGPT от компании OpenAI, Claude от Anthropic, Grok от xAI Илона Маска или китайский DeepSeek. За ними потянулись многие другие, включая отечественные GigaChat от «Сбера» и YandexGPT от «Яндекса». Их публичный запуск произошел совсем недавно — в период с конца 2022 г. по начало 2024 г., когда уже всюю выросли зумеры. В дело пошли серье-

¹ Среди других гаджетов, вовлеченность населения в которые возрастает, но пока не достигла широкого распространения, по данным Мониторинга ИСИЭЗ НИУ ВШЭ 2024 г., следует упомянуть умные часы, фитнес-браслеты (21 % домохозяйств), умные колонки с функцией виртуального помощника (15 %) и роботы-пылесосы (13 %) (Стрельцова и др. 2025: 26).

Таблица 2

**Пороговые годы распространения интернета и гаджетов
среди населения России**

	Уровни вовлеченности населения			
	Появление	Широкая, 25 %	Массовая, 50 %	Всеобщая, 75 %
Компьютеры	1985	2001	2011	2020
Мобильная связь	1994	2003	2004	2006
Интернет	1994	2007	2012	2019
Смартфоны	2007	2014	2017	2021
Мобильный интернет	2007	2012	2015	2021

Источник: РМЭЗ НИУ ВШЭ, ФОМ, ВЦИОМ, НАФИ, We Are Social.

ные инвестиции, и ясно, что предоставляемые нейросетями возможности будут быстро расширяться, а новые инструменты становиться все более доступными.

Методология исследования

Охарактеризуем методологию нашего эмпирического исследования, включая основные источники данных, ключевые переменные и используемые аналитические методы.

Источники данных

В качестве основного источника информации мы используем данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ). Мониторинг представляет собой серию ежегодных общенациональных репрезентативных опросов индивидов и домашних хозяйств, проводимых на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки. РМЭЗ организуется НИУ ВШЭ и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилл и Института социологии РАН¹. Мы используем результаты опросов индивидов. Полный массив за 1994–2023 гг. включает 343 355 респондентов 18 лет и старше (42 % мужчин и 58 % женщин). Вопросы о гаджетах и цифровых сервисах задавались в РМЭЗ НИУ ВШЭ не с самого начала, но с 2000 г. (персональные компьютеры), с 2003 г. (интернет) и с 2012 г. (социальные сети), а в других случаях динамические ряды еще короче.

¹ Сайты обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rfms> и <http://www.hse.ru/rfms>.

Кроме опросных данных, там, где это возможно, мы приводим релевантные данные Росстата, рассматривая их как важное дополнение. В качестве других дополнительных источников данных по отдельным темам используются материалы Мониторинга цифровой трансформации экономики и общества ИСИЭЗ НИУ ВШЭ за 2022 и 2024 гг. (опрашивалось примерно по 10 тыс. респондентов в возрасте 14 лет и старше), а также данные предшествующих исследований опросных центров ФОМ, ВЦИОМ и НАФИ. Из зарубежных источников для сравнения привлекаются данные американского исследовательского центра Pew Research Center, который в том числе проводит активные межпоколенческие исследования, используя классификацию поколений, близкую по годам к нашей классификации. Мы не можем назвать подобное использование источников триангуляцией в полном смысле слова, скорее речь идет о дополнительной и иллюстративной информации к нашим опросным данным.

Методы анализа

Начнем с операционализации основных понятий. Уровень **вовлеченности** населения в цифровые технологии определяется как комплексное понятие, включающее наличие доступа и фактическое использование этих технологий, частоту (интенсивность) этого использования, освоенные навыки и применяемые практики, характеризующие продвинутость пользователя. Сразу оговорим, что при характеристике вовлеченности мы в основном концентрируемся на самих фактах и частоте использования гаджетов и цифровых сервисов, почти не затрагивая такие важные элементы вовлеченности, как освоенные цифровые навыки и применяемые практики, по которым у нас отсутствуют данные, за исключением пары случаев, связанных с использованием интернета.

Исходный показатель вовлеченности измеряется нами по доле респондентов, пользовавшихся этими технологиями за последние 12 месяцев. Этот показатель применяется для оценки вовлеченности в интернет, использование персональных компьютеров, мобильных телефонов и смартфонов. При анализе частоты использования устройств и сервисов мы применяем показатель **интенсивной вовлеченности**, которая на операциональном уровне определяется как смотрение на экраны электронных устройств практически весь день.

В литературе активно задействуется понятие **чрезмерного использования**, которое часто отождествляется с зависимостью (Солдатова, Рассказова 2013). В какой мере ежедневное использование гаджетов и сервисов является чрезмерным — дискуссионный вопрос, ибо для одной

группы оно может считаться чрезмерным, а для другой уже стало неотъемлемой частью стиля жизни. И когда именно вовлеченность становится чрезмерной, однозначно определить непросто. В любом случае интенсивная вовлеченность рассматривается нами в качестве переходной ступени к состоянию зависимости, которое предусматривает, кроме увеличения времени использования сверх определенного конвенционального порога, появление определенных негативных последствий для благополучия человека. В данной работе уровень *зависимости* измеряется на основе специальных вопросов с субъективными оценками негативных последствий использования гаджетов и цифровых сервисов. Применительно к использованию гаджетов они включают:

- расходование слишком большого количества времени;
- постоянную проверку сообщений в смартфоне;
- неспособность сосредоточиться на работе, учебе или других делах;
- ощущение, что часто нечем заняться без гаджетов;
- усталость, головную боль или напряжение в глазах вечером.

В предшествующих исследованиях использовалось без малого полсотни разных измерителей интернет-зависимости, в том числе десятков относительно распространенных методологий — тест интернет-зависимости Кимберли Янг (The Internet Addiction Test — IAT), Шкала компulsive использования интернета (The Compulsive Internet Use Scale — CIUS), Вопросник для диагностирования интернет-зависимости (The Internet Addiction Diagnostic Questionnaire — IADQ) и др. Как правило, применяется Шкала Ликерта с использованием от 12 до 29 задаваемых психометрических позиций (Laconi, Rodgers, Chabrol 2014). Мы ограничиваемся лишь отдельными характеристиками зависимости от цифровых технологий, которые позволяют отразить имеющиеся у нас количественные данные. Но заметим, что полдюжины наших вопросов прямо пересекаются с позициями теста интернет-зависимости Кимберли Янг.

При *межпоколенческом анализе* мы привлекаем данные по пяти поколениям, начиная с поколения застоя, и не берем представителей самых пожилых поколений в возрасте 80 лет и старше. При этом при выявлении эффекта поколений имеются серьезные ограничения. Поскольку наш основной источник информации (РМЭЗ НИУ ВШЭ) содержит опросные данные только за последние 30 лет (с 1994 г.), а многие вопросы о гаджетах и цифровых сервисах задавались лишь в 2020-е годы, во многих случаях у нас нет возможности элиминировать прямое влияние возраста, используя ретроспективный анализ (Радаев 2023), т.е. мы не сможем сравнить все ныне живущие поколения в период их взросления — старшие

неизбежно выпадают, а иногда ретроспективный анализ и вовсе становится невозможен. Поэтому в большинстве случаев мы используем данные 2023 г., и на межпоколенческих различиях неизбежно сказывается эффект возраста.

В тех немногочисленных случаях, когда мы все же имеем относительно длинные временные ряды (пользование интернетом, компьютером, социальными сетями), в каждой волне РМЭЗ НИУ ВШЭ мы берем только респондентов в возрасте 20 лет на момент опроса, делим их по поколенческим группам и сравниваем между собой. Представители разных поколений оказываются одногодками, но испытавшими при этом эффекты разных исторических периодов в самый разгар своих формативных лет, когда происходит взросление каждого поколения. В этих случаях основным показателем для межпоколенческого анализа является доля респондентов в каждом поколении, у которых к двадцатилетнему возрасту наступило соответствующее событие. Годы проведения опросов РМЭЗ НИУ ВШЭ, в которые попали двадцатилетние респонденты из разных поколений, следующие:

- реформенное поколение — 1994–2002;
- старшие миллениалы — 2002–2011;
- младшие миллениалы — 2010–2020;
- поколение зумеров — 2020–2023.

Для проверки устойчивости межпоколенческих различий, кроме непараметрических парных корреляций, мы использовали **логистический регрессионный анализ** с наличием вовлеченности или зависимости в качестве зависимых бинарных переменных. А в качестве основной независимой переменной использовалась категориальная переменная из выделенных пяти поколений. В тех случаях, когда в нашем распоряжении есть временные ряды от 12 до 24 опросных волн, мы вставляли переменную периода в годы. Кроме того, в регрессии включался набор стандартных независимых переменных, в том числе

- гендер — женщины (58 %) или мужчины (42 %);
- семейный статус — «Состоите в зарегистрированном браке» (53 %) или «Живете вместе, но не зарегистрированы» (11 %);
- получение высшего профессионального образования — «Вы учились или учитесь в институте, университете, академии — 30%;
- занятость — «Вы сейчас работаете» (не включая разные виды отпусков) — 55%;
- уровень индивидуального дохода — «Сколько всего денег за 30 дней вы лично получили, считая все источники») (натуральный логарифм);

— место проживания — городские поселения (75 %) или сельские поселения (25 %)¹.

Проверка мультиколлинеарности независимых переменных проведена с помощью коэффициента инфляции дисперсии (VIF), значение которого во всех случаях не превысило 2. Данные переменные использовались преимущественно как контрольные, для того чтобы определить, насколько устойчиво влияние межпоколенческих различий. Но есть одно важное исключение. Ввиду особой значимости гендерных различий и предполагаемого существования гендерного неравенства в использовании гаджетов и цифровых сервисов (Воронина 2023), основные результаты приводятся отдельно для женщин и мужчин. Регрессионные коэффициенты представлены в таблицах 1П–2П в Приложении.

Эмпирические результаты: пользование интернетом

Изложение эмпирических результатов мы начнем с доступа в интернет и некоторых практик его более продвинутого использования, а затем перейдем к анализу распространения электронных устройств (гаджетов) — персональных компьютеров, мобильных телефонов и смартфонов.

У молодых поколений пользование интернетом достигло полного покрытия

Важнейшим показателем инфраструктурного развития выступает наличие **доступа в интернет** и качество этого доступа. Если начать с данных Росстата, то доля российских домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, устойчиво росла в 2010–2024 гг. с 48 % до 90 %. При этом доля домохозяйств, имеющих **широкополосный доступ** к сети Интернет в 2013 г. отставала на 12 п/п, но затем, по мере распространения широкополосного интернета, разрыв сокращался и фактически исчез к 2022 г. Что же касается доли пользователей сети Интернет в российском населении, то в 2013 г. она составляла почти две трети (64 %), в 2018 г. впервые превысила долю домохозяйств с доступом в интернет и к 2024 г. достигла почти полного покрытия (94 %) (рис. 1).

Опросные российские данные показывают более умеренные результаты. По нашим данным на основе РМЭЗ НИУ ВШЭ, доля респондентов, пользовавшихся интернетом в последние 12 месяцев, выросла в 2003–2023 гг. с 38 % до 80 %². При сравнении поколений с годами, по мере пере-

¹ Проценты приводятся для выборки 2000–2023 гг. (208 692 респондентов в возрасте 18 лет и старше).

² По данным Фонда «Общественное мнение», за период 2003–2023 гг. этот рост был более значительным — с 12 % до 88 %. В том же 2023 г. мировая аудитория

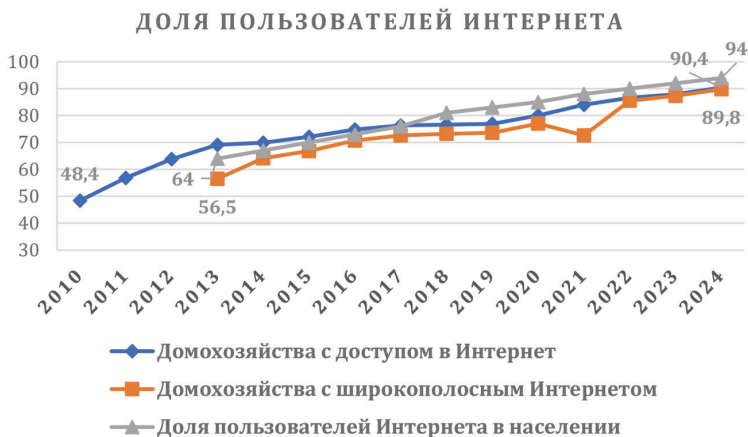

Рис. 1. Доля российских домохозяйств с доступом в обычный и широкополосный интернет и доля пользователей интернета в российском населении в 2010–2024 г.

Источник: Росстат.

хода в России к всеобщей вовлеченности в пользование интернетом, межпоколенческие различия уменьшались¹, но все же полностью не исчезли. По данным 2023 г. наблюдается резкий скачок доли пользователей от пожилого застойного поколения к реформенному поколению с 66 % до 94 % у женщин и с 57 % до 89 % у мужчин. Это означает, что последнее советское поколение (реформенное), несмотря на зрелый возраст, успело в полной мере включиться в пользование интернетом. У старших миллениалов эта доля переваливает уже за 95 %, а у зумеров она выходит на предельные 99 % (рис. 2). Гендерные различия в данном случае можно считать несущественными.

интернета достигла двух третей населения (67 %), так что Россия опережала мировые показатели. И по низкой стоимости интернета Россия заняла 11-е место из 194 стран (Стрельцова и др. 2025: 17). По данным Pew Research Center, в США доля взрослых пользователей интернета в 2000–2024 гг. выросла с 52 % до 96 % (в том числе домашнего широкополосного интернета с 0 % до 79 %) (Sidoti, Dawson 2024). Пользуются интернетом почти постоянно — 41 %, а в молодом возрасте (18–29 лет) — 62 % (Gelles-Watnick 2024). Это означает, что общий уровень проникновения интернета в США был выше, чем в России, а уровень качественного широкополосного интернета ниже.

¹ Аналогичные процессы наблюдались в США, где в 2020-е годы межпоколенческие различия свелись к минимуму (Sidoti, Dawson 2024).

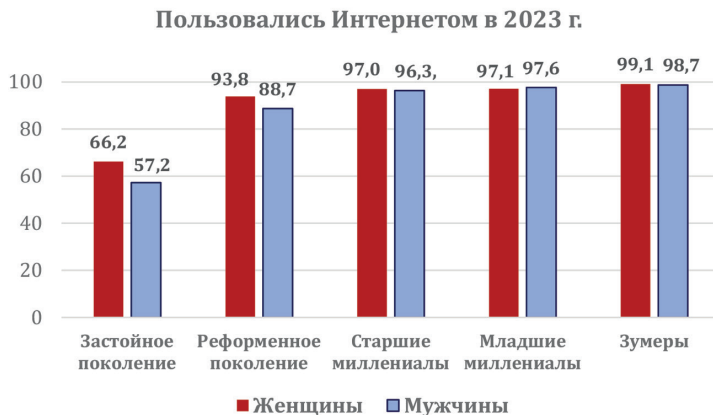

Рис. 2. Доля женщин и мужчин, пользовавшихся интернетом в последние 12 месяцев, по поколениям в 2023 г. (%), $n = 13323$

Источник: РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Поскольку вопрос задавался с 2003 г., у нас появляется возможность сравнить двадцатилетних респондентов из трех разных поколений. И картина меняется: наблюдается явный скачок в использовании интернета при переходе от старших к младшим миллениалам — с 66 % до 95 % у женщин и с 72 % до 94 % у мужчин. У старших миллениалов доля пользователей интернета в двадцатилетнем возрасте была еще относительно невелика, не превышая двух третей, оставшаяся треть приобщилась позднее. А у младших миллениалов и тем более у зумеров уже к 20 годам эта доля вплотную приблизилась к стопроцентному покрытию. Добавим, что в старших миллениалах женщины чуть отставали от мужчин по доле пользователей, но затем показатели быстро сравнялись (рис. 3).

С омоложением поколений удлиняется и *время нахождения в интернете*. По данным компании Mediascope, в начале 2025 г. среднее время, проведенное в интернете россиянами в возрасте 12 лет и старше, составляло 4,33 часа, в то же время у зумеров (18–24 года) — 6,25 часа, у младших миллениалов (25–34 года) — 5,42 часа, у старших миллениалов (35–44 года) — 5,06 часа, а в старших поколениях наблюдалось относительно резкое снижение. Мы видим, что каждое поколение прибавляет в среднем около 40 минут в день¹.

¹ См.: <https://mediascope.net/library/presentations/>.

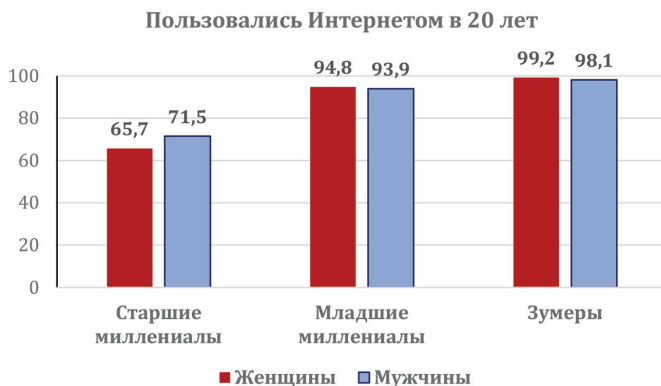

Рис. 3. Доля женщин и мужчин в возрасте 20 лет, пользовавшихся интернетом в последние 12 месяцев, по поколениям (%), n = 3957

Источник: РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Появляются цифровые риски и интернет-зависимость

Вместе с расширением возможностей у пользователей неизбежно возникли новые цифровые риски (Sundberg 2023), которые закономерно привлекают возрастающее внимание исследователей во всем мире. Так, число статей, посвященных рискам цифровизации, в рецензируемых журналах Scopus в 2010–2023 гг. выросло почти в 14 раз, ускорившись с началом пандемии в 2020 г. В них выделяется более десятка подобных рисков (Щербаков 2025).

В России, по данным Мониторинга цифровой трансформации экономики и общества ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, в 2024 г. более 75 % российских интернет-пользователей отмечали какие-либо выгоды от использования онлайн-ресурсов. В качестве главного преимущества 59 % опрошенных заявили, что благодаря соцсетям и мессенджерам им стало проще общаться с родственниками и друзьями (Стрельцова и др. 2025: 154, 161). В то же время треть российских пользователей в возрасте 14 лет и старше испытывали на себе какие-то негативные последствия использования интернета. Каждый третий интернет-пользователь (33 %) сталкивался с различными ***угрозами кибербезопасности***, в том числе, каждый пятый (21 %) получал по разным каналам мошеннические письма, и каждый второй встречал в Сети явно сомнительную информацию (Стрельцова и др. 2025: 132, 135, 137).

У наиболее вовлеченных пользователей может также формироваться ***интернет-зависимость***, приводящая к ухудшению самочувствия, повы-

шению уровня стресса и тревожности (Yellowlees, Marks 2007). По данным Мониторинга ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, такая зависимость чаще всего проявляется в привычке постоянно проверять приходящие уведомления (27 % интернет-пользователей) и в использовании интернета дольше, чем планировали (19 %). В целом те или иные признаки интернет-зависимости фиксировались почти для половины опрошенных россиян (49 %), в том числе тяжелой зависимости — для 3 %. Причем более выраженные формы интернет-зависимости вновь характерны для самых молодых пользователей.

Помимо исследуемой в данной работе зависимости от гаджетов, социальных сетей и видеоигр, интернет-зависимость находит другие многообразные проявления. Приведем несколько актуальных примеров. В качестве первого примера выступает так называемый **думскроллинг** (doomscrolling) — навязчивое чтение новостной ленты с упором на негативные события (Казун 2024). Рассчитанный нами в 2024 г. по другим опросным данным индекс думскроллинга значимо зависит от возраста, но его значение возрастает в более старших поколениях (Радаев 2025).

Другим примером «залипания» экранов является **бинджвотчинг** (binge watching) — запойный просмотр телесериалов (более двух серий подряд). Он возник еще в телевизионную эпоху, но с появлением онлайн-кинотеатров на стриминговых платформах получил серьезное развитие, особенно среди молодых поколений, и нередко провоцирует стрессовые состояния (Loeber et al. 2020; Starosta, Izydorczyk 2020)¹.

Еще одним продуктом интернет-зависимости становится **фаббинг** — игнорирование собеседника при личном общении в результате постоянного отвлечения на смартфон (Максименко и др. 2021), приводящего помимо прочего к снижению качества общения и возможным конфликтам между представителями младших и старших поколений (Ball et al. 2019).

Наконец, в ряду проявлений интернет-зависимости следует упомянуть **компульсивный онлайн-шопинг** — повторяющееся, слабо контролируемое стремление к приобретению товаров или услуг онлайн. Компульсивное потребление, разумеется, существовало и в доцифровую эпоху. Но цифровые технологии сильно упростили процесс покупки, позволяя приобретать блага в один клик. Легче стал доступ к товарам и услугам, расширился их выбор, повысилась привлекательность презентуемых вещей с улучшением качества фотографий, видео и приложений в целом.

¹ Пионером стриминга в 2007 г. стала компания Netflix, работавшая в России в 2016–2022 гг. Большинство основных российских стриминговых сервисов (Кинопоиск, Wink, Premier) были запущены в 2018 г.

В результате, по нашим данным 2024 г., переход к покупкам онлайн более чем в два раза повышал вероятность вовлечения в компульсивное потребление и, более того, оказывается наиболее влиятельным фактором такого вовлечения. Добавим, что чем моложе группа по возрасту, тем выше ее вовлеченность в компульсивное потребление, при переходе от самой старшей к самой молодой возрастной группе доля вовлеченных удваивалась (Радаев 2025).

Многие пользователи пытаются бороться с растущей интернет-зависимостью, в том числе через временный отказ от использования цифровых устройств, который называют практикой цифрового детокса. В 2024 г. подобные меры использовал 41 % опрошенных российских интернет-пользователей (убирали девайсы из поля зрения, отключали на них уведомления и пр.). При этом если в старших возрастах к цифровому детоксу пытался прибегать каждый третий пользователь, то в младших возрастах — почти каждый второй (Стрельцова и др. 2025: 145–149).

Эмпирические результаты: использование гаджетов

Абсолютное большинство молодых людей пользуются компьютерами

Анализируя вовлеченность в использование персональных компьютеров, вновь начнем с данных Росстата: доля российских домохозяйств, имеющих персональный компьютер, в 2010 г. чуть превышала половину (55 %), затем к середине 2010-х годов эта доля выросла до 72–74 % и стабилизировалась на этом уровне до 2024 г., немного не добравшись до всеобщей вовлеченности домашних хозяйств (рис. 4).

От статистики домохозяйств перейдем к нашим опросным данным по индивидуальным пользователям. В РМЭЗ НИУ ВШЭ с 2000 г. (с пропусками в отдельные годы) задавался вопрос: *Приходилось ли Вам в течение последних 12 месяцев пользоваться персональным компьютером (стационарным или ноутбуком) в любых целях?* Полученные данные позволяют увидеть, что лишь к началу 2000-х годов (время взросления старших миллениалов) была достигнута широкая вовлеченность в использование компьютеров — доля пользователей в 2001 г. превысила 25 % респондентов в возрасте 18 лет и старше. Далее показатель непрерывно возрастал, и к 2010-м годам (времени взросления младших миллениалов) компьютеры приобрели массовое распространение — в 2011 г. доля пользователей превысила 50 % опрошенных. Наконец, на рубеже 2020-х годов к периоду взросления зумеров общая доля пользователей компьютеров по всей выборке превысила 60 % и притормозила на этом

Рис. 4. Доля российских домохозяйств, имеющих персональный компьютер, в 2010–2024 гг. (%)

Источник: Росстат.

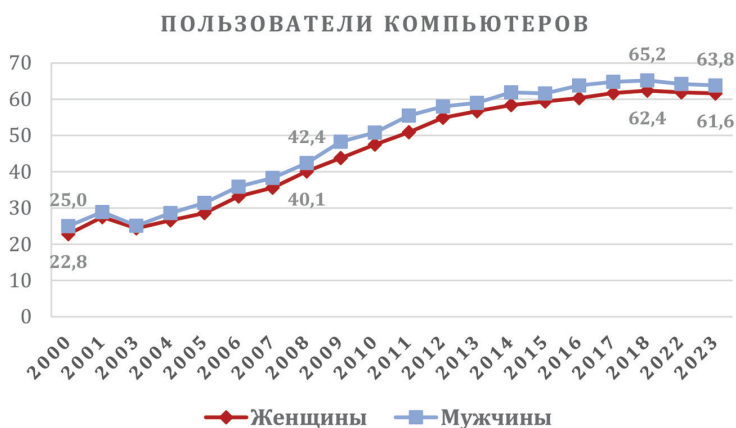

Рис. 5. Доля женщин и мужчин (18+), пользовавшихся компьютером (стационарным или ноутбуком) в любых целях в последние 12 месяцев, в 2000–2023 гг. (%), n = 259 513

Источник: РМЭЗ НИУ ВШЭ.

уровне. Добавим, что на протяжении всего периода мужчины опережали женщин по доле пользователей, но превышение было незначительным, оставаясь в пределах 2–3 % (рис. 5).

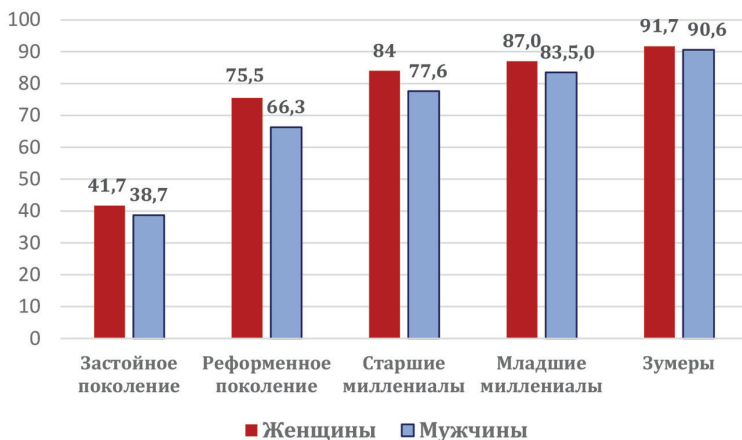

Рис. 6. Доля женщин и мужчин, пользовавшихся компьютером (стационарным или ноутбуком) в любых целях в последние 12 месяцев, по поколениям в 2023 г. (%), $n = 13\ 330$

Источник: РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Далее, сопоставим доли пользователей компьютеров по поколениям в 2023 г. Выяснилось, что наиболее значительный межпоколенческий рывок с 41 % до 72 % произошел не у миллениалов, а раньше, при сравнении застойного и реформенного поколений, демонстрируя, что представители этого последнего советского поколения вполне успешно освоили компьютерную технику в массовом масштабе. У более молодых поколений настал черед всеобщей вовлеченности, а рост хотя и устойчиво продолжался, но все же замедлился — доля пользователей выросла до 81 % и 85 % у старших и младших миллениалов и до 91 % у зумеров (рис. 6).

Попутно оказалось, что мужчины опережали женщин по доле пользователей компьютеров только за счет самых пожилых поколений, а в поколениях, которые мы рассматриваем, вперед вырвались женщины, и наконец, в поколении зумеров гендерные различия фактически сошли на нет.

Имеющиеся данные с 2000 г. позволяют нам элиминировать различия возраста и сравнить по крайней мере четыре поколения пользователей компьютеров в одном *двадцатилетнем возрасте*. В реформенном поколении компьютерная техника достигла массового распространения, и ее использовали уже две трети двадцатилетних респондентов (65 %). У старших миллениалов в двадцатилетнем возрасте использование компьютеров достигло всеобщей вовлеченности (74 %), а у старших миллениалов — 91 %. Что касается зумеров, то у них эта доля уже не выросла за счет

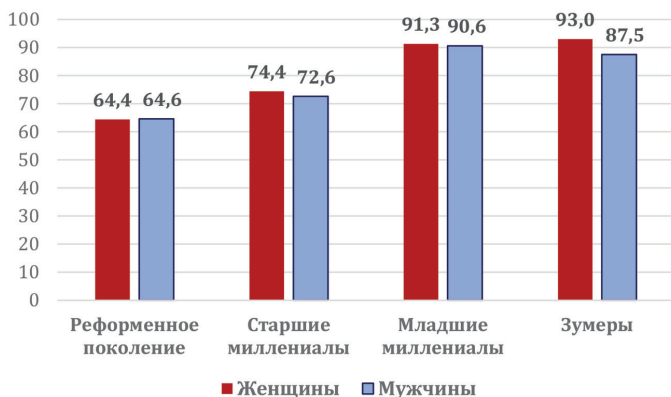

Рис. 7. Доля женщин и мужчин в возрасте 20 лет, пользовавшихся компьютером (стационарным или ноутбуком) в любых целях в последние 12 месяцев, по поколениям (%), $n = 4358$

Источник: РМЭЗ НИУ ВШЭ.

небольшого снижения у мужчин. До этого гендерных различий фактически не наблюдалось (рис. 7).

Завершается замещение мобильных телефонов смартфонами

Перейдем к анализу распространения других гаджетов — мобильных телефонов и смартфонов. В 2019–2023 гг. в РМЭЗ НИУ ВШЭ задавались два однотипных вопроса: *Приходилось ли вам в течение последних 12 месяцев:*

- пользоваться мобильным сотовым телефоном (только звонить и отправлять смски)?
- пользоваться в любых целях смартфоном, коммуникатором, iPhone (ай-фоном)?

Полученные данные позволяют проследить, как происходило постепенное замещение мобильных телефонов более современными смартфонами: за данный период доля пользователей мобильных телефонов упала с 40 % до 25 %, а доля пользователей смартфонов, наоборот, поднялась с 62 % до 80 % (рис. 8). При этом тем или другим гаджетом в течение всего периода 2019–2023 гг. пользовались 96–97 % взрослых респондентов, общая доля оставалась прежней, менялся только тип используемых гаджетов¹.

¹ По данным Росстата, доля российского населения, использовавшего мобильный телефон или смартфон, в 2018–2024 гг. поднялась с 94 % до 99 %.

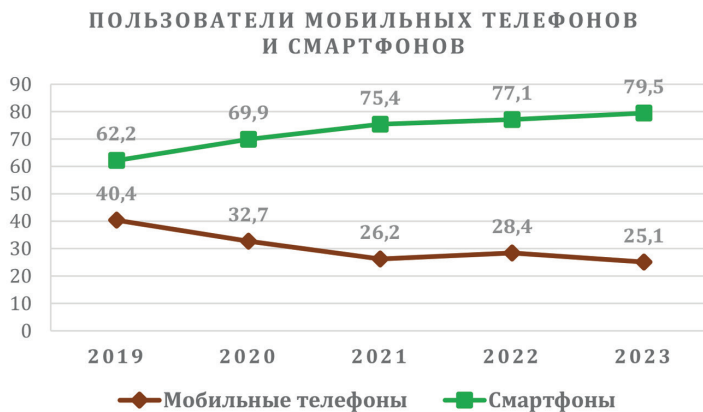

Рис. 8. Доля пользователей мобильных телефонов и смартфонов в последние 12 месяцев в 2019–2023 гг. (%), n = 69 359

Источник: РМЭЗ НИУ ВШЭ.

В молодых поколениях процесс замещения гаджетов шел намного быстрее. По данным 2023 г., наиболее серьезный рывок произошел в реформенном поколении по сравнению с застойным поколением, когда доля пользователей мобильных телефонов упала с 38 % до 17 %, а доля смартфонов выросла с 64 % до 90 %. В трех младших поколениях доля пользователей мобильных телефонов снизилась до 10 %, а доля смартфонов поднялась до 96–97 % (рис. 9)¹.

Тем самым различия возраста перестали работать, но не исключается поколенческий эффект. Временной ряд здесь, к сожалению, ограничен, но мы обнаружили, что при сравнении двадцатилетних респондентов доля пользователей смартфонов у зумеров по сравнению с младшими миллениалами выросла у женщин с 92 % до 98 % и у мужчин с 90 % до 95 %.

С гендерной точки зрения в старших поколениях женщины опережали мужчин по доле пользователей смартфонов на 4–5 п/п, но начиная со старших миллениалов эти различия фактически исчезли (рис. 10).

Зависимость от гаджетов в молодых поколениях возрастает

Теперь обратимся к интенсивности вовлечения и последствиям растущего использования гаджетов, начав с **экранного времени**. В РМЭЗ НИУ ВШЭ задавался вопрос: *Сколько времени в течение дня вы обычно*

¹ Эти цифры почти точно совпадают с американскими данными 2024 г. по владению смартфонами в разных поколениях (Gelles-Watnick 2024).

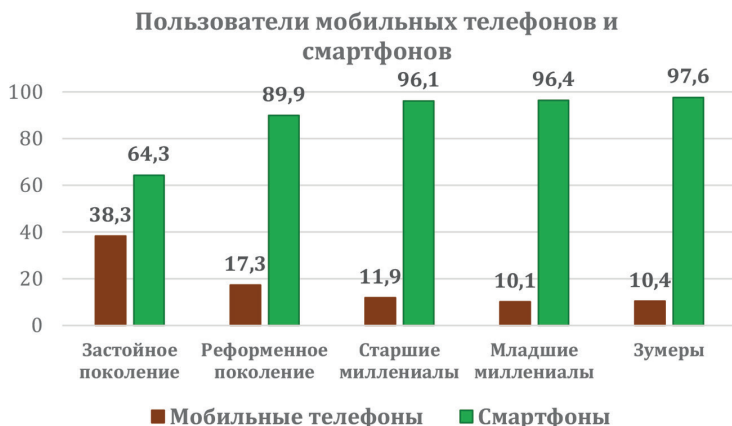

Рис. 9. Доля пользователей мобильных телефонов и смартфонов в последние 12 месяцев в 2023 г., по поколениям (%), n = 13 332

Источник: РМЭЗ НИУ ВШЭ.

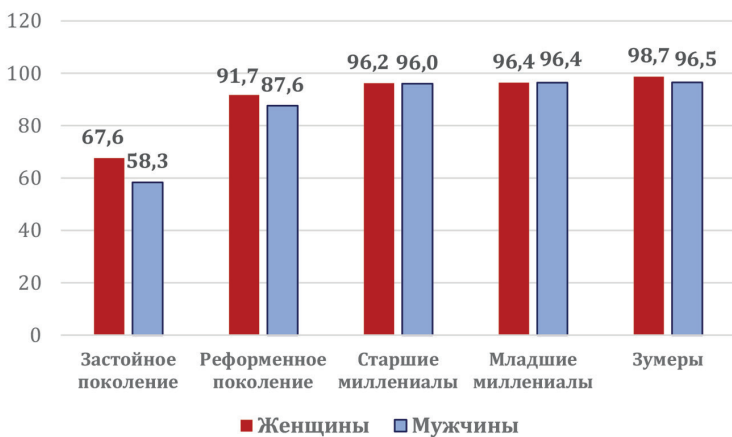

Рис. 10. Доля женщин и мужчин, пользовавшихся в любых целях, смартфоном, коммуникатором, iPhone (айфоном) в последние 12 месяцев, по поколениям в 2023 г. (%), n = 13 330

Источник: РМЭЗ НИУ ВШЭ.

смотрите на экраны всех электронных устройств: смартфона, планшета, компьютера, не включая телевизор? Для выявления максимальной фактической вовлеченности и потенциальной зависимости от гаджетов мы выделили тех, кто, по их собственным заявлениям, смотрит на экраны

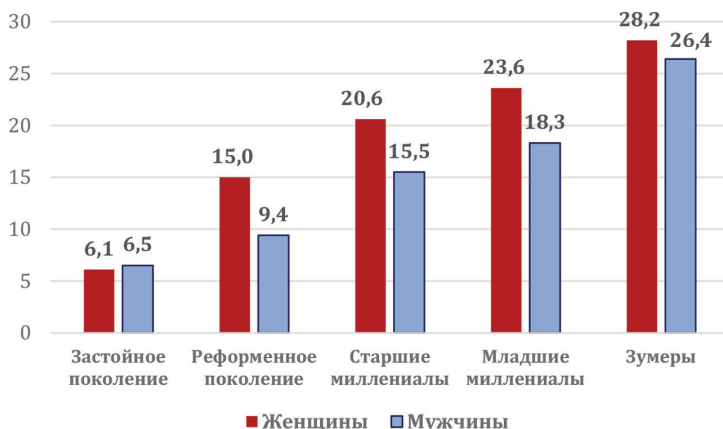

Рис. 11. Доля женщин и мужчин, которые обычно смотрят на экраны всех электронных устройств, исключая телевизор, практически весь день, по поколениям в 2023 г. (%), $n = 10\,718$

Источник: РМЭЗ НИУ ВШЭ.

«практически весь день». По данным 2023 г., доля таких пользователей круто возростала по мере омоложения поколений от 6 % у представителей застойного поколения до 27 % у зумеров. Таким образом, у зумеров практически весь день на экраны смотрит более чем каждый четвертый, т.е. подобная ситуация стала широко распространенной. Можно также заключить, что доля чрезмерно вовлеченных в гаджеты росла быстрее доли всех вовлеченных в их использование. Добавим, что у женщин с реформенного поколения до младших миллениалов подобная зависимость встречалась чаще на 5 п/п, чем у мужчин, но у зумеров гендерные различия вновь сошли к минимуму (рис. 11).

Рассмотрим последствия столь долгого смотрения на экраны, чтобы понять, действительно ли здесь возникают зависимости или иные негативные проявления. И первый заданный вопрос по этой теме был посвящен субъективной оценке времени, уделяемого гаджетам: *Вы согласны или не согласны с утверждением, что проводите слишком много времени, пользуясь электронными устройствами?* Оказалось, что **злоупотребление временем** пользования гаджетами, по данным 2023 г., составило по всей выборке 18 % у женщин и 14 % у мужчин. И мы видим устойчивый рост этой доли по мере омоложения поколений: с застойного поколения до зумеров у женщин доля злоупотребляющих гаджетами вырастает с 10 % до 27 %, а у мужчин — с 7 % до 26 %. Заметим, что и в данном случае

Рис. 12. Доля женщин и мужчин, проводящих слишком много времени с электронными устройствами, по поколениям, в 2023 г. (%), $n = 10\ 841$

Источник: РМЭЗ НИУ ВШЭ.

женщины жалуются на проблему излишне потраченного времени чаще мужчин в пределах 7–8 п/п, а у зумеров различия вновь исчезают. Но в целом проблема злоупотребления гаджетами, по оценкам самих респондентов, в молодых поколениях возрастает (рис. 12).

Рассмотрим еще одно проявление привязанности к гаджетам и зависимости от их использования с помощью вопроса о **постоянной проверке сообщений**: *Вы согласны или не согласны утверждением, что все время проверяете наличие сообщений в смартфоне, планшете?* По сравнению со злоупотреблением временем здесь цифры сильно вырастают: в 2023 г. по всей выборке — до 33 % у женщин и 28 % у мужчин. И вновь мы наблюдаем устойчивый рост зависимости с каждым более молодым поколением (с 24 % до 45 %), характерный и для женщин, и для мужчин.

При таком измерении зависимости вновь на передний план выходят женщины, опережающие мужчин в каждом поколении в пределах 6–7 п/п, за исключением зумеров, у которых это различие выросло до 10 п/п. Обратим также внимание на заметный скачок зависимости среди женщин именно в поколении зумеров, когда доля постоянно проверяющих сообщения выросла сразу с 39 % до 49 %. В целом зависимость от электронной коммуникации в молодых поколениях явно возрастает и уже вплотную приблизилась к 50-процентной отметке, что следует признать весьма значительным показателем (рис. 13).

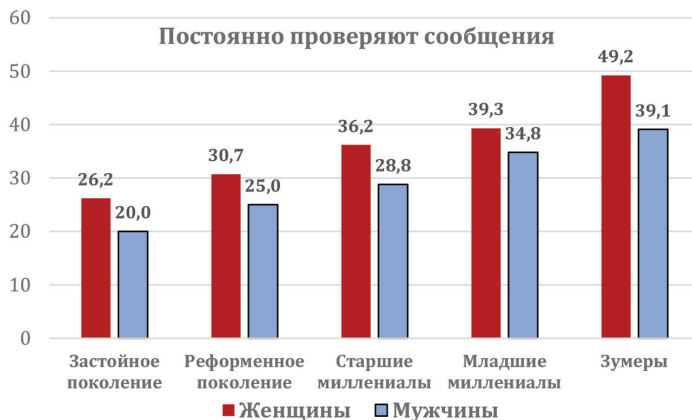

Рис. 13. Доля женщин и мужчин, все время проверяющие сообщения в смартфоне, планшете, по поколениям, в 2023 г. (%), n = 10 841

Источник: РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Третий вопрос про **расфокусированность** пользователей задавался следующим образом: *Вы часто не можете сосредоточиться на работе, учебе или других делах, ибо отвлекаетесь на пользование электронными устройствами?* Жалующихся на подобную расфокусированность относительно немного: 6 % у женщин и 5 % у мужчин. Но межпоколенческие различия имеются — доля неспособных сосредоточиться возрастает с 4 % в застойном поколении до 9 % у зумеров, причем именно у зумеров наблюдается основной скачок с 5 % до 9 % (рис. 14). В целом можно сделать вывод, что представители молодых поколений отвлекаются на электронные устройства чаще, чем их предшественники, но данная проблема пока большинством пользователей не осознается как острая.

Осталось сказать, что женщины жаловались, что чрезмерно отвлекаются на гаджеты, чаще мужчин с разницей в пределах 3–4 п/п (основной скачок у них состоялся в реформенном поколении), но у зумеров гендерные различия и здесь фактически исчезли.

Привязанность к гаджетам дополнительно измерялась с помощью следующего вопроса: *Без смартфона, планшета и других устройств Вам часто нечем заняться. Вы согласны или не согласны?* По всей выборке цифры не очень значительные, составляя 7 % у женщин и 11 % у мужчин. Но заметен устойчивый рост от поколения к поколению — от 5 % в застойном поколении до 20 % у зумеров. Таким образом, в старшем поколении на проблему сильной привязанности к гаджетам жаловался каждый

Рис. 14. Доля женщин и мужчин, часто не способных сосредоточиться на работе, учебе или других делах из-за отвлечения на электронные устройства, по поколениям, в 2023 году (%), $n = 10\ 864$

Источник: РМЭЗ НИУ ВШЭ.

двадцатый, а в самом молодом поколении — уже каждый пятый. Причем самый серьезный скачок произошел именно у зумеров: с 9 % до 17 % у женщин и с 13 % до 24 % у мужчин (рис. 15).

Интересно, что, в отличие от других показателей, в данном случае во всех поколениях мужчины опережают женщин, причем разница в более молодых поколениях не уменьшалась, а, напротив, выросла с 2 до 6 п/п. Мужская привязанность к гаджетам здесь оказывается выше. В любом случае мы получили еще одно подтверждение растущей зависимости от гаджетов в более молодых поколениях. Возрастающая доля молодых взрослых уже не мыслит себя без смартфона, который стал, по сути, продолжением руки.

Наконец, задавался вопрос про **утомление от гаджетов**: *Вы часто чувствуете усталость, головную боль или напряжение в глазах вечером после использования электронных устройств?* Речь идет уже не о зависимости, а скорее о ее физиологических последствиях. Данные 2023 г. показывают, что, несмотря на рост экранного времени по мере омоложения поколений, прямой связи с усталостью от экрана не возникает. Скорее мы видим обратную связь: доля тех, кто жалуется на усталость, головную боль или напряжение в глазах к вечеру уменьшилась с 23 % в застойном поколении до 15 % у зумеров. При этом у мужчин эта доля потихоньку

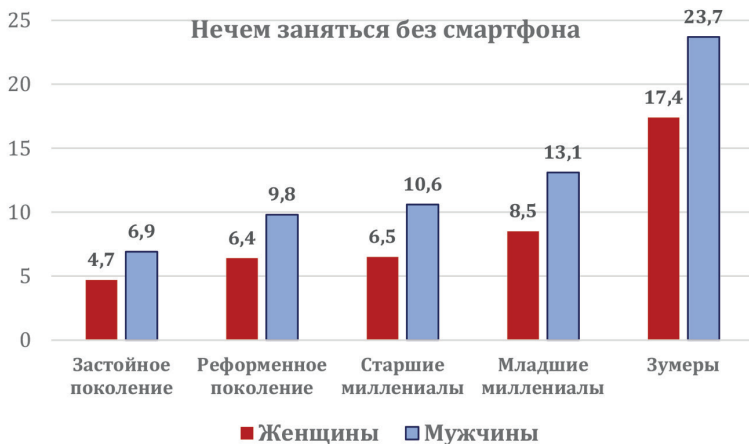

Рис. 15. Доля женщин и мужчин, которым часто нечем заняться без смартфона, планшета и других устройств, по поколениям, в 2023 г. (%), n = 10 848

Источник: РМЭЗ НИУ ВШЭ.

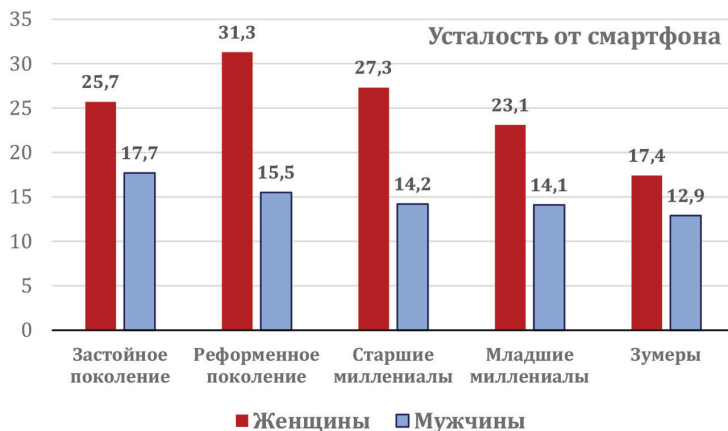

Рис. 16. Доля женщин и мужчин, часто чувствующих усталость, головную боль или напряжение в глазах вечером после использования электронных устройств, по поколениям, в 2023 г. (%), n = 10 855

Источник: РМЭЗ НИУ ВШЭ.

снижается с 18 % до 13 %, а у женщин достигает максимума в реформенном поколении (31 %), затем довольно резко снижается до 17 % у зумеров (рис. 16). Таким образом, выясняется, что усталость в большей степени

зависит от возраста, нежели от количества экранного времени (старшие устают быстрее). Кроме того, молодые люди к продолжительному смотрению на экраны в большей степени привыкли, поэтому глазное напряжение и усталость у них возникают реже. В итоге нарастания негативных ощущений в более молодых поколениях в данном случае не происходит.

Угрозы зависимости от гаджетов в российском обществе вполне осознаны. Публичная реакция проявилась, например, в том, что с 2024 г. в России введен запрет на использование гаджетов школьниками во время занятий. И этот запрет поддерживался большинством родителей. По данным ВЦИОМ, еще ранее, в 2018 г., 83 % россиян заявляли, что личные телефоны и смартфоны мешают школьникам учиться, а три четверти опрошенных (73 %) поддерживали идею запрета использования смартфонов и других гаджетов во время занятий. На молодых взрослых в университетах подобные запреты пока не распространяются.

Основные факторы вовлеченности в гаджеты и зависимости от них (результаты регрессионного анализа)

Результаты регрессионного анализа подтверждают значимое влияние межпоколенческих различий почти на все примененные показатели вовлеченности в использование гаджетов и зависимости от их использования. С омоложением поколений резко возрастает вовлеченность в использование интернета, компьютеров, смартфонов, чат-ботов с искусственным интеллектом и столь же резко падает доля обладателей мобильных телефонов. Но оборотной стороной растущей вовлеченности в использование электронных устройств становится прогрессирующая зависимость молодых поколений, которые чаще смотрят на экраны весь день, проводят слишком много времени с гаджетами, постоянно проверяют сообщения, из-за этого не могут сосредоточиться, ощущают, что им нечем заняться без смартфона. При этом, однако, молодые люди меньше старших устают к вечеру от просмотра на экран в силу возраста и выработанных привычек. Выявляется и эффект периода, указывающий на рост общей вовлеченности в использование интернета и компьютеров с течением времени.

Женщины значимо активнее мужчин в использовании интернета, компьютерами и смартфонами, уступая им при этом в использовании чат-ботов с искусственным интеллектом. Они больше мужчин подвержены и зависимости от гаджетов по всем показателям, кроме ощущения, что им нечем заняться без смартфона (им все же есть чем заняться), но зато они больше устают к вечеру после использования электронных устройств.

Респонденты с высшим образованием и обучающиеся студенты, имеющие оплачиваемую занятость и состоящие в браке, больше вовлечены

в использование интернета, компьютеров и смартфонов, реже имеют мобильные телефоны. Высокообразованные и обучающиеся ожидаемо более активны в использовании чат-ботов с искусственным интеллектом. Вместе с занятыми на рынке труда они также чаще впадают в зависимость от гаджетов, в том числе проводя перед экранами весь день, и чаще устают от этого к вечеру. А вот состоящие в браке подвержены такой зависимости в меньшей степени, они реже проводят в гаджетах слишком много времени и реже постоянно проверяют поступающие сообщения. Они также в меньшей степени ощущают, что им нечем заняться без смартфона, вероятно, в силу наличия семейных обязанностей.

Респонденты с более высоким уровнем душевого дохода немного чаще вовлечены в использование интернета, компьютеров и чат-ботов с ИИ, но на зависимости от гаджетов уровень дохода никак не сказывается. Наконец, сельские жители демонстрируют меньшую вовлеченность по сравнению с горожанами в использование всех гаджетов, кроме мобильных телефонов, и реже страдают от разных форм зависимости от электронных устройств. Регрессионные коэффициенты представлены в таблицах 1П–2П в Приложении.

Связаны ли между собой разные формы зависимости

Проверим нашу третью гипотезу и посмотрим, связаны ли между собой разные формы зависимости, рассмотрев три альтернативных эффекта: одна зависимость сопровождается другой (comorbidity), одна зависимость замещает и вытесняет другую (substitution) и избавление от одной зависимости способствует избавлению от другой зависимости (concurrent recovery) (Kim, McGrath, Hodgins 2023).

Мы собираемся проверить эти предположения на двух примерах. С середины 2010-х годов в России наблюдался тренд к снижению потребления алкоголя и по доле пьющих, и по среднему объему потребления. Причем установлено, что важным фактором данного тренда стало уменьшение потребления алкоголя молодыми поколениями (Radaev, Roshchina 2019; Radaev, Roshchina, Salnikova 2020). Правомерно предположить, что это снижение могло замещаться у молодежи другими формами зависимости. Добавим к алкоголю еще одну форму зависимости, связанную с курением, обратив внимание на то, что доля курящих в последние годы в России также демонстрирует тенденцию к сокращению, что подтверждается и данными Росстата, и опросными данными.

Для эмпирической проверки этих предположений на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ мы отобрали две группы переменных, характеризующих, с одной стороны, потребление алкоголя и курение, а с другой стороны, актив-

ное использование гаджетов и цифровых технологий, так или иначе связанное с зависимостью от этих технологий. Первая группа переменных включала:

- потребляли или не потребляли алкоголь за последние 30 дней;
- объем такого потребления за последние 30 дней в граммах чистого алкоголя;
- опыт чрезмерного потребления алкоголя (800 г и более чистого алкоголя для мужчин и 400 г и более для женщин в месяц);
- курят или не курят в настоящее время.

С помощью второй группы переменных выделялись респонденты, которые:

- обычно смотрят на экраны всех электронных устройств «практически весь день»;
- проводят слишком много времени, пользуясь электронными устройствами;
- все время проверяют наличие сообщений в смартфоне, планшете.

По данным 2023 г. получены прямые зависимости между всеми переменными из первой группы (потребление алкоголя) и всеми переменными второй группы (зависимость от гаджетов). Значение непараметрических коэффициентов относительно низкое, но все связи значимые, как правило, на уровне $p < .001$. А с курением значимых связей не обнаружено (табл. 3).

Мы можем заключить, что в данном случае новые формы зависимости, связанные с использованием цифровых технологий, не замещают потребление алкоголя и курение. Они сопровождают, а в случае алкоголя,

Таблица 3

Связи между потреблением алкоголя и зависимостями от гаджетов в 2023 г. (непараметрические коэффициенты корреляции Спирмена)

Зависимость от гаджетов	Потребление алкоголя за последние 30 дней			Курят в настоящее время
	Пили алкоголь	Объем потребления алкоголя	Чрезмерные потребители алкоголя	
Смотрят на экраны весь день	,056***	,052***	,025*	,001
Проводят слишком много времени в гаджетах	,069***	,068***	,037***	-,009
Все время проверяют наличие сообщений	,061***	,055***	,020*	,017

* $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$.

возможно, даже усиливают друг друга. В любом случае число зависимостей не убывает, а скорее множится.

Сопряжены ли зависимости от электронных устройств с психологическими расстройствами

Остановимся на еще одном вопросе, связанном с последствиями зависимости от использования гаджетов. Ранее мы указывали, что одним из ключевых элементов и последствий любой зависимости выступает возникновение негативных психофизиологических состояний (Lacopi, Rodgers, Chabrol 2014). Далее мы рассмотрим на данных 2023 г., связано ли возникновение цифровых зависимостей с разного рода психологическими расстройствами. В этой области респондентам предлагался блок из шести вопросов, выясняющих, характерны ли для них частая нервозность, чувство тревоги и частые приступы паники, приступы раздраженности и агрессии, хроническая бессонница, ослабление памяти и периодическая депрессия. Спрашивалось также о наличии «других психических расстройств». Дополнительно мы выделили респондентов, у которых есть хотя бы одно из перечисленных расстройств.

На основе использования непараметрических коэффициентов корреляции Спирмена выявлено, что интенсивная вовлеченность в использование гаджетов и все формы зависимости от электронных устройств значимо связаны со всеми шестью перечисленными формами психологических расстройств, и исключения буквально единичны. Значения коэффициентов невелики, т.е. связь во всех случаях несильная, но статистически значимая на уровне $p < .001$. В целом мы можем заключить, что цифровые зависимости напрямую связаны с основными видами психологических расстройств — нервозностью, приступами тревоги и паники, раздраженности и агрессии, бессонницей, ослаблением памяти и периодическими депрессиями. И возникновение тех или иных форм зависимости не проходит даром, отражаясь на психологическом благополучии пользователей. Это существенно дополняет картину факторов и последствий психологических стрессов, представленных нами в другом более раннем исследовании (Радаев 2024). Коэффициенты корреляции приводятся в таблице 3П в Приложении.

Заключение

Оказывая возрастающее влияние на повседневную жизнь людей, **цифровые технологии порождают фундаментальную двойственность, или амбивалентность**, одновременно давая начало противоположным трендам (Kotelnikova, Radaev, 2022; Варуфакис, 2025). Они

колоссально расширяют человеческий выбор и открывают новые потенциальные возможности, но в то же время через подстройку машинных алгоритмов приводят к сужению фактического выбора и ограничению используемых возможностей.

Поколения россиян имели разные возможности доступа к цифровым технологиям в свои формативные годы. Многие пользовательские технологии появились в России в доступе для населения еще в 1990-е годы, в период взросления *реформенного поколения*. Но представители этой последней советской поколенческой когорты еще не могли ими воспользоваться в полной мере в силу труднодоступности и дороговизны соответствующих гаджетов (компьютеров, мобильных телефонов) и предоставляемых коммерческих сервисов. *Старшим миллениалам* в период их взросления в 2000-е годы досталось заметно больше. В этот период произошла широкая вовлеченность одной четверти населения в использование персональных компьютеров, а также всеобщая вовлеченность большинства населения в использование мобильной связи. Широкою, а затем и массовую вовлеченность (на уровне половины населения) большинство пользовательских цифровых технологий получили уже на рубеже 2010-х годов, в весьма ограниченный по историческим меркам период, когда выросли *младшие миллениалы*, которые и стали первыми реальными бенефициарами этих технологий (Радаев 2020а; Радаев 2023). А когда начали взрослеть *зумеры*, большинство цифровых технологий получили наконец всеобщее распространение, превысив порог в три четверти населения.

По мере развития цифровых технологий могут возникать разнонаправленные тренды. Например, на стадиях широкой и массовой вовлеченности в цифровые технологии в ряде случаев существенно возросло цифровое неравенство между поколениями, поскольку более молодые поколения быстрее осваивают новые технологии и в части доступа, и в части навыков использования, что приводит в том числе к возможным межпоколенческим конфликтам (Ball et al. 2019; Варламова 2022). Однако по мере распространения цифровых технологий межпоколенческие различия могут снижаться. Аналогично в более старших поколениях нередко возникали заметные гендерные различия, причем как в пользу женщин, так и в пользу мужчин. Но у зумеров, когда вовлеченность оказывается всеобщей, нередко гендерные различия уменьшаются или вовсе исчезают. В целом использование цифровых технологий перестает быть инновационными практиками и становится социальной рутинной (Иванов 2023).

Доступ россиян к интернету близок к полному покрытию. Об этом говорят официальные статистические данные Росстата, касающиеся

и домохозяйств, и индивидов. При этом фактически во всех случаях речь идет о широкополосном интернете, проникновение которого в России превышает соответствующие показатели США (Sidoti, Dawson 2024).

По российским опросным данным, вовлеченность в пользование интернетом более умеренная, но планка всеобщего распространения и здесь преодолена. **Доля пользователей интернета росла во многом за счет более молодых поколений**, причем основной скачок, по данным 2023 г., произошел в реформенном поколении, а среди двадцатилетних респондентов из разных поколений — у младших миллениалов. Также **среднее время нахождения в интернете увеличивается** с каждым более молодым поколением примерно на 40 минут в день (данные Mediascope). Гендерные различия в данном случае незначимы.

Все межпоколенческие различия оказывают значимое влияние на вовлеченность по результатам регрессионного анализа. Кроме того, чаще в пользование интернетом вовлечены более образованные, имеющие оплачиваемую работу, состоящие в браке и имеющие более высокий душевой доход, а менее вовлечены — сельские жители. Что касается более продвинутых пользовательских навыков (применение чат-ботов с ИИ), то вновь значимы все межпоколенческие различия, но не играют роли семейный статус и занятость.

Две трети опрошенных россиян и почти три четверти домохозяйств к 2023 г стали пользователями персональных компьютеров. Наиболее значительный межпоколенческий рывок наблюдался при сравнении застойного и реформенного поколений, у миллениалов настал черед всеобщей вовлеченности, а у зумеров доля пользователей превысила 90 %. При сопоставлении представителей разных поколений в двадцатилетнем возрасте выяснилось, что уже в реформенном поколении компьютерная техника достигла массового распространения, а начиная со старших миллениалов — всеобщей вовлеченности. Женщины в поколениях молодого и среднего возраста немного опережали мужчин, но у зумеров различия нивелировались.

В России завершается замещение мобильных телефонов смартфонами. Первыми к 2023 г. пользовался лишь каждый четвертый россиянин, а вторыми — четыре пятых. В молодых поколениях процесс замещения гаджетов шел намного быстрее. И в 2023 г. у миллениалов и зумеров доля пользователей мобильных телефонов снизилась до одной десятой, а доля пользователей смартфонов приблизилась к стопроцентному рубежу. Добавим, что зумеры — первое поколение, у которых практически полное покрытие смартфонами наблюдается уже к двадцатилетнему возрасту. Женщины в старших поколениях немного опережали мужчин по доле

пользователей смартфонов, но начиная со старших миллениалов эти различия фактически исчезли.

Рост вовлеченности в использование электронных устройств сопровождается увеличением зависимости от гаджетов по мере омоложения поколений. Причем часто серьезные скачки наблюдаются именно у зумеров. Так, выявлено, что более чем каждый четвертый зумер к 2023 г. уже смотрел на экран «практически весь день». Параллельно с каждым более молодым поколением нарастают все выделенные нами негативные последствия растущего использования гаджетов. К наиболее серьезным негативным последствиям относятся постоянная проверка сообщений в гаджетах (у зумеров эта доля приближается к половине), проведение в гаджетах слишком продолжительного времени (более одной четверти зумеров) и ощущение, что часто нечем заняться без гаджетов (каждый пятый зумер). За ними следует частая неспособность сосредоточиться на чем-либо из-за отвлечения на гаджеты (почти каждый десятый зумер). Исключение составляет ощущение усталости и напряжения в глазах к вечеру: несмотря на рост использования, более молодые люди меньше устают и лучше адаптированы к долгому смотрению в экраны.

В большинстве случаев женщины чаще вовлечены и зависимы от гаджетов, чем мужчины, кроме показателя «часто нечем заняться без гаджетов», по которому мужчины опережают женщин. Но гендерные различия, как правило, невелики, и вдобавок именно у зумеров в ряде случаев они сходят к минимуму. Возможные объяснения таковы: в случае вовлеченности гендерные различия уменьшаются по мере приближения к полному насыщению гаджетами, а в случае зависимости не исключено, что гендерные различия появляются позднее, по мере взросления зумеров.

Для пользования персональными компьютерами, мобильными телефонами и смартфонами все межпоколенческие различия значимы по итогам регрессионного анализа. Кроме того, чаще вовлечены в использование гаджетов более образованные, имеющие оплачиваемую работу, состоящие в браке и городские жители, но уже нет зависимости от уровня душевого дохода (эти гаджеты ныне доступны всем). Для всех показателей зависимости остаются значимыми межпоколенческие различия, но также не влияет душевой доход, и не всегда важны занятость, семейный статус и тип поселения.

Мы можем заключить, что **вовлеченность в использование интернета и электронных устройств нередко сопровождается зависимостью.** Заметно чаще это происходит у представителей более молодых поколений, причем полученные выводы по России подтверждаются доступными результатами других российских опросов, а также зарубежными исследо-

ваниями Pew Research Center (Gelles-Watnick 2024; Sidoti, Dawson 2024; Sidoti, McClain 2025). Зависимости от гаджетов также не замещают потребление алкоголя и курение (с алкоголем обнаружены прямые значимые связи, с курением связи отсутствуют), в итоге общее число зависимостей не убывает, а скорее множится.

Возникающая интернет-зависимость приводит к разного рода негативным поведенческим, социопсихологическим и физиологическим последствиям в более широком социальном контексте (Yellowlees, Marks 2007; Laconi, Rodgers, Chabrol 2014). Начиная с поведенческих последствий, зависимость способна снижать качество общения между людьми, например в случае фаббинга, или игнорирования собеседника при личном общении в результате постоянного отвлечения на смартфон, приводящего помимо прочего к возможным конфликтам между представителями младших и старших поколений (Максименко и др. 2021; Ball et al. 2019). Поскольку зависимость проявляется в неспособности отказаться от определенных поведенческих практик, она может приводить к замещению и вытеснению других практик. Характерным примером служит думскроллинг, или навязчивое чтение новостной ленты с упором на негативные события (Казун 2024). Еще одним поведенческим проявлением интернет-зависимости становится компульсивный онлайн-шопинг, или шопполизм, — повторяющееся, слабо контролируемое стремление к приобретению товаров или услуг онлайн, тоже более характерное для молодых поколений. В последнем случае могут возникать и негативные финансовые последствия из-за излишнего расходования денег (Радаев 2025).

Наконец, зависимость от гаджетов и цифровых сервисов может приводить к возникновению негативных психофизиологических последствий. Полученные нами результаты это подтверждают: все показатели зависимости от использования гаджетов напрямую связаны с возникновением основных видов психологических расстройств — нервозностью, приступами тревоги и паники, раздраженности и агрессии, бессонницей, ослаблением памяти и периодическими депрессиями.

Наличие многообразных последствий интернет-зависимости актуализирует вопрос о пока не слишком распространенных практиках цифрового детокса через временный отказ от использования электронных устройств. Со временем неизбежно встанет и проблема развития реабилитационных программ для интернет-зависимых пользователей, наподобие программ лечения от игровой зависимости в Китае, внедряемых еще с 2008 г. В любом случае рассмотренные нами двойственные эффекты распространения цифровых технологий заслуживают более пристального внимания.

Выражение благодарности

Работа выполнена в Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор благодарит анонимного рецензента, Л.С. Кузину, М.А. Нагерняк, Е.А. Стрельцову, а также участников семинара Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ за полезные замечания к рукописи данной работы.

Литература / References

Варламова Ю.А. (2022) Межпоколенческий цифровой разрыв в России. *Мир России*, 31(2): 51–74. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74>.

Varlamova Yu.A. (2022) The Intergenerational Digital Divide in Russia. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 31(2): 51–74 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74>.

Варуфакис Я. (2025) *Технофеодализм: что убило капитализм*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Varoufakis Y. (2025) *Technofeudalism: What Killed Capitalism*. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).

Воронина Н.С. (2023) Гендерный аспект цифрового неравенства в России: результаты эмпирического анализа. *Мир России*, 32(3): 52–74. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-3-52-74>.

Voronina N.S. (2023) The Gender Aspect of the Digital Divide in Russia: Findings from an Empirical Study. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 32(3): 52–74. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-3-52-74> (in Russian).

Зубофф Ш. (2022) *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти*. М.: Издательство Института Гайдара.

Zuboff S. (2022) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House (in Russian).

Зубофф Ш. (2025) *Надзорный капитализм или демократия?* М.: Издательство Института Гайдара.

Zuboff S. (2025) *Surveillance Capitalism or Democracy?* Moscow: Gaidar Institute Publishing House (in Russian).

Иванов Д.В. (2023) Критическая теория цифровизации: господство алгоритмической рациональности и бунт аутентичности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(3): 7–35. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.1>.

Ivanov D. (2023) Critical theory of digitalization: algorithmic rationality domination and authenticity revolt. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(3): 7–35. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.1> (in Russian).

Иванов Д.В., Асочаков Ю.В., Богомякова Е.С. (2021) Включенность в интернет-коммуникации и креативность в социальных сетях как показатели

социального развития. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(2): 56–80. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.3>.

Ivanov D., Asochakov Y., Bogomyagkova E. (2021) Inclusion in the internet communications and creativity on social networking platforms as indicators of social development. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24(2): 56–80. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.3> (in Russian).

Казун А.Д. (2024) «Обложиться информацией, чтобы хоть что-то понимать»: индивидуальные и социальные основания думскроллинга. *Мир России: Социология, этнология*, 336(2): 77–94. <https://doi.org/10.17323/1811038X2024-3327794>.

Kazun A. D. (2024) 'To Get Overlaid with Information to Understand at Least Something': Individual and Social Bases of Doomscrolling. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 33(2): 77–94. <https://doi.org/10.17323/1811038X20243327794> (in Russian).

Максименко А.А., Дейнека О.С., Духанина Л.Н., Сапоровская М.В. (2021) Фаббинг: особенности аддиктивного поведения молодежи. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4: 345–362. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1822>.

Maksimenko A.A., Deineka O.S., Dukhanina L.N., Saporovskaya M.V. (2021) Phubbing: Peculiarities of Addictive Behavior of the Youth. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 4: 345–362. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1822> (in Russian).

Паризер Э. (2012) *За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас?* М.: Альпина Бизнес Букс.

Pariser E. (2012) *The Filter Bubble: What the Internet is Hiding from You*. Moscow: Alpina (in Russian).

Радаев В.В. (2018) Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ. *Социологические исследования*, 3: 15–33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>.

Radaev V.V. (2018) Millennials compared to previous generations: an empirical analysis. *Sotsiologicheskiye Issledovaniya* [Sociological Studies], 3: 15–33 (in Russian). <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>.

Радаев В.В. (2020а) Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть). *Социологический журнал*, 26(3): 30–63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7395>.

Radaev V.V. (2020a) The divide among the millennial generation: historical and empirical justifications (Part one). *Sotsiologicheskii Zhurnal* [Sociological Journal], 26(3): 30–63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7395> (in Russian).

Радаев В.В. (2020б) Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Окончание). *Социологический журнал*, 26(4): 31–60. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7641>.

Radaev V.V. (2020b) The divide among the millennial generation: historical and empirical justifications (Part two). *Sotsiologicheskij Zhurnal* [Sociological Journal], 26(4): 31–60. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7641> (in Russian).

Радаев В.В. (2023) *Миллениалы: как меняется российское общество*. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Radaev V.V. (2023) *Millennials: How Russian Society Is Being Changed*. 3rd ed. Moscow: HSE University Publishing House (in Russian).

Радаев В.В. (2024) Психологические стрессы в современной России: общий уровень, более уязвимые группы и способы совладания. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 6: 52–74. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2643>.

Radaev V.V. (2024) Psychological Stresses in the Contemporary Russia: General Level, More Vulnerable Groups and Coping Strategies. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 6: 40–62. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2643> (in Russian).

Радаев В.В. (2025) *Нестандартное потребление*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Radaev V.V. (2025) *Nonstandard Consumption*. Moscow: HSE University Publishing House (in Russian).

Рачинский А.А. (2010) Распространение мобильной связи в России. *Прикладная эконометрика*, 2: 111–122.

Rachinsky A.A. (2010) Spread of the mobile communication in Russia. *Prikladnaya Ekonometrika* [Applied Econometrics], 2: 111–122 (in Russian).

Соколов М.М. (2019) Поколения вместо классов? Возраст и потребительская революция в России. *Социология власти*, 31(1): 71–91. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-71-91>.

Sokolov M.M. (2019) Generations instead of classes? Age and consumer revolution in Russia. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 1: 71–91. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-71-91> (in Russian).

Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. (2013) Чрезмерное использование интернета: факторы и признаки. *Психологический журнал*, 34(4): 79–88.

Soldatova G.U., Rasskazova E.I. (2013) Excessive use of the internet: signs and factors. *Psikhologicheskij Zhurnal* [Psychological Journal], 34(4): 79–88 (in Russian).

Старк Д., Паис И. (2021) Алгоритмическое управление в экономике платформ. *Экономическая социология*, 22(3): 71–103. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-3-71-103>.

Stark D., Pais I. (2021) Algorithmic Management in the Platform Economy. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology], 22(3) 3: 71–103. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-3-71-103> (in Russian).

Стрельцова Е. А. (ред.) (2025) *Жизнь онлайн: цифровая трансформация российского общества*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Streltsova E.A. (ed.) (2025) *Life online: digital transformation of the Russian society*. Moscow: HSE University Publishing House (in Russian).

Твенге Дж. (2019) *Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым — и абсолютно не готовым ко взрослой жизни*. М.: Рипол-Классик.

Twenge J.M. (2019) *iGen: Why today's super-connected kids are growing up less rebellious, more tolerant, less happy and completely unprepared for adulthood*. Moscow: Ripol-Classic (in Russian).

Щербачков Р.А. (2025) Риски цифровизации: систематизация научного поля. *Социологический журнал*, 31(1): 73–91. <https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.4>.

Shcherbakov R.A. (2025) The Risks of Digitalization: Systematization of the Scientific Field. *Sotsiologicheskii Zhurnal [Sociological Journal]*, 31(1): 73–91. <https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.4> (in Russian).

Ball C., Francis J., Huang K.-T., Kadylak T., Cotten S. R., Rikard R. V. (2019) The Physical–Digital Divide: Exploring the Social Gap Between Digital Natives and Physical Natives. *Journal of Applied Gerontology*, 38(8): 1167–1184. <https://doi.org/10.1177/0733464817732518>.

Burrell J., Fourcade M. (2021) The Society of Algorithms. *Annual Review of Sociology*, 47: 213–237. <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-soc-090820-020800>.

Finley A. (2025) AI's Biggest Threat: Young People Who Can't Think: Smart computers require even smarter humans, but they tempt us to engage in 'cognitive offloading'. [<https://www.wsj.com/opinion/the-biggest-ai-threat-young-people-who-cant-think-303be1cd>] (дата обращения: 28.11.2025).

Fosse E., Winship C. (2019) Analyzing Age-Period-Cohort Data: A Review and Critique. *Annual Review of Sociology*, 45: 467–492. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-073018-022616>.

Gelles-Watnick R. (2024) Americans' Use of Mobile Technology and Home Broadband. *Pew Research Center*. [<https://www.pewresearch.org/internet/2024/01/31/americans-use-of-mobile-technology-and-home-broadband/>] (дата обращения: 28.11.2025).

Kim H.S., McGrath D.S., Hodgins D.C. (2023) Addiction Substitution and Concurrent Recovery in Gambling Disorder: Who Substitutes and Why? *Journal of Behavioral Addictions*, 12(3): 682–696. <https://doi.org/10.1556/2006.2023.00046>.

Kotelnikova Z., Radaev V. (2022) Introduction. In: Radaev V., Kotelnikova Z. (eds.) *The Ambivalence of Power in the Twenty-First Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: UCL Press; 1–11.

Laconi S., Rodgers R.F., Chabrol H. (2014) The Measurement of Internet Addiction: A Critical Review of Existing Scales and Their Psychometric Properties. *Computers in Human Behavior*, 41: 190–202. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.09.026>.

Loeber S., Reiter T., Averbek H., Harbarth L., Brand M. (2020) Binge-Watching Behaviour: The Role of Impulsivity and Depressive Symptoms. *European Addiction Research*, 26: 141–150. <https://doi.org/10.1159/000506307>.

Meng S.-Q., Cheng J.-L., Li Y.-Y., et al. (2022) Global Prevalence of Digital Addiction in General Population: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Clinical Psychology Review*, 92: 102128. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2022.102128>.

Radaev V., Roshchina Ya. (2019) Young Cohorts of Russians Drink Less: Age-Period-Cohort Modelling of Alcohol Use Prevalence, 1994–2016. *Addiction*, 114(5): 823–835. <https://doi.org/10.1111/add.14535>.

Radaev V., Roshchina Ya., Salnikova D. (2020) The Decline in Alcohol Consumption in Russia from 2006 to 2017: Do Birth Cohorts Matter? *Alcohol and Alcoholism*, 55(3): 323–335. <https://doi.org/10.1093/alcalc/aga017>.

Sidoti O., Dawson W. (2024) Internet, Broadband Fact Sheet. *Pew Research Center*. [<https://www.pewresearch.org/internet/fact-sheet/internet-broadband>] (дата обращения: 28.11.2025).

Sidoti O., McClain C. (2025) 34 % of U.S. Adults Have Used ChatGPT, About Double the Share in 2023. *Pew Research Center*. [<https://www.pewresearch.org/short-reads/2025/06/25/34-of-us-adults-have-used-chatgpt-about-double-the-share-in-2023/>] (дата обращения: 28.11.2025).

Starosta J., Izydorczyk B. (2020) Understanding the Phenomenon of Binge-Watching — A Systematic Review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17: 4469. <https://doi.org/10.3390/ijerph17124469>.

Sundberg L. (2024) Towards the Digital Risk Society: A Review. *Human Affairs*, 34(1): 151–164. <https://doi.org/10.1515/humaff-2023-0057>.

Yellowlees P.M., Marks S. (2007) Problematic Internet Use or Internet Addiction? *Computers in Human Behavior*, 23(3): 1447–1453. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2005.05.004>.

Приложение
Таблица 1П

Основные предикторы вовлеченности населения в использование электронных устройств
(коэффициенты логистической регрессии), 2023

	Пользователи					
	Интернета, 2003–2023	Компьютеров, 2000–2023	Мобильных телефонов	Смартфонов	Чат-ботов с ИИ	
Реформенное поколение	3,751*** (.015)	3,444*** (.013)	,532*** (.067)	2,565*** (.080)	2,790*** (.161)	
Старшие миллениалы	8,761*** (.019)	8,184*** (.017)	,337*** (.080)	7,371*** (.121)	5,204*** (.165)	
Младшие миллениалы	28,471*** (.040)	17,672*** (.033)	,265*** (.105)	9,538*** (.167)	6,407*** (.161)	
Зумеры	63,656*** (.145)	15,915*** (.085)	,153*** (.127)	39,260*** (.244)	11,015*** (.166)	
Период	1,162*** (.118)	1,081*** (.001)				
Гендер (женщины)	1,225*** (.013)	1,255*** (.011)	,667*** (.051)	2,001*** (.053)	,744*** (.073)	
Высшее образование или/и студенты	4,782*** (.016)	6,968*** (.014)	,620*** (.057)	2,796*** (.079)	2,178*** (.073)	
Оплачиваемая занятость	2,557*** (.015)	2,248*** (.013)	,411*** (.060)	4,186*** (.074)	1,057 (.104)	
Состоят в браке	1,390*** (.014)	1,258*** (.012)	,753*** (.052)	1,615*** (.062)	,973 (.084)	
Душевой доход (ln)	1,011*** (.002)	1,019*** (.002)	,997 (.009)	1,018 (.011)	1,037*** (.013)	
Тип поселения (села)	,480*** (.014)	,456*** (.013)	1,431*** (.054)	,575*** (.064)	,525*** (.111)	
Константа	,006*** (.046)	,025*** (.033)	1,884*** (.135)	,245*** (.168)	,023*** (.227)	
R2 Найджелкерка	,402	,438	,187	,358	,139	
Число респондентов	190577	208692	11880	11886	9402	

Среднеквадратичная ошибка в скобках, * p<0.05, ** p<0.01, *** p<0.001.

Основные предикторы зависимости населения от электронных устройств
(коэффициенты логистической регрессии), 2023

	Пользователи электронных устройств						
	Смотрят на экраны весь день	Проводят слишком много времени	Постоянно проверяют сообщения	Не могут сосредоточиться	Нечем заняться без смартфона	Устают к вечеру	
Реформенное поколение	1,690*** (.106)	1,695*** (.094)	1,275*** (.068)	1,896*** (.146)	1,854*** (.120)	,962 (.072)	
Старшие миллениалы	2,588*** (.106)	2,063*** (.096)	1,599*** (.070)	1,662*** (.154)	1,878*** (.125)	,781*** (.077)	
Младшие миллениалы	3,027*** (.113)	2,057*** (.105)	1,845*** (.078)	1,738*** (.171)	2,121*** (.134)	,660*** (.092)	
Зумеры	6,013*** (.121)	3,479*** (.111)	2,564*** (.089)	2,837*** (.171)	3,142*** (.133)	,629*** (.112)	
Гендер (женщины)	1,337*** (.062)	1,423*** (.059)	1,351*** (.046)	1,592*** (.097)	,582*** (.073)	1,969*** (.054)	
Высшее образование или/и студенты	1,905*** (.060)	1,919*** (.057)	1,028 (.046)	1,155 (.092)	,808** (.076)	1,788*** (.051)	
Оплачиваемая занятость	1,946*** (.089)	1,453*** (.080)	1,123* (.059)	,871 (.120)	,756** (.096)	1,451*** (.068)	
Состоят в браке	,889 (.067)	,723*** (.063)	,840*** (.049)	,929 (.101)	,563*** (.080)	,924 (.055)	
Душевой доход (ln)	1,008 (.011)	1,003 (.010)	1,002 (.008)	1,012 (.015)	,985 (.011)	1,009 (.010)	
Тип поселения (села)	,575*** (.088)	,902 (.074)	,830*** (.056)	,754* (.122)	,745** (.095)	1,060 (.062)	
Константа	,025*** (.179)	,042*** (.166)	,204*** (.126)	,016*** (.262)	,277*** (.189)	,062*** (.154)	
R2 Нэйджелкерка	,117	,078	,036	,023	,067	,062	
Число респондентов	10079	10177	10178	10198	10177	10187	

Среднеквадратичная ошибка в скобках, * p < 0.05, ** p < 0.01, *** p < 0.001.

Таблица 3П
 Связи между зависимостями от электронных устройств и психологическими расстройствами в 2023 г.
 (непараметрические коэффициенты корреляции Спирмена)

Зависимость от гаджетов	Частая нервозность	Тревога, паники	Раздраженность, агрессия	Хроническая бессонница	Ослабление памяти	Периодическая депрессия	Хотя бы 1 из расстройств
Смотрят на экраны весь день	,052***	,020*	,061***	-,027**	-,032***	,021*	,006
Проводят слишком много времени в гаджетах	,086***	,057***	,103***	,011	,026**	,062***	,079***
Все время проверяют сообщения	,068***	,071***	,058***	,030**	,004	,053***	,065***
Не способны сосредоточиться	,053***	,039***	,066***	,025***	,045***	,054***	,066***
Нечем заняться без смартфона	,074***	,039***	,079***	,026***	,038***	,037***	,079***
Усталость вечером от гаджетов	,123***	,110***	,099***	,090***	,108***	,103***	,151***

Среднеквадратичная ошибка в скобках, * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

ENGAGEMENT IN THE USE OF GADGETS AND NEW FORMS OF ADDICTION: INTERGENERATIONAL ANALYSIS

Vadim V. Radaev (radaev@hse.ru)

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Citation: Radaev V.V. (2025) Engagement in the use of gadgets and new forms of addiction: intergenerational analysis. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(4): 80–126 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.5> EDN: KFJQ00

Abstract. The paper explores the ambivalent impact of digital technologies on their users, providing a brief history of the emergence and dissemination of these technologies among the Russian population. Through the lens of an intergenerational analysis, based on representative quantitative data, the study examines the growth in Russians' engagement with internet usage (including advanced skills) and their use of gadgets (personal computers, mobile phones, and smartphones), as well as the increasing dependence on gadgets according to users' self-assessments. The primary data source is the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS–HSE) conducted by the National Research University Higher School of Economics (HSE) for the years 1994–2023. The combined dataset includes 343,355 respondents aged 18 and older, comprising 42% men and 58% women. In addition to comparing the prevalence of internet users and users of various electronic devices across five generational cohorts, logistic regression analysis is applied, with indicators of engagement and addiction on gadgets as dependent variables. The findings show that intergenerational differences (including those after controlling for age effects) significantly influence all major indicators of engagement with the internet and gadgets, including intensive (daily) usage. Associated forms of addiction also occur significantly more frequently among younger generations. Noticeable gender differences favoring either women or men are identified depending on the specific type of device. However, with the transition to the youngest cohort, Generation Z, these gender differences often diminish or disappear altogether¹.

Keywords: digital technologies, gadgets, addiction, generations, population surveys, Russia

Acknowledgements

This work was conducted at the Laboratory for Studies in Economic Sociology (LSES) and funded by the Program for Basic Research of the National Research University Higher School of Economics (HSE University). The author wishes to thank the anonymous reviewer, L.S. Kuzina, M.A. Nagernyak, E.A. Streltsova, as well as the participants of the seminar at the Laboratory for Studies in Economic Sociology at HSE University for their helpful comments on the manuscript.

¹ Перевод аннотации выполнен с помощью Perplexity.AI.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ТЕОРИИ РЫНКА В КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Любовь Александровна Лебединцева^{1, 2}
(lbebedintseva879@gmail.com),

Павел Петрович Дерюгин^{1, 2} (deriuginpav@yandex.ru),

*Сюй Луньхуэй*¹ (st065841@student.spbu.ru)

*Лю Тяньси*¹ (st084090@student.spbu.ru)

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Лебединцева Л.А., Дерюгин П.П., Сюй Луньхуэй, Лю Тяньси (2025) Теории рынка в китайской экономической социологии: современные социологические подходы. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(4): 127–145.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.6> EDN: KKHQ0S

Аннотация. Впервые осуществлен анализ индигенизированных экономико-социологических подходов китайских социологов к рынку и рыночной деятельности. Отмечается, что современная экономическая социология в Китае является динамично развивающейся отраслью социологического знания, имеет своих представителей и концепции, ее появление совпало по времени с началом рыночных преобразований в Китае и проведения экономических реформ в 1970-х годах. Основное внимание уделено трем теоретическим направлениям в анализе рынка, выявляющим и раскрывающим взаимодействие механизмов рынка с государственной политикой и социокультурным контекстом: политико-культурному и политико-структурному; институционально-деятельностному и реляционному подходам. В рамках первого подхода китайские социологи Фу Пин, Дуань Синьсин и др. сначала адаптируют под китайскую реальность политико-культурный подход Н. Флигстина, а затем развивают свой политико-структурный подход, в рамках которого выявляются явные и латентные типы структур на рынке, а также политико-культурные факторы рыночной системы. Институционально-деятельностный подход Чэнь Вэньцзяна, Ван Сюнгана и др. за основу анализа берет текущее развитие рыночных отношений и государства в Китае как отличающийся от западной модели рыночной экономики. Они различают и выделяют формальные и неформальные институты на рынке, а также классифицируют всех акторов на субъектов и не-субъектов рынка, устанавливают типы отношений и взаимосвязей между ними. Институционально-деятельностный подход позволяет рассматривать результаты формальных институциональных изменений и развитие рыночной трансформации как взаимно сосуществующие и взаимно стимулирующие друг

друга. Реляционный подход Лю Шидина, Ло Цзяньдэ и Вэй Хайтао основывается на формировании аналитической рамки «типы отношений — способы транзакции — структура рынка»; используются категории укорененных и отстраненных связей для операционализации отношений и разрабатываются собственные классификации возможных рыночных отношений. В целом рассмотренные подходы китайских социологов продемонстрировали разработку адекватного теоретического инструментария для анализа своеобразия и уникальности локальных траекторий развития китайского рынка. В заключении делается вывод о ближайших перспективах будущих исследований китайской экономической социологии в контексте новой политики единого общенационального рынка.

Ключевые слова: китайская экономическая социология, теории рынка, политико-культурный подход, политико-структурный подход, институционально-деятельностный подход, реляционный подход, теория индигенизации.

Рынок: теоретический взгляд китайской экономической социологии

Экономическая социология как наука в Китае возникает в период активного развития рыночных отношений после восстановления статуса социологии как научной дисциплины в 1970-е годы (Дерюгин, Лебединцева, Веселова 2018). Развитие рыночной экономики в Китае с 1980-х годов происходит во взаимосвязи с научным осмыслением происходящих процессов в китайской экономической социологии (Лебединцева и др. 2024). В современной жизни рынок присутствует повсеместно, рыночная экономика — это значимая характеристика современного общества, и главным в исследовании рынка изначально принадлежало экономической науке. Концепция рынка в экономических исследованиях присущ элемент неопределенности: методологическое своеобразие неоклассической экономики основывается на минималистичной и атомистической концепции рынка, опирается на понимание рынка как идеального типа (Grün, Massot 2021; Lee 2006). Игнорирование социальных отношений в рыночных действиях в рамках экономической науки восполняется теоретическим инструментарием экономической социологии, которая предоставляет много возможностей для развития аналитических конструкций рынка (Грановеттер 2002). Однако если в западной и российской экономической социологии проблематика рынка и рыночных отношений начинает разрабатываться значительно позже других теоретических концептов, то в Китае проблемы, связанные с рынком, всегда были основной темой экономической социологии.

Теоретические и эмпирические исследования функционирования рынка в Китае выявляют такие аспекты рыночной экономической деятель-

ности, как система прав собственности, производственные отношения, организация производства, конкуренция и порядок сделок, которые неизменно находятся под влиянием не рыночных факторов, таких как государственное устройство, социальная структура и культурные традиции (Фу Пин, Дуань Синьсин 2023: 82). В экономическом развитии Китая не наблюдается дихотомии или какой-либо оппозиции между государством и рынком, рыночные и государственные институты не исключают друг друга, что также отличает китайскую экономическую социологию от западной науки (Вэй Хайтао 2022а).

Политико-культурный и политико-структурный подходы

Теоретические концепции рынка опираются на методологические принципы интегрированного подхода к изучению рынка, а именно политико-культурного подхода Н. Флигстина. Он впервые выявил недостаточное внимание к политическим и культурным измерениям в исследовании рынка в экономической социологии, что затрудняет объяснение значимости государства в делах рынка (Флигстин 2003).

Китайский социолог Фу Пин согласен с Н. Флигстином, что политико-культурный подход может предложить новый взгляд относительно многих рыночных проблем с политической точки зрения (Фу Пин 2010). Основное исследовательское внимание в данном подходе фокусируется на социальных действиях, которые происходят в различных местах деятельности, обозначаемых как поля, сферы, секторы или организованные социальные пространства, в которых действуют коллективные акторы, стремящиеся создать доминирующую систему интерпретации правил деятельности. Подход Н. Флигстина предполагал исследование местной (локальной) культуры, которая определяет локальные социальные отношения между акторами и от которой зависит вся остальная конфигурация рынка и рыночных отношений (Kluttz, Fligstein 2016). Таким образом, рынок является сферой, где акторы соревнуются за статус, что является полем власти, в котором политическая сила (прежде всего государственные учреждения) формирует основные правила для участников рынка, оказывая глубокое влияние на экономическую форму рынка (Фу Пин, Дуань Синьсин 2023). В этом процессе действующие акторы на рынке используют социальные связи и политическую силу для борьбы за власть, чтобы обеспечить или получить преимущественное положение на рынке. В конечном итоге создается полное понимание того, кто обладает властью и почему, что помогает поддерживать стабильность экономической формы рынка, формируя таким образом представление о контроле над рынком (Fligstein 1995). По сути дела, данный аналитический инструментарий исследования

рынка есть не что иное, как индигенизированный подход в социологии, когда принимаются во внимание и рассматриваются конкретные переменные объекта исследования с учетом пространственных, временных, культурных и прочих характеристик. Другими словами, выработанные китайскими социологами концепции способствуют процессу укоренения интеллектуальных знаний, выработанных в «другом месте и в другое время», способных объяснить исторические пути Китая, структурные проблемы и возможное будущее (Fu Ping, Yang Dian 2021: 7).

Фу Пин и Дуань Синьсин исходя из теоретической перспективы политико-культурного подхода предполагают, что государственная политическая сила формирует правила, которым будут следовать экономически активные участники рынка, что приводит в результате к оформлению контрольного представления о рынке, влияющего на уровень экономического развития страны и социальное благосостояние. В этом контексте китайские ученые анализируют, как политические и культурные факторы влияют на китайский рынок и каким образом государственные и частные предприятия формируют доминирующие позиции на рынке (Фу Пин, Дуань Синьсин 2023). Их исследования показывают, что доминирующее контрольное представление о рынке в Китае принадлежит государственным предприятиям, испытывающим сильную зависимость от государственной политической власти, которая играет ведущую роль, а административная поддержка правительства становится ключевым условием для получения монопольного положения государственными предприятиями в определенных рыночных сегментах. Политическая и культурная силы формируют уникальные рыночные элементы и продуктовые рынки, помогая государственным предприятиям утвердить доминирующее положение на рынке.

Способность частных предприятий развиваться и даже формировать доминирующее положение на рынке, по мнению Фу Пина и Дуань Синьсина, зависит от трех факторов политико-культурной структуры рыночной системы. Во-первых, от «справедливой рыночной системы», в рамках которой подразумевается, что правила, устанавливаемые центральной политической властью, и условия деятельности должны позволять добиваться успеха всем акторам на рынке. Во-вторых, от намерения государственной власти предоставлять поддержку (например, субсидии). В-третьих, от сформированности «симбиотических отношений защиты», когда местная власть на уровне провинций в достаточной степени политически мотивирована, чтобы поддерживать частные предприятия в целях сохранения и улучшения своих показателей. Ученые заявляют, что политико-культурный механизм оказывает различное воздействие на разные

формы частных предприятий, по сравнению с крупными частными компаниями поддержка малых и средних предприятий оказывается менее значительной. Исследования особенностей развития рыночной экономики в Китае с учетом влияния центрального и местного уровней управления в Китае, форм экономической собственности позволяют проанализировать роль, статус и механизмы действия политических и культурных факторов в рыночной экономике в китайском контексте, раскрывая динамические отношения между рыночной структурой и государственной политикой, социальной и культурной сферами, что имеет важное академическое и практическое значение. Таким образом, китайские социологи развивают подход, предложенный Н. Флигстином, включая в анализ структурное измерение рынка с целью преодоления ограничений политико-культурного подхода и расширения аналитических перспектив (Фу Пин 2010: 220–221).

Как отмечают сами ученые, на их взгляды в данном случае оказала влияние теория укорененности К. Поланьи, согласно которой рынок рассматривается прежде всего как социальный компонент. Фу Пин выдвигает два предположения относительно политического измерения структурной рамки. Согласно первому (теории государственного происхождения рынка), государство взаимодействует с рынком на всех этапах его развития и является неизменным и постоянным актором. Политические силы, представляющие государство, влияют на экономические тренды/тенденции и выбор других участников рынка, что приводит ученых к выводу об отношениях взаимопроникновения государства и рынка и что их в принципе нельзя разделить. Второе предположение (теория политического процесса), направлено на рассмотрение процессов в рыночной сфере как процессов, связанных с политикой и властью (например, структурирование рыночных отношений, действия участников рынка, создающих рыночную среду, формирование участниками рынка правил рыночных отношений). Данные предположения позволяют анализировать роль и механизмы действия политических факторов на рынке в китайском контексте, объясняют взаимосвязь между рыночной структурой и государством/государственной политикой и подчеркивают политическое измерение политико-структурной рамки (Фу Пин 2013: 50). В целом взгляды Фу Пина находятся в согласии со взглядами М. Вебера на политическое измерение рынка в социологии, а также согласуются с социологическим анализом К. Маркса капиталистического экономического процесса.

По мнению Фу Пина, значение действий участников рынка в контексте рыночной структуры сопоставимо со значением индивидуального существования в обществе, когда микроуровень укоренен в макроуровне.

Он различает два типа структур на рынке в рамках развиваемого политико-структурного подхода: явную структуру и скрытую структуру. Явная (или видимая) структура относится к тем нормам и воздействиям, которые формируют экономику и проявляются как объективные и реально существующие организационные структуры и системы, такие как политическая система, экономическая система и экономическая политика, промышленная структура, система прав собственности, профессиональные ассоциации и т.д. К скрытой (или латентной) структуре имеют отношение те элементы экономической жизни, которые широко признаны и практикуются экономическими акторами, имеют сильные коллективные черты и проявляются как субъективные и/или виртуальные элементы. Например, это могут быть экономические обычаи, устои, идеи, деловые взгляды, культура отношений, неписанные правила поведения. Фу Пин считает, что контрольное представление о рынке в понимании Н. Флигстина также относится к латентной структуре (Фу Пин 2015).

Основываясь на выявленных двух типах структур, можно утверждать, что политико-структурная теория, предложенная Фу Пином, включает антропологическое измерение, когда структура происходит из культуры, вторична по отношению к ней, что отражается в наличии скрытой структуры. Воздействие латентной структуры является неформальным, тем не менее по причине влияния культурных факторов на участников рынка, что проявляется в их практическом опыте, получается, что латентное влияние фактически присутствует открыто. Иначе говоря, через процессы социализации, основанные на культурных кодах индивидуума, латентная структура проникает в психологию и когнитивные процессы участников и таким образом влияет на их экономическую практику. Латентная структура, предложенная Фу Пином, имеет сходство с неформальными социальными институтами: такого рода структура воспринимается участниками как здравый смысл, негласное согласие, и получает более широкое соблюдение и применение в реальной экономической жизни, фактически оказывая более практическое воздействие на экономическую практику участников. Значение этого вида структуры для участников больше, чем влияние явной структуры. Она, безусловно, занимает важное место в экономической жизни, но имеет свойство проявляться во взаимодействии с элементами видимой структуры. Более того, элементы первой (явной) структуры оказывают влияние и формируют аспекты второй структуры, а некоторые элементы скрытой структуры после определенного исторического развития также могут превратиться в явную структуру (Фу Пин 2010: 224).

Если изменения в рыночной структуре и формирование рыночного порядка в основном связаны с изменениями в политико-структурных

условиях рынка, то такие факторы, как политика и два типа структур, сочетаются особым образом, формируя уникальные взаимодействия, которые определяют повседневную работу рынка и решают, как рынок будет эволюционировать дальше (Фу Пин 2015). Китайские ученые полагают, что предложенная ими теоретическая рамка не является простым накоплением различных факторов и считают, что почти все комплексные аналитические рамки, ориентированные на рынок, не создаются ради сложности как таковой, а в методологическом плане пытаются добиться «многомерной, но ограниченной интеграции», чтобы лучше понять и объяснить рыночные явления в конечном итоге (Фу Пин 2018а).

Институционально-деятельностный подход

Китайские социологи Чэнь Вэньцзян, Ван Сюнган, Ван Хэцзян и отчасти экономист Линь Ифу, анализируя современные представления о рынке в Китае, отмечают, что западные взгляды на сущность рынка продолжают занимать доминирующее положение, что приводит к тому, что китайский рынок воспринимается как нечто «странное». Они утверждают, что текущая рыночная практика Китая коренным образом отличается от западной социологической концепции рынка и требует разработки нового аналитического подхода для переосмысления теории рынка (Чэнь Вэньцзян, Ван Сюнган 2021: 104–105; Ван Хэцзян 2021; Линь Ифу 2019: 10).

Они анализируют социальные сети и институциональное устройство как основные прикладные измерения рыночных исследований в экономической социологии и приходят к выводу, что сторонники сетевого подхода слишком много внимания уделяют микроперспективе, фокусируясь на социальных аспектах рыночных отношений, игнорируя при этом политические, культурные и другие контекстуальные элементы (White 2002; Burt 2009). В свою очередь, сторонники институционального подхода пытаются включить культурные, властные и зависимые от ресурсов элементы, чтобы преодолеть слишком абстрактный характер сетевого анализа, однако сталкиваются с трудностями при определении взаимосвязей между институтами и действиями на рынке (Ван Хэцзян 2009). На основе выявленных слабых мест в обозначенных подходах Чэнь Вэньцзян и Ван Сюнган полагают, что большинство текущих исследований рынка представляют его как статичную структуру, игнорируя активностей участников рынка. Китайские социологи отмечают, что, хотя некоторые ученые и обращают внимание на социальную укорененность рыночных институтов, глубокого исследования взаимодействия между институтами и действиями не происходит. Слишком большое внимание уделяется

политическим аспектам рынка, что отвлекает от анализа реальных социальных переменных рынков. Однако, несмотря на углубленное обсуждение рыночной теории, в работах других ученых не хватает эмпирических исследований (Чэнь Вэньцзян, Ван Сюнган 2021: 107–109).

Чэнь Вэньцзян и Ван Сюнган утверждают, что текущее развитие рыночных отношений и государства в Китае не соответствует западной модели рыночной экономики, но представляет собой эффективный путь развития через их активное взаимодействие (Линь Ифу 2019: 10). В свете новых рыночных явлений, возникающих в процессе развития Китая, они пересматривают объекты исследования и создают индигенизированную теорию рыночной практики, учитывающую местные условия. Такой подход, основанный на практике, может предложить более реалистичный теоретический анализ.

В контексте предложенной аналитической рамки «институции — действия» Ван Хэцзян отмечает, что, по сути, институты являются правилами поведения или социальной организацией, представляя собой нормы и стандарты, которым следуют участники в своих действиях; рассматривают логику рыночных институтов и предлагают различать формальные и неформальные институты на рынке (Ван Хэцзян 2021). Формальные институты включают государственную экономическую систему, базовую экономическую систему, экономические механизмы управления; неформальные институты охватывают обычаи, нормы, моральные категории (например, доверие и честность) в экономической жизни. Они также признают важность политико-культурного анализа, предложенного Н. Флигстином, утверждая, что культурные традиции формируют различные траектории развития рынков, и что за каждым механизмом координации рынка стоят разные политические и социально-культурные идеи (Флигстин 2013). Чэнь Вэньцзян и Ван Сюнган анализируют, как развивается внутренний рынок под влиянием политической системы, когда государство начало поощрять развитие частного и индивидуально-предпринимательства, что снимало институциональные барьеры для развития рынка: с одной стороны, под воздействием государства на национальном уровне, с другой — за счет местных рыночных практик (Чэнь Вэньцзян, Ван Сюнган 2021: 111–112).

В исследовании стратегий действий на рынке Чэнь Вэньцзян, Ван Сюнган, Линь Ифу опираются на исследования Фу Пина для деления участников рынка на две основные категории: субъекты рынка, включая предприятия, коммерческих посредников, кооперативы и крестьянские хозяйства, и так называемые не-субъекты рынка, под которыми понимаются правительство, профессиональные ассоциации, университеты,

научные учреждения и технических экспертов (Фу Пин 2018b). Благодаря изменениям в макрополитической среде и развитию рыночной экономики при поддержке государства на этих участников оказывалось влияние. Так, политическая власть на местах, руководствуясь политическими решениями сверху, старалась активизировать рынок, развивать деятельность предприятий на уровне поселений. Все это способствовало тому, что рыночные действия стали восприниматься как базовые социальные ценности, которые внедрялись в структуру сознания людей и становились формами социализированного поведения. Рыночные субъекты множились в своем количестве, каждый из них вносил свой вклад в развитие рыночной экономики, опираясь на свои привычки, традиции производства и социальные связи. Теоретические разработки экономиста Линь Ифу имеют ярко выраженную экономико-социологическую специфику. Так, в своей теории новой структурной экономики он исходит из того, что структура отраслей и типов рынков эндогенна структуре факторных надделений страны и их эволюции. Успешное развитие, согласно Линь Ифу, требует сочетания «эффективного рынка» и «деятельного государства»: государство, опираясь на выявленные сравнительные преимущества, помогает предпринимателям осваивать отрасли с потенциальными преимуществами, устраняя институциональные и инфраструктурные барьеры и снижая трансакционные издержки (Lin 2021: 1–4). Другими словами, в подходе Линь Ифу особое внимание уделяется трансформации взаимодействия рынка (эффективного рыночного механизма) и правительства (ответственного государственного управления). Тем самым его подход не противопоставляет государство и рынок, а рассматривает институциональные реформы и предпринимательскую активность как взаимодополняющие процессы, что концептуально близко к институционально-деятельностному анализу китайского рынка.

Таким образом, институционально-деятельностный подход позволяет рассматривать усилия формальных институциональных изменений и развития рыночной трансформации как взаимно сосуществующие и взаимно стимулирующие друг друга. На основе анализа различных аспектов теоретическая рамка «институт-действие», предложенная китайскими учеными, может быть представлена как, с одной стороны, активизация институциональной системы, которая стимулирует развитие рыночных элементов; с другой, как стратегии действий, включающие активное исследование путей развития рынка всеми участниками, что способствует процветанию современного китайского рынка; с третьей стороны, взаимодействие институтов и действий на практической основе, которое решает проблемы рыночных сбоев или несвоевременных действий

государства, достигая новой модели рыночного управления, где рынок эффективен, а государство активно (Чэнь Вэньцзян, Ван Сюнган 2021: 113).

Таким образом, теоретическая перспектива институционально-деятельностного подхода признает реалии развития современного китайского рынка и актуальные проблемы, считая реальные рыночные практики основным объектом исследования. Это не только отвечает на западные представления о рынке, но и способствует теоретическому продвижению в изучении современного китайского рынка.

Реляционный подход:

типы отношений — способы транзакции — структура рынка

Вклад в развитие реляционного подхода к анализу китайского рынка внесли профессор Пекинского университета Лю Шидин и профессор Университета Цинхуа Ло Цзяньдэ. В работах Лю Шидина центральным понятием становится «обладание» как эмпирический аналог прав собственности. Анализируя трансформацию деревенских институтов и их эволюцию, он показывает, как фактическое обладание, когнитивные представления акторов о правах и плотные сети родственных и политико-административных связей совместно определяют реальное распределение правомочий и траектории институциональных реформ, а формально закрепленный титул всегда «встроен» в отношения власти и взаимности. Опираясь на идеи укорененности и реляционного контракта, Лю Шидин демонстрирует, что устойчивость рыночных сделок и изменение режимов собственности зависят от динамики сетей и от социального признания прав со стороны местного сообщества, а не только от юридических норм (Лю Шидин 2004: 202–208; 2008: 41–45). Ученик М. Гранноветтера Ло Цзяньдэ развивает сетевой инструментарий новой экономической социологии применительно к китайским организациям, рынкам, исследованиям «кругов» и гуаньси. В частности, он показывает, как структура эгоцентрических сетей, баланс сильных и слабых связей, а также разные режимы доверия и обязательств формируют доступ предпринимателей к ресурсам, возможность мобилизовать «круг» в критические моменты и тем самым — траектории рыночной конкуренции и организационных изменений в Китае (Ло Цзяньдэ 2011: 96–97; 2012: 165–166).

Продолжая развитие реляционного подхода, китайский социолог Вэй Хайтао анализирует структуру отношений между участниками рынка с точки зрения сетевых взаимодействий для оценки их влияния на экономическую эффективность и экономические решения. Он рассмотрел институциональные нормы и легитимность как факторы, объясняющие действия на экономическом рынке и изменения рыночного порядка, а так-

же подчеркнул влияние культуры, традиций и ценностей на формирование рынка. Вэй Хайтао считает, что перечисленные подходы игнорируют процесс достижения согласия между участниками экономических транзакций. Поэтому он разрабатывает теоретическую модель анализа достижения согласия и принятия решения в двусторонних торговых отношениях и механизмах достижения двусторонних экономических транзакций (Вэй Хайтао 2022b: 122–123).

В своих исследованиях Вэй Хайтао рассмотрел концепцию, предложенную В. Зелизер в исследованиях экономики и близких отношений (Zelizer 2012; Zelizer 2009). С точки зрения реляционного подхода В. Зелизер выделила четыре элемента: связи в отношениях, экономические сделки (транзакции), средства обмена и понимание смысла. Вэй Хайтао отмечает, что такой подход, во-первых, чаще всего применяется в неформальной экономике, такой как семейные отношения или займы, но в нем меньше внимания уделяется классическим вопросам построения рынка. Во-вторых, в этом подходе обращается внимание на разнообразие социальных отношений в терминах их широты, долговечности и эмоциональной вовлеченности, однако, по мнению китайского социолога, мало внимания уделяется различным способам и механизмам взаимодействия между торговыми сторонами в одинаковой институциональной среде (Вэй Хайтао 2022a: 213–223). Вэй Хайтао предлагает свою аналитическую рамку или практический подход для сопоставления связей в отношениях с экономическими транзакциями. Он вводит понятия встроенных связей и отстраненных связей для операционализации отношений. Аналогом понятия встроенности может быть понятие укорененности, или укорененных связей, основанных на индивидуальном доверии и часто не требующих выраженных контрактных обязательств. В то же время так называемые отстраненные, или неукорененные, связи основаны на рациональности действующих лиц, которые действуют согласно принципу максимизации личной выгоды, что отражает однородный и неличностный характер рыночных транзакций. Для дальнейшего уточнения возможных типов транзакций Вэй Хайтао использует результаты социологических исследований рыночного обмена, в которых наиболее часто сравниваются такие понятия, как «транзакции на основе взаимности» и «транзакции на основе переговоров». В отличие от первых, которые подчеркивают отложенные выгоды и отсутствие процесса торга, похожего на обмен подарками, транзакции на основе переговоров акцентируют немедленную доставку выгоды и равноценный обмен, где стороны согласовывают условия обмена одновременно, представляя собой немедленную взаимность (Вэй Хайтао 2022b: 124–127).

В итоге Вэй Хайтао сформулировал первую и вторую части своей аналитической рамки «типы отношений — способы транзакции — структура рынка». Первая часть использует укорененные и отстраненные связи для различения характеристик отношений. Укорененные связи относятся к ситуациям, когда стороны спроса и предложения на рынке встроены в небольшие групповые сети с основой в доверительных отношениях; второй тип связей характеризуется отсутствием длительных взаимодействий между сторонами спроса и предложения, что отражает неличностные черты отношений. Вторая часть аналитической рамки для описания способов транзакции между сторонами рынка использует различия между сделками на основе взаимности и сделками на основе переговоров. Объединение первой и второй частей формирует третью часть аналитической рамки: результаты соответствия типов отношений и способов транзакции (табл.).

Таблица

Аналитическая рамка построения рынка (Вэй Хайтао 2022b: 127)

		Способы транзакции	
		Сделка на основе взаимности	Сделка на основе переговоров
Типы отношений	Укорененные связи	Укорененная взаимная сделка	Укорененная переговорная сделка
	Отстраненные связи	Отстраненная взаимная сделка	Отстраненная переговорная сделка

Укорененная взаимная сделка означает, что до совершения сделки обе стороны находятся в малой групповой сети, где одна сторона предоставляет продукт или услугу, полезную для другой стороны, без подтверждения информации о взаимности (будет ли ответная реакция, когда и в какой степени), например, займ между друзьями. Укорененная переговорная сделка означает, что, хотя до сделки обе стороны участвуют в какой-то общей сетевой деятельности, они согласовывают условия сделки для достижения общепризнанного соглашения, например распределение домашних задач в семье. Отстраненная взаимная сделка означает, что до сделки стороны не знакомы и не имеют истории длительного взаимодействия, однако одна сторона рискует предоставлением продукта или услуги без гарантии взаимности, например в деятельности, связанной с арендой или финансово-политическими операциями. Отстраненная переговорная сделка приближается к чистой рыночной транзакции, где стороны, не знакомые друг с другом, достигают соглашения, часто сопро-

вождаемого процессом торга, например прямая покупка товара за деньги. Когда транзакции становятся основной единицей анализа при построении рынка и типы отношений лежат в основе формирования сделок, это приводит к формированию аналитической рамки «типы отношений — способы транзакции — структура рынка».

Вэй Хайтао применяет свою рамку для анализа формирования рынка труда в строительной отрасли Китая, сосредоточивая внимание на том, как огромная группа работников из деревень, нанятых в строительной индустрии Китая, взаимодействует с работодателями для создания соответствующего рынка труда. Исследование показало, что подрядчики и строительные рабочие имеют различные способы связей, которые сочетаются с различными способами транзакций, формируя разные типы сделок: укорененная взаимная сделка, укорененная переговорная сделка и отстраненная переговорная сделка, которые вместе формируют структуру и порядок на рынке труда в строительной отрасли. В частности, в укорененной взаимной сделке личные отношения являются связующим звеном, а взаимопонимание служит основой для взаимодействия, при этом личные отношения являются ключевым механизмом поддержания сделки. В укорененной переговорной сделке работодатель и рабочий объединены сетью отношений между земляками, их взаимодействие характеризуется квазипереговорным режимом, зависящим от механизма репутации. В отстраненной переговорной сделке работодатель и рабочий в основном соединены через посреднические отношения, их взаимодействие основано на переговорах, при этом немедленная симметрия выгод является ключевым механизмом поддержания сделки.

Практика создания рынка труда в строительной отрасли подтвердила, что даже внутри одного рынка способы согласования сделок между сторонами спроса и предложения могут быть разнообразными. Вэй Хайтао также отмечает, что его исследование раскрывает динамические характеристики концепции рыночных отношений и ее аналитический потенциал в контексте китайского опыта (Вэй Хайтао 2022b: 123–124).

Заключение

На примере рассмотренных теоретических подходов китайских экономических социологов можно сделать ряд выводов. Во-первых, система рыночных отношений в Китае обладает уникальными характеристиками, которые отличают ее от прозападных аналогов, прежде всего это активная роль государства в рыночных делах. Во-вторых, западные теории рынка не принесли адекватных результатов при анализе китайского рынка, что способствовало смене научных подходов — от заимствования зарубеж-

ного опыта к необходимости разработки индигенизированных теорий и подходов. В-третьих, в современных научных подходах, разработанных китайскими социологами, акцент делается на такие ключевые элементы, как политика, культура и отношения. Это не означает изоляцию китайских ученых в своих исследованиях, скорее это говорит о достижении нового этапа развития, когда они начали активно разрабатывать собственные аналитические инструменты, которые более адекватно отражают реальность китайского рынка.

Использование политико-культурного, институционально-деятельностного и реляционного подходов демонстрирует стремление китайских ученых разработать универсальные теоретические рамки, которые позволяют глубже анализировать рыночные процессы в Китае. После пандемии началась новая эпоха в развитии национального рынка, направленного на формирование новой экономической структуры Китая, означающей прежде всего продолжение усиления роли государства и одновременно отказ от стратегии экономического роста любой ценой [China Briefing 2022]. На наш взгляд, актуализация в экономико-социологическом анализе работ, находящихся на пересечении разных наук (экономики, социологии, истории и пр.), открывает дополнительные перспективы для развития научного знания на основе междисциплинарного синтеза. Таким образом, открываются новые возможности для теоретизирования, китайские экономические социологи получают уникальную возможность для разработки комплексной теоретической модели китайского рынка.

Выражение благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 24-28-01448.

Авторы выражают благодарность анонимному рецензенту за критику и ценные предложения.

Литература / References

Ван Хэцзян (2009) Теория социальной практики, ведущая к рынку: своего рода переориентация. *Китайский журнал социологии*, 29(5): 64–87 (на кит. яз.).

Wang Hejian (2009) Toward a Social Practice Theory of Market: A Further Diversion. *Chinese Journal of Sociology*, 29(5): 64–87 (in Chinese).

Ван Хэцзян (2021) Переосмысление понятия «экономика и общество»: проблема и выбор направления развития экономической социологии. *Цзяньхайский академический журнал*, 1: 112–122 (на кит. яз.).

Wang Hejian (2021) Rethinking of “Economy and Society”: Issue and Choice of Shift Development of Economic Sociology. *Jianghai Academic Journal*, 1: 112–122 (in Chinese)

Вэй Хайтао (2022a) От внедрения к реляционному функционированию: два направления исследований в области экономической социологии. *Гуандунские социальные науки*, 5: 213–223 (на кит. яз.).

Wei Haitao (2022a) From Embedding to Relational Operation: The Two Orientations of Economic Sociology Research. *Guangdong Social Sciences*, 5: 213–223 (in Chinese).

Вэй Хайтао (2022b) Типы взаимоотношений, методы транзакций и структура рынка труда в строительной отрасли Китая. *Социологические исследования*, 5: 122–142 (на кит. яз.).

Wei Haitao (2022b) Relationship Types, Transaction Methods and the Construction of the Labor Market in China's Construction Industry. *Sociological Research*, 5: 122–142 (in Chinese).

Грановеттер М. (2002) Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности. *Экономическая социология*, 3(3): 44–58.

Granovetter M. (1985) Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness. *American Journal of Sociology*, 91(3): 481–510.

Дерюгин П. П., Лебединцева Л.А., Веселова Л.С. (2018) Векторы становления китайской социологии: прагматическая направленность, сохранение традиции. *Социологические исследования*, 7: 124–134.

Deriugin P.P., Lebedintseva L.A., Veselova L.S. (2018) Vectors of Chinese Sociology Becoming: Pragmatic Orientation and Maintaining of Tradition. *Sotsiologicheskiiye issledovaniya* [Sociological research], 7: 124–134 (in Russian).

Лебединцева Л.А., Дерюгин П. П., Сюй Луньхуэй, Лю Тяньси. (2024) Влияние развития рыночной экономики в Китае на экономическую социологию: конкретизация условий. *Вестник экономики, права и социологии*, 4: 286–290.

Lebedintseva L.A., Deriugin P.P., Xu Lunhui, Liu Tianxi. (2024) The Impact of the Development of the Market Economy in China on Economic Sociology: Concretization of Conditions. *Vestnik Ekonomiki, Prava i Sociologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology], 4: 286–290 (in Russian).

Линь Ифу (2019) *Новая структурная экономика*. Пекин: Изд-во Пекин. ун-та (на кит. яз.).

Lin Yifu (2019) *New Structural Economics*. Beijing: Peking University Press (in Chinese).

Ло Цзядэ (2011) *Социальная сеть и природа китайского менеджмента*. Пекин: Изд-во литературы по общественным наукам: 96–97 (на кит. яз.).

Luo Jiade (2011) *Social Networks and Chinese Indigenous Management*. Beijing: Social Sciences Academic Press, pp. 96–97 (in Chinese).

Ло Цзядэ (2012) Взаимоотношения и круги общения — феномен кругов на рабочем месте в Китае. *Журнал менеджмента*, 9 (2): 165–166 (на кит. яз.).

Luo Jiade (2012) Guanxi and circles: Social Networks in China. *Chinese Journal of Management*, 9(2): 165–166 (in Chinese).

Лю Шидин (2004) Внедрение и контракты взаимоотношений. *Ежегодник китайской социологии за 1999–2002 годы*: 202–208 (на кит. яз.).

Liu Shiding (2004) Embeddedness and relational contracts. In: *China Sociology Yearbook 1999–2002*. Beijing: Social Sciences Academic Press: 202–208 (in Chinese).

Лю Шидин (2008) Обсуждение вопросов защиты прав собственности и общественного признания в целях дальнейшего совершенствования структуры прав собственности. *Общество*, 03:41–45 (на кит. яз.).

Liu Shiding (2008) Property rights protection and social recognition: Further discussion on the improvement of property rights structure. *Society*, 3: 41–45 (in Chinese).

Поланьи К. (2002) *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя.

Polanyi K. (2001) *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. Boston: Beacon Press.

Флигстин Н. (2013) *Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века*. Пер. с англ. А.А. Куракина. М.: ИД ВШЭ.

Fligstein N. (2001) *The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies*. New Jersey: Princeton University Press.

Флигстин Н. (2003) Рынки как политика: политико-культурный подход к рыночным институтам. *Экономическая социология*, 4(1): 45–63.

Fligstein N. (1996) Markets as Politics: A Political-Cultural Approach to Market Institutions. *American Sociological Review*, 61(4): 656–673.

Фу Пин (2010) На пути к всеобъемлющей парадигме социологии рынка: обзор работы Н. Флигстина «Структура рынка» и обсуждение вопроса о пересмотре ее парадигмы. *Социологические исследования*, 25(2): 211–225 (на кит. яз.).

Fu Ping (2010) Towards a Comprehensive Paradigm of Market Sociology: a Review of Fligstein's "The Structure of the Market" and a Discussion on its Paradigm Revision. *Sociological Research*, 2010, 25(2): 211–225 (in Chinese).

Фу Пин (2013) *Социальная логика рынка*. Шанхай: Шанхайский книжный магазин Саньянь (на кит. яз.).

Fu Ping (2013) *The Social Logic of the Market*. Shanghai: Sanlian Bookstore (in Chinese).

Фу Пин (2015) Достижения и вызовы китайской экономической социологии, начиная со второго столетия. *Общественные науки*, 11: 91–102 (на кит. яз.).

Fu Ping (2015) The Achievements and Challenges of Chinese Economic Sociology since the New Century. *Social Sciences*, 11: 91–102 (in Chinese).

Фу Пин (2018a) *Рыночные преимущества и институциональная среда*. Пекин: China Social Sciences Press (на кит. яз.).

Fu Ping (2018a) *Market Advantages and Institutional Environment*. Beijing: China Social Sciences Press (in Chinese).

Фу Пин (2018b) Рыночная система и промышленные преимущества: социологическое исследование, посвященное формированию региональных различий в индустриализации сельского хозяйства. *Социологическое исследование*, 33(1): 169–193 (на кит. яз.).

Fu Ping. (2018b) Market System and Industrial Advantages: a Sociological Study on the Regional Differences Formation in Agricultural Industrialization. *Sociological Research*, 33(1): 169–193 (in Chinese).

Фу Пин, Дуань Синьсин (2023) Исследование рыночной системы в Китае: экономико-социологическая перспектива. *Журнал Центрально-Китайского педагогического университета (гуманитарные и социальные науки)*, 62(2): 81–95 (на кит. яз.).

Fu Ping, Duan Xinxing (2023) Exploration of Market System in China: An Economic Sociological Perspective. *Journal of Central China Normal University (Humanity and Social Sciences)*, 62(2): 81–95 (in Chinese).

Чэнь Вэньцзян, Ван Сюнган (2021) Трансформация рынка и возвращение действия: исследование рынка с точки зрения социалистической социологии с китайской спецификой. *Ланьчжоу*, 12:104–105 (на кит. яз.).

Chen Wenjiang, Wang Xionggang (2021) The Rheology of “Market” and the Return of “Action”: Market Research from the Perspective of Socialist Sociology with Chinese Characteristics. *Lanzhou Journal*, 12: 104–105 (in Chinese).

Burt R. S. (2009) *Structural Holes: The Social Structure of Competition*. London: Harvard University Press.

Fligstein N. (2008) Myths of the Market. In: Ebner A., Beck N. (eds.) *The Institutions of the Market: Organizations, Social Systems, and Governance*. Oxford: Oxford University Press: 131–156.

Fligstein N. (1995) Networks of Power or the Finance Conception of Control? Comment on Palmer, Barber, Zhou, and Soysal. *American Sociological Review*, 60(4): 500–503.

Fu Ping, Yang Dian (2021) Economic Sociology in China: Past and Promises. *Economic Sociology. Perspectives and Conversations*, 23(1): 5–10.

Gruin J., Massot P. (2021) Conceptualizing contemporary markets: Introduction to the special issue. *Competition & Change*, 25(5): 507–516.

Kluttz D., Fligstein N. (2016) Varieties of sociological field theory. In: Abrutyn S. (ed.) *Handbook of contemporary sociological theory*. Springer: 185–204.

Lee K. P. (2006) The Economic Sociology of China’s Market Transition: a Conceptual Analysis. *International Area Review*, 9(1): 217–235.

Lin J.Y. (2021). New Structural Economics: A Framework of Studying Government and Economics. *Journal of Government and Economics*, 2: 100014.

White H. C. (2002) *Markets from Networks: Socioeconomic Models of Production*. Princeton: Princeton University Press.

Zelizer V. (2009) *The Purchase of Intimacy*. Princeton: Princeton University Press.

Zelizer V. (2012) How I Became a Relational Economic Sociologist and What Does That Mean? *Politics & Society*, 40(2): 145–174.

Источники

China Briefing. (2022) *China's "National Unified Market" — Standardizing the Domestic Market to Spur Internal Circulation* [<https://www.china-briefing.com/news/chinas-national-unified-market-standardizing-the-domestic-market-to-spur-internal-circulation/>] (дата обращения: 27.01.2025) (на кит. яз.).

MARKET THEORY IN CHINESE ECONOMIC SOCIOLOGY: MODERN SOCIOLOGICAL APPROACHES

Liubov Lebedintseva^{1, 2} (lbebedintseva879@gmail.com),
Pavel Deriugin^{1, 2} (deriuginpav@yandex.ru),
*Xu Lunhui*¹ (st065841@student.spbu.ru)
*Liu Tianxi*¹ (st084090@student.spbu.ru)

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

² Sociological Institute of the RAS – Branch of the FCTAS RAS

Citation: Lebedintseva L., Deriugin P., Xu Lunhui, Liu Tianxi (2025) Market theory in Chinese economic sociology: modern sociological approaches. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(4): 127–145 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.6> EDN: KKHQ0S

Abstract. For the first time, the article analyzes the indigenized economic and sociological approaches of Chinese sociologists to the market and market activity. It is noted that modern economic sociology in China is a dynamically developing branch of sociological knowledge, has its own representatives and concepts, its appearance coincided with the beginning of market transformations in China and the implementation of economic reforms in the 1970s of the 20th century. The article focuses on three theoretical areas in market analysis that identify and reveal the interaction of market mechanisms with public policy and the socio-cultural context: political-cultural and political-structural; institutional-activity and relational approaches. As part of the first approach, Chinese sociologists Fu Ping and Duan Xinxing first adapt the political and cultural approach to Chinese reality. They develop their own political-structural approach, which identifies explicit and latent types of structures in the market, as well as political and cultural factors of the market system. The institutional-activity approach of Chen Wenjiang and Wang Xionggang is based on the current development of market relations and the state in China as different from the Western model of the market economy. They distinguish formal and informal institutions in the market, as well as classify all actors into subjects and non-subjects of the market, establish types of relations and interrelations between

them. The institutional activity approach allows us to consider the results of formal institutional changes and the development of market transformation as mutually coexisting and mutually stimulating each other. The relational approach of Liu Shiding, Luo Jiande, and Wei Haitao is based on the formation of an analytical framework “types of relationships — transaction methods — market structure”; it uses the categories of rooted and detached relationships to operationalize relationships and develops its own classification of possible market relations. In general, the considered approaches of Chinese sociologists demonstrated the development of adequate theoretical tools for analyzing the originality and uniqueness of local development trajectories of the Chinese market. In conclusion, a conclusion is drawn about the immediate prospects for future research in Chinese economic sociology in the context of the new policy of a single national market.

Keywords: Chinese economic sociology, market theory, political-cultural approach, political-structural approach, institutional-activity approach, relational approach, theory of indigenization

Acknowledgements

This work was supported by the grant no. 24-28-01448 from the Russian Science Foundation.

The authors would like to thank the anonymous reviewer for his criticism and valuable suggestions.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

АМБИВАЛЕНТНАЯ РОЛЬ УВЛЕЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРОЙ В ФОРМИРОВАНИИ ГИБРИДНЫХ МАСКУЛИННОСТЕЙ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ ИЗ СЕМЕЙ С НИЗКИМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ СТАТУСОМ¹

Максим Павлович Котельников (maximant13@yandex.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Котельников М.П. (2025) Амбивалентная роль увлечения литературой в формировании гибридных маскулинностей молодых людей из семей с низким социально-экономическим статусом. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(4): 146–176. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.7> EDN: KMONJM

Аннотация. Статья посвящена анализу социально-культурных причин, влияющих на выбор «литературных» специальностей молодыми людьми из семей с низким социально-экономическим статусом, а также противоречий, сложностей и преимуществ, связанных с этим выбором. На основе глубинных интервью с 11 информантами из различных городов России (нынешними и недавними студентами) автор утверждает, что подобный выбор обуславливается главным образом двумя факторами: гендерной стигматизацией и увлеченным чтением неконформистской литературы. Гендерная стигматизация, переживаемая в детстве и в подростковом возрасте, в данном случае связана с невозможностью (и/или нежеланием) информантов «встраиваться» в патриархатный канон поведения. Опыт перенесения стигматизации заставляет информантов пытаться дистанцироваться от враждебного мира и найти новые источники его осмысления. Таким средством становится чтение неконформистской литературы, содержащей в себе нарративные модели гибридных маскулинностей, которые стремятся практиковать информанты. Поступление на литературные специальности представляется им шансом не предать свои идеалы (желание заниматься литературой) и оказаться в менее патриархатной среде. Несмотря на декларируемую гордость за свой выбор, информанты сталкиваются с целым рядом трудностей: устойчивостью патриархатных установок в академической среде, финансовой нестабильностью, непониманием со стороны семей и ощущением профессиональной непригодности. Некоторые участники исследования надеялись на то, что образование автоматически обеспечит им культурный и символический капитал, однако при этом не предпринимали активных шагов для интеграции в литературное поле. Их пассивность

¹ Статья подготовлена на результатах исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

объясняется как нехваткой культурного капитала, так и внутренним убеждением в невозможности добиться успеха в выбранной сфере. Эта установка дополнительно подкрепляется избираемым стилем жизни, вдохновленным неконформистскими литературными нарративами (в частности, эстетикой битников), что, в свою очередь, приводит к нормализации бедности, обильному употреблению алкоголя и, нередко, воспроизводству некоторых патриархатных стереотипов поведения.

Ключевые слова: гендер, художественная литература, маскулинность, высшее образование, патриархат, стигматизация, контркультура

Против окружавшего ее мира грубости у нее было лишь единственное оружие: книги, которые она брала в городской библиотеке; особенно романы: она прочитала их уйму — от Филдинга до Томаса Манна. Они давали ей возможность иллюзорного бегства из жизни, не удовлетворявшей ее, а кроме того, имели для нее значение и некой вещи: она любила, держа книгу под мышкой, прохаживаться по улице. Книги обрели для нее то же значение, что и элегантная трость для денди минувшего века. Они отличали ее от других.

М. Кундера.

«Невыносимая легкость бытия»

Постановка проблемы

Идея исследования зародилась в процессе изучения роли чтения в жизни молодых мужчин¹. Мотивацией к изучению именно мужского читательского опыта послужило то, что до сих пор в исследованиях чтения гендер читающих либо не принимался во внимание, либо в фокусе оказывались женщины (Radway 1984; Самутина 2013; Thumala Olave 2017; Савкина 2023). Одной из наших главных находок оказалось то, что молодые люди, увлеченные² чтением и выходящие из семей с низким социально-

¹ Возраст информантов находился в диапазоне от 18 до 29 лет.

² Под увлеченными читателями в данном случае мы подразумеваем тех молодых людей, которые читают не просто время от времени (например, в метро или на отдыхе), но тех, для кого чтение имеет существенное значение в жизни, и тех, кто уделяет ему значительную часть своего свободного времени. Приводить коли-

экономическим статусом (далее — СЭС), часто сталкивались со стигматизацией своей любви к литературе как в кругу семьи, так во дворе и даже в школах. Эта находка показалась нам контринтуитивной ввиду того, что в публичном дискурсе (в частности, в речах высокопоставленных государственных деятелей, имеющих прямое влияние на образовательную политику), непрестанно звучат тезисы о том, что чтение художественной литературы способствует не только «духовному обогащению» человека, но и увеличивает его карьерные шансы на рынке труда.

На уровне здравого смысла казалось малопредставимым, что много читающий молодой человек может стать объектом стигматизации и даже остракизма. Однако в наших интервью из раза в раз мы наблюдали воспроизводство сюжетов, связанных с буллингом читающих. Как выяснилось, связь между увлечением чтением и стигматизацией имела сложный характер. Многие информанты упоминали о том, что еще до того, как стали увлеченными читателями, подвергались буллингу в различных социальных группах, по их мнению, по причине того, что они не соответствовали традиционным (во многом патриархатным) представлениям о том, как должен себя вести «настоящий мужчина». Увлечение чтением, в свою очередь, только закрепляло эту стигматизацию, поскольку воспринималось окружением информантов как «немужское занятие» (особенно в подростковом и взрослом возрасте). Практически все наши информанты вспоминали о различных по степени травматичности ситуациях, когда они категоризовались представителями их окружения как «женственные», «неполноценные», «странные», «юродивые», «слабые» и пр. Нередко чтение становилось своего рода реакцией на практики стигматизации, один из ключевых смыслов которой заключался в наборе дистанции по отношению к социальным группам, в которых им приходилось существовать. Слово «дистанция» имеет здесь два значения. С одной стороны, чтение подразумевает уединение. Читающий человек может легитимно избегать социального взаимодействия, при этом не будучи обвинен в том, что он «ничем не занят» (Гоффман 2017). С другой стороны, дистанция приобретает и смысловой характер: погружение в вымышленные миры способствует знакомству со стилями жизнями и ценностями, отличными от тех, которые имеют место в социальных группах, в которые включен читающий (Felski 2008; Fluck 2013).

чественные оценки в данном случае нам кажется не вполне целесообразным, однако, если судить по интервью с информантами, то все они читают практически каждый день, находятся в постоянном поиске новых для себя авторов и тратят на чтение в среднем около 2–5 часов в день.

Следующей (и, пожалуй, главной) находкой стало обнаружение следующей взаимосвязи: часть увлеченных чтением молодых людей выбрали при поступлении в высшие учебные заведения творческие специальности, связанные с изучением литературы и писательством (в большинстве случаев речь шла либо о филологических факультетах различных вузов, либо о Литературном институте им. Горького). Такая взаимосвязь казалась логичной, как минимум потому что увлечение литературой действительно может вести к тому, что много читающий человек захочет тем или иным образом связать свою жизнь с деятельностью, имеющей отношение к литературе. Однако в нашем случае неожиданность такого выбора заключается в том, что поступление на такого рода специальности связано с существенными финансовыми и карьерными рисками, поскольку овладение такими специальностями может вызвать сложности с нахождением хорошо оплачиваемой работы. Принципиальное отличие абитуриентов из семей с низким СЭС (к коим относятся наши информанты) от других абитуриентов состоит в том, что экономические ресурсы их родителей существенно ограничены, в связи с чем выбор специальности становится экзистенциально и экономически значимым (Reay et al. 2009; Walker 2022). Такие студенты в большинстве своем лишены «права на ошибку» ввиду того, что их семья не может предоставить им финансовую подушку безопасности, если что-то пойдет не так. Неудивительно, что для многих выходцев из семей с низким СЭС выбор специальности в первую очередь обусловлен экономической целесообразностью овладения той или иной профессией и минимизацией образовательных рисков (Лукина 2023). Наши информанты явно выбивались из этого тренда, в связи с чем мы задались вопросом: почему увлеченные чтением молодые люди из семей с низким СЭС выбирают связанные с литературой образовательные треки (и близкие к таковым) и к каким последствиям приводит такой выбор?

Статья организована следующим образом. В первой части мы более подробно обсудим гендерную стигматизацию, с которой сталкивались наши информанты. Мы покажем, что большинство из них испытывали трудности с приведением своих стратегий действия (Swidler 1986) в соответствии с патриархальным каноном, имевшим место в группах, в которых им приходилось социализироваться. Во второй части мы показываем, что увлечение чтением (в основном американской неконформистской литературой) позволило информантам сформировать альтернативные традиционному образцы маскулинности, которым им хотелось бы соответствовать. Не в последнюю очередь именно приобщение к подобной литературе обусловило их образовательный выбор. В третьей части мы

демонстрируем, что опыт обучения на выбранных специальностях оказался достаточно далеким от ожиданий информантов. Мы показываем, что многие информанты все еще продолжали сталкиваться с гендерной стигматизацией (к которой добавилась стигматизация по признаку социально-экономического статуса), а также встретились с новым вызовом: невозможностью обрести социальное признание в литературном мире. В заключительной части мы утверждаем, что несмотря на серьезные трудности, последовавшие за образовательным выбором информантов, многие из них не сожалеют о том, что решили посвятить свою жизнь (по крайней мере на данном этапе) литературе. В нарративах информантов прослеживается мысль о том, что отказ от более перспективных и предсказуемых карьер позволил им сохранить чувство собственного достоинства, поскольку их выбор был мотивирован не утилитарной мотивацией накопления экономического капитала, а «высокими» идеалами «служения искусству» (Болтански, Тевено 2013: 140–149), что, в свою очередь, в значительной степени оправдывает в глазах информантов те риски и вызовы, с которыми им приходится жить.

Методология и выборка исследования

В ходе исследования были опрошены 54 молодых человека (34 из них были увлечены литературой, 20 — нет; мы беседовали с молодыми людьми, не увлеченными чтением и письмом, с целью сравнить их биографии с биографиями тех, кто посвящает литературе значительное время и придает этому увлечению экзистенциальный смысл) из разных городов России, включая Москву и Санкт-Петербург. Все информанты являются выходцами из семей с низким СЭС, т.е. их родители не имеют высшего образования и не обладают значительным экономическим капиталом. В рамках статьи обсуждаются образовательные траектории 11 увлеченных литературой молодых людей, решивших связать свою жизнь с профессиональным занятием литературой. Все они в данный момент являются студентами филологических факультетов в различных городах России либо студентами Литературного института им. Горького. Сбор данных проводился посредством глубоких полуструктурированных интервью как в очном, так и в онлайн-формате. Выборка формировалась посредством снежного кома и с помощью личных контактов автора. Все имена информантов изменены для сохранения конфиденциальности. Названия учебных заведений также не указываются (за исключением Литературного института) в целях сохранения анонимности личностей информантов. Важно отметить, что все информанты обучались в обычных (не элитных) школах.

Стигматизация до поступления в вуз

Для опрошенных нами информантов опыт социализации в школе, во дворе и даже в семье был довольно болезненным. Ввиду ограниченного объема статьи мы не будем подробно обсуждать различные аспекты стигматизации, с которой сталкивались информанты. Мы укажем лишь на базовый сюжет, который прослеживается практически во всех взятых нами интервью: информанты испытывали серьезные трудности с приведением своих стратегий действия (Swidler 1986) в соответствие с патриархатными установками, имевшими место в социальных группах, в которых они состояли. Для иллюстрации этого тезиса приведем высказывания трех молодых людей, демонстрирующие гендерную стигматизацию в различных социальных средах.

С отцом у меня были довольно напряженные отношения, мы были абсолютно разными людьми. Он хотел, чтобы я помогал ему ковыряться с машиной, делать ремонт, ездить с ним на рыбалку, такие мужские штуки, а мне все это никогда интересно не было. Мы как-то поехали с друзьями семьи на шашлыки, и меня подрядили собирать мангал и помогать жарить мясо. Я там все запорол, и батя такой: «Нет, это точно не мужик растет». С одной стороны, это было обидно, тем более что сказал он это в присутствии дам, а с другой — я вот таким типичным мужиком, как он, и не хотел расти (Кирилл, 19 лет).

В данном случае мы видим, что отец информанта (у которого отсутствовало высшее образование и который работал монтером) пытался прививать сыну любовь к досуговым практикам, связанным с физическим трудом, сноровкой и коллективным времяпрепровождением (все это черты маскулинных занятий) (Connell 1995; Nayak 2006), однако Кирилл не испытывал никакого интереса к подобного рода активностям и не высказывал желания обучаться этим занятиям, что служило причиной многочисленных неодобрительных высказываний отца и ухудшению их отношений. Другой информант делится травматичным случаем из школьной жизни:

В школе, еще в классе 5, я пошел в баскетбольную секцию, потому что девочкам нравятся спортсмены. На мой взгляд, я в целом не урод, ну худой был, да. Мне казалось, что если я буду играть и буду успешен, то приобрету какое-то признание как среди пацанов, так и среди девочек. В первом же матче межшкольном меня выпустили на замену, я налажал, можно сказать, из-за меня команда проиграла. В раздевалке потом надо мной издевались, украли трусы. Больше я на баскет не ходил, и всю эту спортивную херобору стал презирать (Глеб, 20 лет).

Чтение данного нарратива делает нас свидетелями попытки «встроиться» в патриархатный порядок, «очки» в котором зарабатываются посредством достижений в спортивной жизни школы (снова, как и в предыдущем случае, оказывается важным мотив физического совершенства и умения добиваться своего в соревнователей гомосоциальной среде). Речь идет о «встраивании», поскольку Глеб в другом фрагменте интервью эксплицитно указывает на то, что баскетбол (как и спорт в целом) не входил в сферу его интересов. Он записался в секцию, руководствуясь исключительно желанием получить признание, однако этому желанию не суждено было сбыться. Между словами «налажал» и «запорол» (используемым предыдущим информантом) прослеживается очевидная семантическая близость. Для легитимации своего статуса в патриархатной группе необходимо пройти своего рода «неформальные испытания» (Тевено 2018), которые оказывались не под силу нашим информантам, однако оба указывают на то, что не стремились во что бы то ни стало это признание «заслужить». К примеру, последний информант заявляет о том, что стал презирать спорт и отказался от дальнейших попыток добиться спортивных успехов. В последнем приводимом нами нарративе информант делится переживаниями, связанными с непризнанием среди сверстников во дворе:

Знаешь, мне до сих пор тяжело вспомнить, с чего все это началось и понять, почему это со мной происходило. Возможно, со мной первоначально что-то было не так. Мне говорили о том, что у меня бабские повадки, что я «тепленький», что со мной некомфортно тусить, то я был слишком правильным, то слишком эмоциональным... мне часто приходилось слышать высказывания по типу «пацан ты или кто», «ты че, пидор что ли?» Но мне тяжело выделить какую-то очевидную причину в своем поведении, почему все это происходило (Максим, 22 года).

Если в предыдущих случаях причины стигматизации более или менее понятны информантам, то здесь мы сталкиваемся с очевидным замешательством нарратора с определением точных причин, почему ему не удавалось «вписаться» в группу с патриархатными установками. Выше мы отсылали к концепту «неформальных испытаний» Лорана Тевено, однако, как видим в данном случае, порой суть этих «испытаний» настолько размыта, что «претенденты» на членство и уважение в патриархатной группе не понимают, что именно требуется делать, чтобы добиться желаемого признания. Наша гипотеза состоит в том, что в случае молодых людей, исповедующих патриархатные установки, имплементация последних

происходит настолько незаметно и плавно, что патриархатные стратегии действия становятся самоочевидными, не поддающимися четкой артикуляции, в то время как молодые люди, по тем или иным причинам эти установки не имплементировавшие в раннем детстве, сталкиваются с трудностями в понимании того, как именно следует себя вести, чтобы считаться «настоящим мужчиной». Тем не менее в другой части интервью Максим сообщил, что несмотря на комплекс тяжелых чувств, уже к 8 классу он оставил попытки обрести авторитет во дворе и «переключился» на усильную подготовку к ОГЭ и ЕГЭ по литературе и другим предметам.

Следующий сюжет, на который стоит обратить внимание и который достаточно неплохо освящен в существующей литературе, связан со стигматизацией за достижения в учебе. Как утверждают исследователи, мальчишки, которые демонстрируют успехи в учебе и прилагают для этого усилия, часто подвергаются стигматизации как не соответствующие образу «настоящих парней», причем этот феномен, судя по всему, наблюдается вне зависимости от типа школы. Что интересно: такая ситуация сохраняется вплоть до старших классов, однако чем ближе выпускные экзамены, тем приемлемее становятся успехи в учебе. Эпштейн связывает это с тем, что результаты выпускных экзаменов оказывают определяющее воздействие на шансы потенциальных абитуриентов поступить в вуз, а поступление в элитное учебное заведение, в свою очередь увеличивает шансы на получение высокооплачиваемой работы. Последний момент особенно важен, поскольку в рамках патриархатной нелиберальной логики «полноценным» признается богатый мужчина, поэтому, когда оценки в школе начинают играть роль предикторов успешной сдачи экзаменов, хорошая учеба уже не воспринимается как «ботанство» или «задротство» (Erstein 2004). В свете этого обстоятельства особенно интересной выглядит ситуация одного из наших информантов, который столкнулся с тем, что подвергся стигматизации из-за того, что сдавал ЕГЭ по литературе:

Я учился в сильном классе, и у нас не было такого, что пацаны вообще не учились, нет, у нас практически все учились хорошо. Среди пацанов было не принято хвастаться оценками, но сам по себе факт того, что ты отличник никого не смущал. Важнее были другие вещи. Вот, например, когда пацаны узнали, что я буду сдавать литературу, надо мной начали угарать и начались довольно обидные подколы по типу «и чем ты будешь с этой литературой заниматься». Я был единственным в классе, кто сдавал литературу. И вместо какого-то ореола героичности, меня воспринимали как проблему даже учителя. Типа: нафига тебе нужна эта литература? Еще завалишь, покажите

ли нам испортишь. Сдавай, как все пацаны, матан и физику. Причем училка по литре мне вообще не помогала, и когда я сдал хорошо экзамен, она такая: молодец, конечно, но это не математику и физику сдавать. А литра — очень тяжелый экз (Артем, 21 год).

В данном случае мы наблюдаем ситуацию, когда сам выбор сдаваемого предмета предопределяет дальнейшие практики стигматизации вне зависимости от успешности сдачи экзамена. Эта стигматизация обладает гендерной спецификой: литература воспринимается как предмет, сдача которого бессмысленна с точки зрения карьерных перспектив. Восприятие литературы как «не мужского» (и кажется, вообще лишнего) предмета приводит к своеобразным когнитивным искажениям. Так, учительница литературы (!) указала информанту на то, что его высокие баллы по литературе не сравнимы с высокими баллами по физике и математике (т.е. сдать литературу, по ее мнению, значительно легче, чем указанные предметы), при этом перед сдачей экзамена она беспокоилась о том, что экзамен будет провален, что, вероятно, свидетельствует о том, что все же его нельзя считать легким и не требующим серьезной работы. Разумеется, фраза «показатели нам испортишь» наводит на мысль о том, что за стигматизацией кроются бюрократические опасения, связанные с возможностью того, что ученик получит низкие баллы по предмету, который он вообще мог бы не сдавать. Но почему возникает убеждение в том, что литература — это не тот предмет, который следует выбирать в качестве выпускного экзамена?

Действительно, статистика говорит о том, что литература не является популярным предметом, более того, среди сдающих данный предмет преобладают девушки¹. Однако сам по себе тот факт, что юноши редко сдают литературу, не является объяснением того, почему выбор литературы стигматизируется. Один из наших информантов поделился историей о том, как преподавательница информатики буквально уговаривала мальчиков из его класса сдавать ее предмет (по словам информанта, в итоге этот экзамен выбрали «4–5 человек», что тяжело назвать высоким показателем). Здесь мы видим обратную логику: выбор относительно редкого предмета воспринимается как героический и заслуживающий уважения. Насколько нам известно, в русскоязычном (и мировом) научном пространстве специально не исследовался вопрос отношения учителей к выбору их предметов в качестве экзаменационных. Очевидно, что в России сдача некоторых предметов (например, русского языка и базовой математики) является

¹ См.: <https://tass.ru/obschestvo/23238979>.

обязательной, и каким бы ни было отношение учителей к такому положению вещей, они едва ли могут на него повлиять. Однако в случае остальных предметов открывается пространство для обсуждения. Насколько нам удалось понять со слов информантов, в целом большинство учителей довольно благосклонно относятся к тому, что выбирается их предмет. Вероятно, в таком случае имеет смысл выдвинуть гипотезу о том, что выбор предмета повышает символический статус преподавателя, поскольку выбор предмета косвенно может свидетельствовать в пользу того, что учителю удалось заинтересовать им ученика, что говорит в пользу профессионализма первого. В случае с литературой такой картины не наблюдалось. С одной стороны, в данном контексте выглядит осмысленной прагматическая гипотеза: выбор литературы гипотетически обрекает учителя на большую ответственность, и судя по всему, из преподавателей русского языка и литературы к ней мало кто готов, поскольку литературу выбирают достаточно редко и у многих учителей русского языка и литературы нет богатого опыта подготовки к экзамену по последнему предмету. С другой стороны, как показывают наши данные, дело тут не столько в ответственности, санкциях и гипотетических призовах, сколько в «странности» такого выбора для мальчика.

Чтение литературы как способ борьбы со стигматизацией и как фактор образовательного выбора

Кратко описав травматичный опыт детства и подросткового возраста наших информантов, перейдем к анализу того, как процессы описанной стигматизации «поспособствовали» формированию увлечения литературой и как это увлечение повлияло на выбор образовательной траектории.

В нарративах большинства наших информантов об их жизнях прослеживаются несколько связанных между собой сюжетов: 1) молодые люди нередко говорили о себе как о неконформистах, маргиналах, лишних людях; 2) основная сюжетная линия повествования (каким бы противоречивым и путаным оно ни было) была связана с оппозицией «враждебного, лживого, грубого коммерциализированного мира» и «высокого, чистого и искреннего мира искусства». Именно к последнему стремились принадлежать информанты.

Мы полагаем, что невозможность цензурировать свои стратегии действия в соответствии с патриархатным каноном во многом повлияла на тип читаемых информантами книг и на их интерпретацию. Среди любимых и наиболее читаемых информантами авторов назывались следующие фамилии: Керуак, Паланик, Буковски, Миллер, Лимонов, Берроуз, Сэлинджер, Довлатов, Пинчон, Летов, Соколов. Если судить по нарративам информантов,

предпочтение именно этих писателей обусловлено главным образом тем, что все они противостояли массовой/классической/канонизированной культуре. Кроме того, следует отметить, что произведения многих из этих писателей имеют автобиографические мотивы (как мы покажем ниже, изучение биографии автора является важным обстоятельством, способствующим приобщению к его произведениям). Для большинства из этих авторов характерна критика капиталистического мира, «официоза», «мелкобуржуазного потребления», некоторые вели затворническую жизнь и принципиально отказывались от лавров литературного признания.

Каким образом чтение этих авторов способствовало формированию у наших информантов гибридных (Bridges, Pascoe 2014) моделей маскулинности? Во-первых, сам по себе опыт гендерной стигматизации заставлял информантов искать средства для дистанцирования от нее и ее осмысления. Воспринимая себя как маргинальных субъектов, информанты стремились к поиску таких же писателей (т.е. тех, кто в годы своей творческой активности воспринимался как маргинал).

Стоит признать, что в работах указанных писателей тяжело усмотреть пассажи, явно отсылающие к критике патриархатных моделей маскулинности. Кроме того, некоторые из перечисленных писателей, несмотря на свое критическое отношение к массовой и элитарной культуре, исповедовали вполне себе патриархатные стратегии действия. Так, в работах Керуака и Буковски можно обнаружить гомофобные пассажи, тексты прочих авторов изобилуют эссенциалистской стигматизацией женщин. Однако, как справедливо указали теоретики рецептивной теории, ошибочно полагать, что чтение литературных текстов подразумевает однозначную модель их интерпретации (Яусс 1995; Изер 2004). С одной стороны, текст, разумеется, в той или иной степени ограничивает читателя в его интерпретационных стратегиях, однако читатель в зависимости от многих условий (культурного капитала, гендера, целей чтения и прочего) может использовать разные стратегии интерпретации текста (конечно, такая трактовка процесса чтения предполагает, что один и тот же человек, читая книгу в разные периоды жизни, может составлять о ней разное впечатление и акцентировать в ней разные моменты). Как следует из наших данных, книги перечисленных авторов способствуют выработыванию гибридных маскулинностей крайне различными, трудно прогнозируемыми способами. Для иллюстрации этого тезиса снова обратимся к высказываниям наших информантов.

Для меня главное, что содержится в Керуаке — это его принципиальное отрицание всей этой богемой, элитарной и потребительской истории. Я не могу сказать, что прям как-то жутко было

интересно читать роман «Дорога», к примеру, но для вот этот образ жизни, немного на грани бедности, бродяжнический, скитальческий, каждый день новые мотели, алкоголь, в общем, жизнь, полная событий, а те тупое зарабатывание денег и поклонение американской мечте — для меня это стало своего рода руководством к жизни (Павел, 21 год).

В этом пассаже обращают на себя внимание несколько моментов. Во-первых (и информант сам указывает на это), ключевым элементом, способствующим привлекательности прозы американского автора для информанта, является его антибуржуазный образ жизни, в котором изобиловали сексуальный либертинаж, употребление психоактивных веществ, скитальчество и, что особенно важно, отказ от накопления экономического капитала. Важно отметить, что патриархат — это культурный, эмоционально заряженный (в некоторых своих аспектах противоречивый) нарратив, суть которого не может быть редуцирована исключительно к отношению между полами (хотя, безусловно, именно этот аспект составляет «смысловое ядро» этого нарратива). Образ мужчины-гегемона (разумеется, меняющийся в зависимости от исторического периода и места) отсылает не только к нормативным установкам, связанным с отношениями с женщинами и другими мужчинами, но и к широкому спектру жизненных практик. Как показывают различные исследования (хотя в российском контексте наблюдается очевидный недостаток таких), в среде мужчин из «рабочего класса» крайне ценятся физическая сила, способность обеспечивать семью, умение обращаться с техникой и решать бытовые задачи, брутальность и т.д. (Willis 1977). Образ жизни альтер-эго Керуака, описываемый в «Дороге», радикально не соответствует патриархатному канону «рабочего класса» лишь в аспекте, связанном с финансовой состоятельностью и нормативной установкой «остепенения» (в какой-то момент уважающий себя мужчина должен жениться и завести детей). Употребление алкоголя, психоактивных веществ и сексуальный либертинаж в целом не являются практиками, которые с уверенностью можно назвать не вписывающимися в патриархатный канон. Однако, как отмечает Хольт, комментируя теорию культурного потребления Бурдьё и работы ее критиков, в современном постмодерном обществе для анализа различий между социальными группами (в том числе классами) исследователю стоит обращать внимание не столько на различия в потребляемых товарах и услугах, сколько на *стили* потребления (Holt 1998). В этом смысле становится значимым вопрос не *что* потребляется, а *как*. Так, один из наших информантов отмечает:

Я достаточно много сейчас пью, но мое выпивание не имеет ничего общего с тем, как пили, допустим, кенты во дворе или мой батя. Все дело в том, что у них основная мотивация — нажраться как можно быстрее. И пьют они поэтому водку, я тоже могу выпить водку, конечно, но ни в коем случае не для того, чтобы ухандокаться за 20 минут. Я постигаю метафизические высоты таким образом (Тимур, 22 года).

Во-вторых, как будет показано ниже, наши информанты не отказываются от всех патриархатных установок (из-за чего испытывают противоречивые чувства), например многие из них, критикуя те практики, с которым им доводилось сталкиваться в детстве и юности, тем не менее сохраняют достаточно патриархатные установки по отношению к женщинам.

Если судить по нарративам наших информантов, то доминирующей мотивацией при выборе образования (и стиля жизни) для них была не столько забота о своем будущем карьерном успехе, сколько желание не быть похожими на тех молодых людей (и своих отцов), которые стигматизировали их в детстве и подростковом возрасте. Мотив успеха в данном случае уступает место мотиву различения. В интервью информанты в общих чертах описывали тот путь, который они могли бы пройти: поступить на «технические» специальности (как красноречиво выразился один из информантов «пойти по дорожке своих же угнетателей»), встроиться в патриархатный порядок, завести семью, получить приличную работу и «жить, как все». Однако такой путь представлялся информантом предательством своих идеалов. Здесь важно отметить следующее: разумеется, мы не утверждаем, что овладение условной технической специальностью обязательно подразумевает то, что ее обладатель в значительной степени имплементирует патриархатные установки (если еще не имплементировал их до поступления в вуз). Мы указываем лишь на то, что в глазах наших информантов прагматические сферы деятельности (не связанные с искусством, «абстрактной» наукой и литературой, в частности) воспринимаются как социальные пространства, которые выбирают люди, разделяющие патриархатную логику, и как следствие, по их мнению, это те пространства, где эта логика воспроизводится. Мы не беремся оценивать справедливость такой точки зрения. Отметим лишь то, что ряд исследователей указывают на то, что опыт переживания буллинга и стигматизации в детстве и подростковом возрасте может влиять на различные аспекты когнитивной деятельности (Liu et al. 2023). По-видимому, в данном случае не будет лишней гипотеза о том, что техника, ручной

труд и близкие к этим феноменам практики стали прочно ассоциироваться у информантов с пережитым травматическим опытом, что делало выбор этих направлений в качестве будущей профессии практически невозможным.

К данному моменту вырисовывается следующая логика: наши информанты, будучи неспособными (или нежелающими) вписаться в патриархатный канон, искали способы справиться с тяжелым травматичным опытом. Таким способом для них стало чтение контркультурной (нонконформистская) литературы. Во-первых, увлечение чтением позволяло им быть чем-то занятыми и при этом избегать лишних контактов с социальным окружением. Во-вторых, оно позволяло ментально дистанцироваться от тяжелых условий жизни. И наконец, в-третьих, в читаемых информантами книгах описывались стили жизни, достаточно далекие от тех, с которыми им приходилось иметь дело на ежедневной основе. Судя по всему, ключевая идея, которую «вынесли» информанты из чтения нонконформистской литературы, заключается в том, что можно оставаться мужчиной (или оставить вопрос о соответствии каким-либо гендерным стандартам в принципе в стороне), не следуя тому образу жизни, который вели их отца, однокурсники и друзья со двора. Руководствуясь желанием сепарироваться от опыта гендерной стигматизации и преследуя цель посвятить себя «непрагматичной», связанной с творчеством деятельности, информанты приходят к решению поступать на «литературные» специальности, даже вопреки грядущим карьерным рискам (или не принимая их в расчет).

В следующем разделе мы покажем, что большинство информантов в процессе учебы снова столкнулись с опытом непризнания и крахом своих (как кажется, немного наивных) надежд.

Разочарования в вузе

Один из наиболее драматичных сюжетов, встречающихся в рассказах наших информантов, связан с непризнанием со стороны однокурсниц. До поступления в вуз информанты в большинстве своем ожидали, что им придется учиться в группах, в основном состоящих из девушек. Никто из будущих студентов не видел в этом проблемы, а некоторые даже рассматривали это как преимущество, поскольку, по их мнению, в таком случае они бы сталкивались с меньшей конкуренцией со стороны других молодых людей в борьбе за внимание однокурсниц. Помимо этого, информанты ожидали, что филологиням будут в меньшей степени присущи патриархатные установки, нежели девушкам, с которыми они имели контакты до сих пор. Однако спустя несколько недель или месяцев обучения многие информанты столкнулись с разочарованием.

Меня, мягко говоря, сильно удивило то, что девушки в моей группе в большинстве своем не сильно отличались от тех, с которыми мне до сих пор доводилось общаться. Эти только одеты были побогаче и постилевее, но начинка одна и та же (Артем, 21 год).

Когда мы попросили пояснить, что информант имеет в виду под «той же начинкой», он разразился гневной тирадой о том, что его однокурсницы «хотели от него типичного мужского набора: подарков, внимания (часто во вред учебе), каких-то поступков мужских». При этом информант, хотя и выражает сожаление, связанное с тем, что потенциальные партнерши воспринимали его (по его мнению) как обладателя экономического капитала, которым он должен был с ними делиться, он тем не менее не отрицает устоявшееся гендерное распределение ролей, исполняемых во время актов ухаживания. По его признанию, он был «не против» демонстрировать однокурсницам знаки внимания, дарить подарки (по мере финансовых возможностей), однако не видел в этом смысла, поскольку девушки, с которыми он учился, как ему казалось, «не увлечены искусством, не увлечены литературой, вообще ничем, кроме себя не увлечены», несмотря на то что они (насколько информант мог судить) выходили из более богатых и образованных семей, чем он. Ему казалось, что «это они там оказались случайно», а вовсе не он. В данном случае речь не столько о стигматизации в отношении информанта (хотя, по его признаниям, ему было крайне некомфортно, когда какая-либо девушка требовала от него «мужских поступков» и «мужского поведения»; подобные риторические конструкции, возможно безобидные на первый взгляд, вызывали у информанта цепочку болезненных воспоминаний из довузовского периода, когда он отчаянно пытался отстоять свою маскулинность и не преуспел в этом, поэтому любое требование соответствовать патриархатному гендерному стандарту для него было равносильно оскорблению, в чем, однако, ему было тяжело признаться потенциальным партнершам), сколько о несбывшихся надеждах относительно увлечений, стиля жизни и культурных установок тех, с кем ему предстояло учиться. В данном случае тяжело судить о том, насколько верны характеристики, данные информантом его одноклассницам, и насколько в принципе было возможно предвидеть такой поворот событий.

В рассказе другого информанта стигматизация проявлялась более очевидным и травмирующим образом:

Одна мне так в лицо и сказала, мол, я не рассматриваю в качестве партнера парня-филолога. Во-первых, потому что парни-филологи не мужики, во-вторых, потому что они будущие нищие. Когда я ее спро-

сил, а что она тут [на факультете филологии] делает, то она мне сказала, что это не мое дело, а парни ей с технических факультетов нравятся (Егор, 19 лет).

Здесь интересно то обстоятельство, что принадлежность информанта к категории «филолог» влечет за собой само собой разумеющиеся для девушки коннотации: отсутствие мужских качеств и бедность (Sacks 1966; Корбут 2016). Как отмечает информант, он столкнулся с отказом «попробовать завязать какую-то коммуникацию» практически сразу, т.е. в данном случае можно говорить о том, что культурный механизм стигматизации, связанный с фоновыми ожиданиями девушки, по сути, даже не допускал эмпирического опровержения. Мы считаем это важным моментом, указывающим на сложность культурного перекодирования стигматизируемых «категорий членства», поскольку, как мы видим в данном случае, подвергающиеся стигматизации лица порой не получают шанса на то, чтобы изменить представление о себе (Jayyusi 1984). Тем не менее, несмотря на резкий отказ, с которым столкнулся информант, он не впал в уныние и в длинном пассаже, который мы приводим с существенными сокращениями, описал свою планы относительно будущей «интимной жизни»:

Мне тяжело сейчас думать о длительных планах в плане отношений. У меня очень много идей, связанных с творчеством, а женщины, как правило, творчеству мешают, а не являются вот этими чудесными нимфами, в любой момент готовыми подать руку помощи. Вспомни, как первая жена Хемингуэя потеряла чемодан с его работами. Да за такое убить мало! Я бы с такой женщиной не смог дальше жить, да и он, впрочем, не смог... Не знаю, буду, наверное, как Буковски, искать каких-нибудь телочек легкодоступных в барах-ресторанах, но насчет чего-то серьезного думать сложно, надо творить, пока молод. Да и сам видишь: ты им протягиваешь руку, а они тебе плюют в лицо (Егор, 19 лет).

Трудно не заметить, что в этом нарративе содержатся как мизогинные обобщения («женщины мешают творчеству»), так и оскорбительные эпитеты («легкодоступные телочки»). В целом весь нарратив пронизан гневом и обидой на женщин, которые «плюют в лицо» информанту. Прежде чем перейти к интерпретации данного фрагмента, считаем необходимым сделать важное замечание. Как известно, между тем, что люди говорят, и тем, что они делают, может быть существенная разница (La Pierre 1934). Причины такого несоответствия многообразны, и мы не можем обсуждать их здесь подробно. Однако критически важно указать на то, что сама ситуация разговора двух мужчин могла спровоцировать информанта

«принизить» значимость женщин в его жизни, чтобы не выглядеть в глазах собеседника мужского пола «неудачником». Исследователи утверждают, что категория «успешного мужчины» во многом связана с его признанием среди женщин. Учитывая, что информант поделился с нами довольно травматичной для него историей об отказе потенциальной партнерши вступить с ним в романтические отношения, имеет смысл предположить, что в последующей за этой историей обвинительно-пренебрежительной тираде выразалось не столько действительное отношение информанта к женщинам, сколько попытка компенсировать (хотя бы на риторическом уровне) неудачи на его романтическом пути. Тем не менее, даже учитывая указанное обстоятельство, мы считаем, что этот фрагмент в любом случае заслуживает внимания.

Как уже кратко говорилось выше, среди сакральных (наиболее почитаемых) большинством наших информантов авторов, в основном называются контркультурные американские писатели XX в. В данном случае упоминаются Хемингуэй и Буковски. Элементы их биографий воспринимаются информантом как своего рода «методички» по взаимодействию с женщинами. Информант вспоминает известный случай из биографии Хемингуэя: первая жена писателя потеряла чемодан с огромным количеством его ранних рукописей. Этот случай обсуждается Хемингуэем в его автобиографическом тексте «Праздник, который всегда с тобой». Потеря рукописей стала серьезной травмой для писателя, тем не менее она не привела к мгновенному распаду брака (впрочем, существуют гипотезы, согласно которым Хемингуэй так до конца и не смог простить Хедли, из-за чего и распался их брак). Примечательно, что информант, рассуждая о том, что женщины мешают творчеству, вспоминает драматичный эпизод из отношений Хемингуэя с первой женой, (якобы) демонстрирующий верность его тезиса, однако ничего не говорит о том, насколько значимую роль сыграла Хедли в первые годы творческих поисков американского писателя. Затем из биографии Буковски «извлекаются» эпизоды мимолетных сексуальных контактов с женщинами, с которыми впоследствии Буковски без сожалений расставался. Стратегия накопления one night stand контактов кажется информанту наиболее благоразумной, однако, как и в случае с Хемингуэем, информант исключает из своего нарратива то обстоятельство, что ряд женщин действительно имели серьезное (если не сказать экзистенциальное) значение для Буковски и значительную часть жизни он провел, будучи «примерным семьянином», всегда подчеркивающим неоценимую роль последней жены в его жизни. На наш взгляд, этот нарратив явственно свидетельствует о том, что гибридные маскулинности, которые формируются у информантов, необязательно подразумевают

полный и сознательный отказ от патриархатных установок по отношению к женщинам.

Впрочем, в этой драматичной истории взаимного непризнания и непонимания, важно подчеркнуть еще один момент, напрямую связанный с финансовой фрустрацией, которую испытывают большинство наших информантов. Практически во всех нарративах, связанных с отношениями с женщинами, присутствует беспокойство о невозможности построить длительные отношения из-за неустойчивой (или даже тяжелой) финансовой ситуации, в которой находятся информанты. В целом такого рода беспокойство и опасения характерны не только для студентов-филологов, но и для многих молодых выходцев из семей с низким СЭС (Silva 2013). Информанты говорят о том, что их однокурсницы «требуют» от них экономически затратных знаков внимания, однако дело здесь не столько в том, что такие знаки внимания не могут быть оказаны, а в том, что они создают ложное впечатление о финансовой состоятельности молодого человека. Один из наших информантов признается:

Я, откровенно говоря, не понимаю, что у меня будет с деньгами в ближайшее время. Я могу поднапрячься, может, где-то найти подработку, чтобы подарить девочке на день рождения какой-нибудь крутой подарок, но она же захочет и дальше такого же, а может, и больше. Я никого обманывать не хочу, и мне легче сказать, что я гол, как сокол, могу предложить себя, но больше у меня ничего нет. Если девушка на такое согласна, то замечательно, на нет — и суда нет. Может, поэтому я до сих пор один [смеется] (Даниил, 20 лет).

Наши информанты в большинстве своем мыслят идеальные отношения как сферу, в которой присутствуют полное взаимопонимание, поддержка, увлеченные обсуждения литературы и искусства в целом, эмоционально насыщенные сексуальные контакты. В этой романтической концептуализации любви, очевидно, отсутствует экспликация материальных условий жизни, которые считались бы приемлемыми, так же как отсутствует представление о том, кем и как достижение этих условий должно обеспечиваться. Когда мы спрашивали информантов о том, какую роль, с их точки зрения, играют экономические ресурсы в формировании устойчивых половых отношений, большинство либо демонстрировали явное затруднение с ответом, либо воспринимали получаемое образование как преграду на пути к построению долгосрочных союзов.

Ну, хотелось бы, конечно, чтобы был достаток, скажем так. Но вот я, допустим, планирую и дальше заниматься литературным творчеством, пробиваться в этом направлении. То есть кучи денег

у меня явно не будет ни через год, ни через два... И если девушка моя мне скажет, что мне надо сменить род деятельности, чтобы приносить деньги в семью, то я на это вряд ли пойду. Если люди любят друг друга, то деньги, вернее, их отсутствие не должно быть помехой. Наверное... Сложно все это (Глеб, 20 лет).

Я уже морально готов, к тому, что буду бедным. Я это сам выбрал. Я горд этим выбором. Но здесь речь не только о выборе, быть бедным или богатым. Из бедности, к сожалению, следует много других, как правило, неприятных вещей. Например, очень немногие девушки согласятся на ту жизнь, которую я смогу им предложить. А те, которые согласятся, вряд ли будут мне интересны. Мой отец очень любил слушать Александра Новикова, так вот мне эта любовь передалась, хотя я как-то немного стесняюсь этого [смеется], в компании приличных людей стараюсь не ставить. Так вот у Саши Новикова есть песня «Помнишь, девочка?» Сюжет там простой: в молодости была девочка, а денег не было. Сейчас есть деньги, но нет девочки. Я в каком-то смысле Саню Новикова переплюнул: у меня ни девочки, ни денег не будет скорее всего [смеется] (Максим, 22 года).

В этих двух нарративах наблюдается ряд общих черт. Во-первых, оба информанта считают, что получаемая ими специальность не сулит в ближайшем будущем существенной прибавки экономического капитала. Как ни странно, пессимистические ожидания относительно финансовых перспектив существенно не изменились после поступления в вуз: большинство информантов, выбравших «литературные» специальности первоначально, не ожидали того, что овладение ими поможет им значительно подняться по социальной лестнице. Во-вторых, оба информанта говорят о том, что в фундаментальном смысле не жалеют о своем выборе. Для них занятие литературой остается главным смыслом жизни. Они отдают себе отчет в том, что сознательно выбранная бедность может стать серьезным препятствием для выстраивания долгосрочных отношений с женщинами, однако если на двух чашах весов оказываются занятие литературой и отношения, то первая чаша перевешивает. Легитимацию добровольно избираемой бедности информанты находят в художественной литературе и биографиях писателей:

Все книги, которые я читал, говорят мне о том, что деньги не делают человека счастливым. Можно прожить вполне счастливую жизнь без всякого богатства. Понятно, что надо стремиться к балансу. Но это правило «золотой середины» настолько заезженно

и глупо, что ему невозможно и пошло следовать. В настоящей жизни должна быть жертва. В моем случае это деньги (Петр, 23 года).

*У меня куча знакомых, которые уже сейчас зарабатывают намного больше меня. Но это очень плоские примитивные работы, на полный рабочий день. И когда я с ними встречаюсь, я не вижу в их лицах счастья. Они говорят, что просто ждут отпуска, чтобы потратить все заработанные деньги за две недели чилла. А я не устаю так сильно, как они. Я живу легче. Да, я не могу поехать в Турцию в 5 звезд, ну и что? На***я они мне нужны? (Олег, 22 года).*

В нарративах информантов прослеживается постоянное противопоставление достойной скромной (если не сказать бедной) жизни и жизни с более высоким достатком, но пустой, пошлой и бессмысленной. Информанты видят карьерный выбор как головоломку без оптимального решения: с одной стороны, есть возможность сохранить существенное количество свободного времени и посвятить его литературному творчеству (или иным важным для информантов практикам), с другой — существуют относительно понятные пути «наверх», однако движение по ним сопряжено с отказом от собственного «я». Мы не беремся выносить суждения и называть такую картину мира искаженной, однако показательно, что информанты весьма противоречиво высказываются о тех, кому удалось добиться и финансового достатка, и достойной жизни, подразумевающей занятие тем, что «по нраву». Когда мы заговорили с одним из собеседников о том, что практически все сакральные авторы, ранее перечисленные им, в какой-то момент все же добились успеха, он продемонстрировал свое скептическое отношение к возможности такой траектории:

Давай будем честны, сколько ты знаешь великих, по-настоящему великих писателей, критиков, переводчиков или кого-то из литературной сфере, кто был бы и финансово успешен, и делал хорошее искусство? Единицы. Ну, просто единицы. По пальцам пересчитать. И опять же: кто эти люди, откуда они вышли, в какое время они жили? Тогда писателям все-таки как-то помогали менторы, в них верили издательства, богатые родственники, не было такого, чтобы человек из низов, один, все сам...Даже Буковски очень повезло в какой-то момент с издателем. А сейчас время другое, такая проза никому не нужна (Александр, 19 лет).

Второй значимый слом ожиданий касался устройства самого учебного процесса. В представлении большинства информантов обучение на «литературных» специальностях связывалось с возможностью творческой

самореализации, подразумевающей творческое письмо и углубленное чтение близких им образцов литературной культуры. Однако на практике они столкнулись с необходимостью углубленного изучения нескольких языков, чтением книг, которые они категоризовали как «неинтересные», а также со сложностями освоения тех «культурных кодов», которое от них ожидалось со стороны преподавателей.

Я английский сдал еле-еле для поступления, а там было два языка, изучение которых отнимало все свободное время, книжки задавали читать абсолютно мне неинтересные. И в какой-то момент я почувствовал, что в общем-то занимаюсь совсем не тем, чем хочу (Артем, 21 год).

Я стабильно получал чуть ли худшие баллы за все письменные работы в группе. Я с детства много читал, причем довольно сложных авторов, но, как выяснилось, создавать тексты наподобие литературоведческих у меня абсолютно не получалось (Максим, 22 года).

Исследователи утверждают, что студенты из непривилегированных социальных групп склонны рассматривать свои неудачи в учебном процессе как своего рода «врожденный порок», как некую врожденную невозможность добиваться успеха в интеллектуальных сферах деятельности ввиду «проклятия класса» (Andersen, Hansen 2012; Mallman 2017). Там, где студенты из «среднего класса» и из привилегированных семей склонны винить в своих неудачах различные факторы, студенты из непривилегированных семей винят, как правило, себя, причем такие обвинения практически не оставляют надежды на исправление ситуации. Эта гипотеза в целом скорее подтверждается нашими данными. Большинство наших информантов крайне критично оценивали как свои способности, так и выбор специальности. Оказалось, что обучение на «литературных» специальностях подразумевает не столько творчество, сколько освоение «культурных кодов», что стало весьма проблематичным для многих наших информантов. Эта проблематичность обусловлена как нежеланием осваивать эти коды, так, по-видимому, и неспособностью это сделать.

Еще одной общей чертой биографий наших информантов является их неспособность (или нежелание) «встроиться» в различные литературные сообщества за стенами учебных аудиторий¹. Причины такого положения

¹ Некоторые информанты говорили о том, что для них занятие литературой — вещь индивидуальная, в каком-то смысле тайная, что заставляет вспомнить работу Кайуа о детских сокровищах, обладание которыми, по мнению французского мыслителя, позволяет ребенку осознать собственную уникальную субъектность и обрести человеческое достоинство (Кайуа 2007).

вещей многообразны. Некоторые информанты предпринимают активные попытки подавать свои рукописи в различные журналы, посещают литературные клубы и в целом по мере возможностей стараются заводить «полезные» знакомства. Однако для большинства опыт активных действий в литературном поле оказывается если не неудачным, то как минимум не впечатляющим:

Ни один мой рассказ, ни один мой стих нигде не приняли, хотя они кажутся мне не позорными. Не знаю, с чем это связано. Я не верю в то, что везде блат. Может, я плохо пишу? Может. Но я же не слепой. Я могу сравнить свою прозу и прозу читаемых мною авторов. Разница есть, но не так, что я на их фоне дно какое-то (Егор, 19 лет).

Литературные клубы — это для бедных в духовном смысле. Это скучно. Я ходил, мне не понравилось, теперь я никуда не хожу. Мне это неинтересно. Литература для меня чтение и письмо — все. Говорить о литературе в таком формате как-то смешно. Детский формат. Литературу если и обсуждать, то дома за бутылкой водки. Я сейчас только пишу и пью (Даниил, 20 лет).

В данных нарративах сквозит разочарование. В первом случае мы имеем дело с непризнанием творчества информанта в литературном поле, причину которого он не в силах объяснить. Во втором случае мы наблюдаем отождествление литературной деятельности с «уходом в себя» и сопутствующей алкоголизацией. Мы довольно долго пытались выяснить у второго информанта, почему опыт посещения литературных клубов показался ему скучным, но не добились внятного ответа. Все формулировки были общими и размытыми. Однако, когда разговор уже не велся о литературных клубах, информант произнес довольно важную мысль: буквально с 14 лет он употреблял алкоголь, вел замкнутый образ жизни и сторонился компаний (в частности, потому что подвергался «в пацанских кругах тупым наездам»). Возможно, в данном случае резонным будет предположение о том, что, оказавшись в более благоприятной социальной среде, информант столкнулся с тем, что его габитус был не приспособлен к активному ведению социальной жизни. Закрепленные практики (выпивание, чтение и письмо в одиночестве), раньше воспринимавшиеся информантом как единственные способы сбегать от враждебного мира, по-видимому, становятся «железной клеткой», которую невозможно покинуть, даже если за ее пределами появились иные перспективы. Показательно, что в конце интервью, уже прощаясь, информант задался риторическим вопросом: «А зачем я вообще поступал в вуз и заигрывал с литературой как профессией?» Похоже, что выбор, совер-

шаемый после окончания школы «вопреки патриархатному успешному миру» в случае этого и других информантов остается преимущественно негативным. Этот выбор не предполагает позитивной программы действий, а если и предполагает, то избираемые стратегии действия оказываются недостижимыми. В этом контексте важно указать на то, что информанты, пытающиеся «пробиться вверх» по «литературной лестнице», являются единичными случаями в нашей выборке. Большинство, напротив, демонстрируют поразительную неосведомленность о том, как устроено российское (и тем более мировое) литературное поле. Они не читают современную российскую прозу (например, толстые журналы), крайне редко посещают литературные мероприятия и в целом, если так можно выразиться, «плывут по течению». Один из информантов отмечает, что его жизнь с поступлением в вуз стала немного спокойнее, потому что не приходится встречаться с неприятными ему школьными знакомыми, но в остальном «время как будто застыло»:

Мне кажется, я просто застрял в какой-то петле. Я не знаю, на что я рассчитывал. Наверное, на то, что я буду возвращаться в литературных кругах, но я все так же преимущественно сижу дома, читаю книжки, иногда выпиваю, созерцаю мир, да и все. Учеба не особо напугает, но и не вдохновляет (Олег, 22 года).

Добровольная изоляция — крайне часто встречающийся мотив в рассказах наших информантов. Как мы уже писали выше, чтение действительно подразумевает времяпрепровождение в одиночестве, однако оно, разумеется, вовсе не обязательно предполагает отказ от социальных контактов и социальной мобильности. Однако наши информанты, по-видимому, находят созерцательную установку наиболее привлекательным способом жизни. Интересно, что отказ от действия становится главной стратегией действия. Тяжело сказать однозначно, почему информанты приходят именно к такому образу жизни. Морализатор мог бы сказать, что речь идет о банальном инфантилизме и нежелании предпринимать какие-либо усилия для достижения чего-либо в социальной реальности. Но откуда берется этот инфантилизм? Возможно, ввиду пережитого опыта стигматизации информанты боятся контактов с внешним миром. Эта гипотеза оказывается верной лишь отчасти. Один из информантов действительно указывает на то, что печальный детский и подростковый опыт сделали его крайне стеснительным, из-за чего ему крайне тяжело общаться с малознакомыми людьми. Для выстраивания коммуникации он часто использует алкоголь, что уже приводило его к неоднозначным последствиям:

Я в группе вообще долгое время не мог ни с кем заговорить, хотя ребята, в основном девочки, в целом были вроде нормальные. Потом мы как-то выпивали после пар, я жутко напился, и был звездой вечера. Но потом мне было стыдно, хотя отчасти я был доволен собой. Странное ощущение (Тимур, 22 года).

Похоже, опыт гендерной стигматизации «работает в связке» с формированием «созерцательной установки», которая формируется посредством увлеченного чтения. Эта установка оказывается настолько влиятельной, что необходимость в действии практически отпадает. Информанты, осознавая странность своего положения, тем не менее находят его в чем-то привлекательным:

Я очень мало чего делаю. Я очень много читаю. Много гуляю. Много пишу. Не публикуюсь. Но мне кажется, я вижу мир как-то иначе, не как мое бывшее окружение. Ну, как бывшее. Семья все та же. Но они не понимают, как так можно жить. Бездеятельно. Но во мне куча всего происходит, как в текстах Берроуза, Гинзберга. Ничего не происходит снаружи, все внутри (Максим, 22 года).

Тяжело сказать, в какой момент сознательный отказ от действий (и, по видимому, от успеха) превращается в неспособность действовать. Некоторые информанты признаются, что им становится тяжело различать нежелание что-либо делать ввиду собственных ценностных установок и нежелание прикладывать какие-либо усилия в принципе. Один из информантов сравнил свое повседневное состояние с «опасным блаженством», суть которого сводится

к тому, что тебе и так почему-то хорошо. И ты в какой-то момент начинаешь задумываться, а действительно ли хорошо, что тебе нравится ездить на трамвае, работать за гроши в книжном, прогуливать пары, ходить в одной и той же нестиранной майке, а все свободное время что-то строчить и читать многотомные романы Вулфа? Сколько так может продолжаться? Но если мне это нравится — это плохо или нет? (Павел, 21 год).

Эстетизации подвергается и алкогольный опыт. Практически все наши информанты употребляют алкоголь в значительных количествах, но в их описаниях выпивание превращается в «акт», в «метафизическое приключение», по их словам, имеющее мало общего с теми, как, например, выпивали их отцы или друзья со двора. Но что примечательно, информанты нередко затрудняются более или менее подробно описать, в чем эти отличия заключаются.

*Мой отец алкаш. Ну, может, и я алкаш. Но я пью по-другому. Я включаю рок 70-х, могу нажраться вхлам, начать писать каким-то знакомым в соц. сетях, потом на утро а...ю от того, что я наговорил там. Но сообщения прям иногда талантливые получаются. Наверное, люди а***ют от таких моих эскапад. Но, знаешь, в этом есть что-то великое. Как когда условный Эдгар Алан По умирает одиноко в баре. Вроде обычный пьяница, но великий человек (Глеб, 20 лет).*

В оправданиях своего выпивания информанты нередко ссылаются на сакральные для них литературные фигуры, многие из которых действительно страдали алкоголизмом. Культовые авторы являются своего рода «легитимирующими инстанциями» для различных деструктивных практик.

Нам кажется важным вернуться к обсуждению книг, читаемых нашими информантами, и их авторам. Несмотря на относительное разнообразие перечисленных литературных образцов и персоналий, нельзя не заметить, что особое место в литературном пантеоне информантов занимает творчество битников. Феномен битничества в целом можно рассматривать как одно из направлений контркультуры, зародившейся в 1950-х годах в Америке (Roszak 1969; Leech 1973). Образ жизни битников (и при некоторых оговорках — хиппи) подразумевал так называемый Великий отказ от капиталистических ценностей. Битники исповедовали активное употребление психоактивных веществ, отказ от традиционных процессов социализации, бродяжничество, свободное творчество и свободу сексуальных отношений. Нетрудно заметить, что перечисленный перечень практик во многих аспектах совпадает с теми, которых придерживаются наши информанты. Однако между битниками и нашими информантами существуют два значимых отличия. Во-первых, большинство битников (и хиппи) принадлежали среднему классу. Их отказ от ценностей своего класса был обратимым в том смысле, что при каких-либо сложностях они практически всегда могли вернуться в «родительский дом», где им оказали бы финансовую поддержку и, вероятно, даровали бы прощение за неосмотрительное отречение от «цивилизованного мира». Так, в уже обсуждавшемся выше романе «Дорога» Керуак честно признается в том, что, когда испытывал финансовые трудности в своих скитаниях, просил деньги у матери. Великая депрессия оказала негативное влияние на финансовое положение его семьи, но он, даже покинув семью, чувствовал финансовый и эмоциональный тыл за своей обдуваемой всеми ветрами Америки спиной. Наши информанты в большинстве своем лишены «подушки безопасности» в лице состоятельных и понимающих родителей,

поэтому их выбор кажется еще более радикальным и смелым, полным неожиданностей, но позволившим им сохранить достоинство (Lamont 2000; Sennet 2003; Hodgkiss 2011). Во-вторых, в отличие от битников и хиппи, наши информанты не предпринимали активных поисков нового для себя сообщества, к данному моменту они так и остаются, по меткому выражению Бурдьё, «людьми транзита» (Bourdieu 2007) между старым патриархатным миром и новым еще не оформившимся (в их представлении) миром литературного поля, связанным с иными возможностями.

Заключение

Мы попытались проанализировать сложное взаимодействие социально-культурных феноменов (в числе которых гендерная стигматизация и увлечение контркультурной литературой), ведущих молодых людей из семей с низким СЭС к выбору «литературных специальностей», а также парадоксы, связанные с этим выбором. С одной стороны, большинство информантов подчеркивают, что не жалеют о своем выборе, поскольку он позволил сохранить им достоинство. Такая стратегия во многом обусловлена влиянием контркультурной литературы, критикующей буржуазный мир с его стремлением к финансовому обогащению. Наши информанты практически во всех интервью подчеркивали, что гордятся тем, что сознательно не связывали выбор будущей специальности с экономическими перспективами, тем самым пойдя наперекор стратегии «соглашательства», суть которой, по их мнению, состоит в обмене своего свободного времени на труд, который не приносит удовольствия и не способствует самореализации, но приносит существенные экономические дивиденды. Однако за этой декламируемой гордостью скрываются множество противоречий и травм. Во-первых, информанты, видевшие в «литературных» факультетах островки, свободные от патриархатной логики, столкнулись с тем, что там она актуальна не в меньшей степени, чем в их предыдущих социальных группах. Во-вторых, со временем (не в последнюю очередь из-за желания вступить в долгосрочные отношения) информанты начинают все отчетливее осознавать финансовые трудности, с которыми им придется столкнуться (или с которыми они уже сталкиваются). На данном временном этапе их жизни это беспокойство пока не ведет к попыткам сменить профессиональной траектории, однако в дальнейшем было бы эвристически полезно изучить, как будет складываться их профессиональная (и человеческая) судьба. В-третьих, информанты продолжают сталкиваться с непониманием и стигматизацией со стороны членов семей, воспринимающих их выбор как бесперспективный и «немужской». Наконец, в-четвертых, из-за своей неспособности (нежелания)

овладевать культурными кодами интерпретации предлагаемых учебными программами произведений (а также нежеланием многие из этих произведений читать, как и изучать языки) многие информанты приходят к выводу о том, что они профессионально непригодны. Ввиду этих обстоятельств некоторые информанты допускают мысли о том, что им не следовало связывать свою профессиональную траекторию с литературой, а зарезервировать за последний статус «хобби» или «отдушины». Впрочем, такие высказывания остаются достаточно редкими.

В завершение важно отметить, что практически все наши информанты крайне скудно осведомлены об устройстве российского (и тем более мирового) литературного поля. Несмотря на то что многие из них высказывали желание стать писателями, редакторами в крупных художественных журналах, литературными критиками или кем-то еще, практически никто не смог назвать хотя бы несколько известных литературных журналов. Попытки подать свои произведения куда-либо для публикации имели спорадический и случайный характер и всегда заканчивались отказом.

В интервью информанты демонстрировали удивительную уверенность в том, что само по себе образование увеличит их культурный и символический капитал, в то время как они сами едва ли предпринимали активные попытки добиться признания в литературном мире. Такая ситуация не имеет простого объяснения. Некоторые информанты связывали свою пассивность со скудным культурным капиталом (классовым наследием) и как следствие с неспособностью разобраться в сложном литературном мире и наметить оптимальные и наиболее реализуемые пути для достижения хоть какого-нибудь признания. В данном случае восприятие себя как неспособных достичь успеха в литературной среде блокирует разработку каких бы то ни было стратегий действия, направленных на успех. Интересно, что такая пассивность подкрепляется избираемым стилем жизни информантов. Многие из них сравнивают свои жизненные траектории и повседневные практики с представителями литературной контркультуры (особенно битниками). Такое сравнение приводит к легитимации обильного употребления алкоголя, принятию скромных бытовых условий жизни и, как ни странно, нередко способствует стигматизации женщин. Наши информанты, являясь людьми транзита, «узниками настоящего», находятся в постоянных поисках себя (выражаясь словами Энн Свидлер, пребывают в нестабильных периодах своей жизни) и активно используют литературные нарративы для поиска своего места и смысла в жизни, однако патриархатные (и классовые) установки, имплементированные ими в детстве и подростковом возрасте, вступают в противоречия

с новыми стилями жизни, заставляя постоянно выбирать между разными социальными мирами. Как метко резюмировал один из наших информантов, сложное сочетание индивидуально-социальных обстоятельств жизни привело их в ситуацию «выбора без выбора», когда любое действие в их глазах сулит больше издержек, нежели дивидендов.

Литература / References

Аръес Ф. (1999) *Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.

Aries F. (1999) *The Child and Family Life under the Old Regime*. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta (in Russian).

Вебер М. (1990) Протестантская этика и дух капитализма. В кн.: Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс: 61–272.

Weber M. (1990) The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. In: Weber M. *Selected Works*. Moscow: Progress: 61–272 (in Russian).

Гибсон Дж. (1988) *Экологический подход к зрительному восприятию*. М.: Прогресс.

Gibson J. (1988) *An Ecological Approach to Visual Perception*. Moscow: Progress (in Russian).

Гоффман Э. (2017) *Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ*. М.: Элементарные формы.

Goffman E. (2017) *Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings*. Moscow: Elementarnye formy (in Russian).

Давыдов Ю.Н., Роднянская И.Б. (1980) *Социология контркультуры*. М.: Наука.

Davydov Yu.N., Rodnyanskaya I.B. (1980) *Sociology of Counterculture*. Moscow: Nauka (in Russian).

Изер В. (2004) Процесс чтения: феноменологический подход. В кн.: Кабанова И.В. (ред.) *Современная литературная теория. Антология*. М.: Флинта; Наука: 201–224.

Izer V. (2004) The Reading Process: A Phenomenological Approach. In: Kabanova I.V. (ed.) *Contemporary Literary Theory. An Anthology*. Moscow: Flinta; Nauka: 201–224 (in Russian).

Иллуз Е. (2022) *Почему любовь уходит? Социология негативных отношений*. М.: Директ-Медиа.

Illuz E. (2022) *Why Does Love Go Away? Sociology of Negative Relationships*. Moscow: Direkt-media (in Russian).

Кайюа Р. (2007) *Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры*. М.: ОГИ.

Caillois R. (2007) *Games and People; Articles and Essays on the Sociology of Culture*. Moscow: OGI (in Russian).

Корбут А.М. (2016) Потерянное колено этнометодологии. *Социологическое обозрение*, 15(3): 223–233.

Korbut A.M. (2016) The Lost Knee of Ethnomethodology. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 15(3): 223–233 (in Russian).

Лукина А.Н. (2023) Образовательные траектории студентов первого поколения как кейс неравенства в высшем образовании. *Вопросы образования*, 2: 133–160.

Lukina A.N. (2023) Educational Trajectories of First-Generation Students as a Case of Inequality in Higher Education. *Voprosy obrazovaniya* [Education Issues], 2: 133–160 (in Russian).

Савкина И.Л. (2023) *Пути, перепутья и тупики русской женской литературы*. М.: Новое литературное обозрение.

Savkina I.L. (2023) *Paths, crossroads and dead ends of Russian women's literature*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Самутина Н. (2013) Великие читатели: фанфикшн как форма литературного опыта. *Социологическое обозрение*, 12(3): 137–194.

Samutina N. (2013) Great readers: fan fiction as a form of literary experience. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 12(3): 137–194 (in Russian).

Тевено Л. (2018) Жизнь как испытание. *Неприкосновенный запас*, 3: 3–29.

Thevenot L. (2018) Life as a test. *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency reserve], 3: 3–29 (in Russian).

Яусс Х.-Р. (1995) К проблеме диалогического понимания. *Вопросы философии*, 12: 96–107.

Jauss H.-R. (1995) On the problem of dialogical understanding. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 12: 96–107 (in Russian).

Andersen P., Hansen M. (2012) Class and Cultural Capital: The Case of Class Inequality in Educational Performance. *European Sociological Review*, 28(5): 607–621.

Bourdieu P. (2007) *Sketch for a Self-Analysis*. Chicago, IL; London: The University of Chicago Press.

Brainerd C., Marche T. (2011) The role of phantom recollection in false recall. *Memory & Cognition*, 40: 902–917.

Bridges T., Pascoe C. (2014) Hybrid Masculinities: New Directions in the Sociology of Men and Masculinities. *Sociology Compass*, 8(3): 246–258.

Epstein D. (2004) Real boys don't work: 'underachievement', masculinity, and the harassment of 'sissies'. In: Epstein D., Elwood J., Hey V., Maw J. (eds.) *Failing Boys? Issues in gender and achievement*. New York: Open University Press.

Felski R. (2008) *Uses of Literature*. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell Publishing.

Fluck W. (2013) Reading for Recognition. *New Literary History*, 44: 45–67.

Hochschild A. (1983) *The Managed Heart*. Berkley, CA: University of California Press.

Hodgkiss P. (2013) A moral vision: human dignity in the eyes of the founders of sociology. *The Sociological Review*, 61: 417–439.

- Holt D. (1934) Does Cultural Capital Structure American Consumption? *Journal of Consumer Research*, 25: 1–25.
- Illouz E. (2007) *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press.
- Jayyusi L. (1984) *Categorization and the Moral Order*. Boston, MA: Routledge & Kegan Paul.
- Lamont M. (2000) *The Dignity of Working Men: Morality and the Boundaries of Race, Class, and Immigration*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- La Pierre R. (1967) Attitudes vs Actions. *Social Forces*, 13(2): 230–237.
- Leech K. (1973) *Youthquake. The growth of counter-culture through two decades*. London: Sheldon Press.
- Liu Y., Yu X., An F., Wang Y. (2023) School bullying and self-efficacy in adolescence: A meta-analysis. *Journal of adolescence*, 95(8): 1541–1552.
- Mallman M. (2017) The perceived inherent vice of working-class university students. *The Sociological Review*, 65(2): 235–250.
- Radway J. (1984) *Reading the Romance: Women, Patriarchy, and Popular Literature*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.
- Reay D., Crozier G., Clayton J. (2009) Strangers in paradise? Working-class students in elite universities. *Sociology*, 43: 1103–1121.
- Roszak Th. (1969) *The making of counter-culture: Reflections on the technocratic society and its youthful opposition*. Garden City, NY: Doubleday & Company Inc.
- Sacks H. (1966) *The Search for Help: No One to Turn to*. PhD Dis. Berkeley, CA: University of California.
- Sennett R. (2003) *Respect. The Formation of Character in a World of Inequality*. New York: W.W. Norton.
- Silva J. (2013) *Coming Up Short: Working-Class Adulthood in an Age of Uncertainty*. New York: Oxford University Press.
- Swidler A. (1986) Culture in Action: Symbols and Strategies. *American Sociological Review*, 51: 273–286.
- Thumala Olave M.A. (2017) Reading matters: Towards a cultural sociology of reading. *American Journal of Cultural Sociology*, 6(3): 417–454.
- Walker C. (2022) Remaking a “Failed” Masculinity: Working-Class Young Men, Breadwinning, and Morality in Contemporary Russia. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, 29(4): 1474–1496.
- Willis P. (1977) *Learning to Labor: How Working Class Kids Get Working Class Jobs*. New York: Columbia University Press.

THE AMBIVALENT ROLE OF ENGAGEMENT WITH LITERATURE IN THE FORMATION OF HYBRID MASCULINITIES AMONG YOUNG MEN FROM LOW SOCIOECONOMIC STATUS FAMILIES

Maxim P. Kotelnikov (maximant13@yandex.ru)

HSE University, Moscow, Russia

Citation: Kotelnikov M.P. (2025) The ambivalent role of engagement with literature in the formation of hybrid masculinities among young men from low socioeconomic status families. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(4): 146–176 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.7>
EDN: KMONJM

Abstract. The article is devoted to the analysis of socio-cultural reasons influencing the choice of “literary” specialties by young people from families with low socioeconomic status, as well as the contradictions, difficulties and advantages associated with this choice. Based on in-depth interviews with 11 informants from various cities of Russia (current and recent students), the author argues that such a choice is mainly determined by two factors: gender stigmatization and avid reading of non-conformist literature. Gender stigmatization experienced in childhood and adolescence in this case is associated with the inability (and / or unwillingness) of informants to “fit into” the patriarchal canon of behavior. The experience of enduring such stigmatization makes informants try to distance themselves from the hostile world and find new sources of understanding it. Such a means is reading non-conformist literature, which contains narrative models of hybrid masculinities that informants strive to practice. Enrolling in literary majors seems to them to be a chance not to betray their ideals (the desire to study literature) and to find themselves in a less patriarchal environment. Despite the declared pride in their choice, informants face a number of difficulties: the persistence of patriarchal attitudes in the academic environment, financial instability, lack of understanding from their families, and a feeling of professional inadequacy. Some study participants hoped that education would automatically provide them with cultural and symbolic capital, but did not take active steps to integrate into the literary field. Their passivity is explained by both a lack of cultural capital and an internal conviction that it is impossible to succeed in the chosen field. This attitude is additionally reinforced by the chosen lifestyle, inspired by nonconformist literary narratives (in particular, the aesthetics of the beatniks), which, in turn, leads to the normalization of poverty, abundant alcohol consumption, and, often, the reproduction of some patriarchal stereotypes of behavior.

Keywords: gender, fiction, masculinity, higher education, patriarchy, stigma, counterculture.

Acknowledgement

The article was prepared as a result of research conducted within the framework of the Fundamental Research Program of the National Research University Higher School of Economics (HSE).

ПАТРИОТИЗМ МОСКОВСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ОПЫТ КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА)

Антонина Николаевна Пинчук¹ (antonina.pinchuk27@bk.ru),
Дмитрий Андреевич Тихомиров¹ (dat1983@yandex.ru),
Егор Васильевич Вахненко² (egor.vakhnenko@mail.ru)

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

² Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия

Цитирование: Пинчук А.Н., Тихомиров Д.А., Вахненко Е.В. (2025) Патриотизм московской студенческой молодежи (опыт кластерного анализа). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(4): 177–195. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.8>
EDN: KXSNYD

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление групповой структуры молодежи в зависимости от восприятия феномена патриотизма. Используя теоретические положения конструктивистского подхода, согласно которому феномен патриотизма конституируется в процессе взаимодействия социальных групп, авторами предложено использовать многомерный анализ, чтобы выявить распределение молодых людей по кластерным группам, отражающим уникальное сочетание патриотических установок и социальных представлений о патриотизме. В качестве эмпирической базы использованы материалы авторского социологического исследования, осуществленного в марте-апреле 2025 г. посредством анкетирования. Всего в исследовании приняло участие 1062 студентов московских вузов. В результате проведения кластерного анализа выделены три группы студентов в зависимости от проявления патриотических установок, что позволило отразить внутреннюю неоднородность мнений, которую сглаживали общие групповые оценки. В первом кластере сконцентрировались респонденты, которые в наибольшей степени проявляют патриотические установки, они признают значимость своего участия в истории развития страны, показывают высокий уровень социальной ответственности и считают, что государство должно играть ведущую роль в патриотическом воспитании. Во второй кластерной группе проявляются смешанные установки, когда из признания значимости социально-культурных атрибутов патриотизма не столь очевидно прослеживается понимание собственной ответственности за развитие страны и ее будущие перспективы. Третий кластер, самый малочисленный, отражает проблемную в аспекте патриотического воспитания группу, где проявляется отчужденность от чувства привязанности и сопричастности к судьбе страны, ее будущему и культурно-исторической преемственности. В разрезе выявленных кластерных сегментов анализируется патриотическая идентичность и отношение к феномену патриотизма. Полученные данные позволили не только выявить латентную групповую структуру в зависимости от уникального сочетания взглядов на феномен патриотизма, но и обозначить вопросы для дальнейших разработок в данной области.

Ключевые слова: патриотизм, измерение патриотизма, патриотические установки, кластерный анализ, молодежь.

Введение

Тема патриотизма в последние годы особенно востребована как отдельное направление для научно-исследовательских разработок, что во многом связано с обновленными задачами государственной молодежной политики (Указ Президента 2022; Указ Президента 2024). В социологии исследование феномена патриотизма представляет сложную тему в силу необходимости операционализации данного понятия для анализа на эмпирическом уровне. Трудности начинаются с обоснования теоретических положений, которые изобилуют разнообразием авторских интерпретаций, что скорее не проясняет, а размывает поле возможных показателей. В то же время ревизия научных определений понятия «патриотизм» сталкивает эмпирика-исследователя с необходимостью работать, по сути, с неизмеряемыми социологическим инструментарием индикаторами, такими как «естественное чувство», «любовь», «общность судеб». Неудивительно, что на фоне всплеска интереса к проблемам патриотизма в последние несколько лет обозначились тематика методологического поиска валидных индикаторов для измерения изучаемого концепта (Касамара 2023; Ивченкова, Буханский 2024), однако работ, посвященных сложностям исследовательской практики, немного. Факт в том, что патриотизм продолжает активно исследоваться социологами, но в расширяющейся нише научных публикаций по данной проблематике недостаточно прояснены вопросы о том, как можно измерить многоаспектный феномен патриотизма на эмпирическом уровне с помощью опросного социологического инструментария и какие существуют ограничения в эмпирическом анализе данного явления?

Настоящая статья посвящена вопросам исследования патриотизма в рамках количественной социологии с применением кластерного анализа. Нас интересуют возможности и ограничения кластеризации группы студенческой молодежи в зависимости от патриотических представлений.

Опыт социологического анализа патриотизма

Поскольку в научном дискурсе патриотизм описывается языками социологической, педагогической, философской, правовой, политической наук, следует обозначить ключевые линии анализа концепта патриотизма, позволяющие ориентироваться в множестве опубликованных работ. Прежде всего необходимо затронуть онтологический аспект и ответить на вопрос с позиции социологической теории: что представляет собой патриотизм — присущее индивиду «естественное» чувство или формирующееся и воспроизводимое в ходе социального взаимодействия явление?

Далее необходимо прояснить содержательные аспекты патриотизма, которые могут раскрываться, исходя из политической или социокультурной теоретической позиции. В первом случае патриотизм тесно связан с гражданской идентичностью и отношением к политическим институтам, во время как во втором — патриотизм воспринимается как особая культурная ценность, что раскрывает неполитизированный дискурс о патриотизме. Поэтому важно ответить на следующий вопрос: патриотизм — это политический или культурный феномен либо в нем сочетается и то и другое? И наконец, видится необходимым прояснить вопрос о содержании феномена патриотизма и определить возможности его измерения с помощью прямых вопросов или методов многомерного анализа, используемых для исследования комплексных явлений.

Итак, отталкиваясь от обозначенных позиций, последовательно рассмотрим теоретические перспективы анализа патриотизма. Прежде всего отметим, что в научной литературе выделяется «субстанциональный» и критический подходы к рассмотрению сущности патриотизма (Мартынов, Габеркорн 2019). Оба подхода рассматривают патриотизм как реально существующее явление, но по-разному отражают истоки его формирования. Первый из них основывается на признании врожденного чувства любви к Родине, раскрывая понятие «патриотизм» в контексте примордиального, положительно окрашенного отношения к собственной стране (Трифонов 2016). Как отмечает И. А. Халий, патриотизм — это чувство «древнее, выражающееся через любовь к Родине, к ближнему, своему месту рождения и жительства» (Халий 2017: 67). В параллель данной мысли можно отметить философскую установку, в которой онтологический смысл патриотизма видится в «непосредственно-природной естественной неосознаваемой» и «рациональной» формах, что позволяет говорить об изначально присущей человеку естественной привязанности и любви к месту рождения и проживания (Оботурова 2024).

В рамках критического подхода феномен патриотизма максимально политизируется и раскрывается как идеологический конструкт, с помощью которого можно осуществлять политическое манипулирование (Мартынов, Габеркорн 2019). В этом контексте концепт патриотизм прежде всего приобретает политические коннотации, раскрывая проблематику участия индивида в политической жизни страны. Но стоит уточнить, что и «субстанциональный», и критический подходы относят патриотизм к неполитическому по своей природе явлению, однако в критической установке поясняется, что «это власть средствами символической политики политизирует и использует в идеологических целях присущее каждому человеку чувство любви к Родине» (Мартынов, Габеркорн 2019: 34).

Описывая выше обозначенные подходы, российские авторы пытаются преодолеть крайности в определении феномена патриотизма и отмечают, что патриотизм представляет собой сложный конструкт, включающий и политические, и неполитические элементы, но, по существу, это «явление сугубо политического мира» (Мартынов, Фадеева, Габеркорн 2020: 115). Иначе говоря, патриотизм представляет своего рода установку политического сознания, которая выражается через гражданскую самоидентификацию, связанную с оценкой деятельности государственно-политических институтов, их поддержкой и защитой (Мартынов, Фадеева, Габеркорн 2020).

М.С. Ивченкова и И.И. Буханский в результате обобщения и систематизации множества авторских интерпретаций замечают, что, как правило, ученые используют четыре ключевых характеристики для определения патриотизма: социальное чувство, ресурс государственного управления (со своей стороны отметим, что эти идеи коррелируют с «субстанциональным» и критическим подходами), а также эмоциональное отношение к стране и ценностные ориентации (Ивченкова, Буханский 2024). Сами авторы приходят к выводу, что «патриотизм всегда связан с некоторой надындивидуальной сущностью (семья, родной двор, родной город, Родина, государство)», добавляя, что такое отношение выражается через особую структуру феномена: «...патриотизм содержит в себе ценностно-идентификационный и деятельностный аспекты, проявляющиеся в осознанных поведенческих практиках индивидов, связанных с этими сущностями» (Ивченкова, Буханский 2024: 93).

Многие авторы сходятся во мнении, что патриотизм выражает особое отношение к социально организованным институтам, основанное на идентичности, ценностных ориентациях, определенных взглядах. Так, в энциклопедической статье Н.А. Селиверстовой и М.Я. Курганской патриотизм относится к социально-политическим и нравственным принципам, ценностным ориентациям, комплексу знаний и социальным установкам, отвечающих за саморегуляцию индивида, что отражается в отношении к Родине, своей стране, месту рождения (Селиверстова, Курганская 2017).

Следует уточнить, что патриотическое отношение к стране может быть разным. Так, выделяя в основе патриотизма позитивную идентификацию и чувство привязанности к стране, зарубежные ученые при этом рассматривают слепой и конструктивный патриотизм, первый из которых не предполагает какую-либо критику, а второй, напротив, содержит сомнения в проводимой политике и критику в целях позитивных изменений (Schatz, Staub, Lavine 1999; Elban, Aslan 2023).

Продолжая развешивать социологическую линию анализа, предлагаем рассмотреть конструктивистский подход, согласно которому феномен патриотизма конституируется в процессе взаимодействия социальных групп. В данном случае следует учитывать как групповое взаимодействие, так и динамику самоидентификации с общностью или другими контекстуальными факторами (Chatterjee 2017). В конструктивистском подходе на первый план выдвигаются вопросы о содержании исследуемого социального концепта (Луков 2018), в нашем случае патриотизма, как формируемого в процессе социального взаимодействия комплекса представлений, знаний, ценностей, нередко сочетающего в себе противоречивые воззрения, а также связанные с данным концептом социальных практик. Речь идет о том, что человек осознает себя патриотом, но при этом социальные группы и коллективное образование, с которым он себя идентифицирует как патриот, определяются им самостоятельно исходя из сформировавшихся социальных представлений в ходе социального взаимодействия в процессе социализации. Здесь и выходит на первый план неоднозначность понятия «патриотизм». Поэтому прямой вопрос «Патриот ли Вы?», требуется уточнять дополнительным: «Что означает для Вас быть патриотом?» Помимо этого, понятие коллективного образования может варьироваться: «государство», «страна», «Отчизна», «Отечество», «Родина», «народ».

Рассматривая ось «политическое — культурное», следует отдельно отметить, что в социологической литературе отражается широкое смысловое поле для описания феномена патриотизма, простирающееся далеко за рамками государственно-политического нарратива. Иллюстрацией служит работа В.А. Касамары, в которой раскрывается концепция десяти граней патриотизма, представленных такими темами, как «педагогика, культура, медиа, семья, история, служение Отечеству, спорт, экология, наука, добровольчество» (Касамара 2023: 204).

Обобщая рассмотренные теоретические подходы, дадим следующее операциональное определение. Патриотизм — это (1) отношение к коллективным общественно-политическим образованиям, формирующееся в процессе социального взаимодействия с этими образованиями в ходе культурно-политических процессов, (2) основанное на идентичности, отражающей чувство привязанности к данным образованиям, (3) что проявляется на когнитивном, аффективном и поведенческом уровнях.

Завершим литературный обзор рассмотрением вопроса об измерении патриотизма. В зарубежных источниках используется шкала патриотических установок (PAS, Patriotism Attitude Scale), в которых патриотизм измеряется через степень согласия с высказываниями, отражающими

установки «слепого» или конструктивистского патриотизма (Schatz, Staub, Lavine 1999). Адаптированную версию данной шкалы применяют с учетом национальной специфики (Elban, Aslan 2023; Sekerdej, Roccas 2016; Huddy, Khatib 2007). Помимо этого, западные авторы ссылаются на чувство гордости за страну для измерения патриотизма (Mußotter 2022). Надо сказать, что в отечественной практике анализа патриотизма также отмечается подход, который использует национальную гордость для диагностики патриотизма (Кислицына 2011) или «приравнивает патриотический дискурс к частоте упоминания разнообразных категорий гордости за страну» (Анкудинов 2024: 159). Вместе с тем, подчеркивая многомерность измеряемого конструкта патриотизма, некоторые ученые применяют теорию латентных переменных, что позволяет реализовать широкий класс статистических методов анализа полученных результатов (Maslak, Pozdnyakov 2018).

Итак, согласимся с тем, что эмпирическое исследование многосоставных феноменов требует применения специальных методов анализа данных, позволяя выявлять латентную структуру многомерного признакового пространства. В нашем случае представляет интерес эмпирическое описание групповой структуры российской молодежи в зависимости от патриотических установок, что возможно выявить с помощью кластерного анализа. Именно кластерный анализ позволит дифференцировать студентов в зависимости от личностных установок по отношению к стране, истории, культуре, семье и своей роли в жизни общества, по существу, выражающих патриотические настроения. В результате кластеризации исследуемую совокупность удастся поделить на группы, где объекты будут объединены схожими признаками и при этом будут отличаться от представителей других групп. Возможность выделить однородные подгруппы в зависимости от патриотических установок позволит отразить уникальное сочетание различных воззрений, характерных для патриотического дискурса во всем его многообразии и противоречии. Данный подход отличается от прямых вопросов о патриотической идентичности, когда высоки риски получить социально одобряемые и ожидаемые ответы. Если в результате кластеризации осуществить дифференциацию группы патриотически настроенной молодежи от группы молодых людей со слабо выраженными патриотическими установками, то можно глубже исследовать отношение к феномену патриотизма в выделенных группах. Мы полагаем, что возможна ситуация, когда в целом патриотично настроенные респонденты могут указывать на определенные настораживающие стороны явления патриотизма. Остается открытым вопрос, какие конкретно стороны могут вызывать настороженность.

Следует рассмотреть опыт применения кластерного анализа в исследовании патриотизма молодежи. В частности, А.Б. Нурекеева, И.Б. Кудинова и С.А. Гаврилушкин кластеризируют данные, полученные по методике «Патриограмма», чтобы выявить дифференцированность проявления патриотичности как качества личности студенческой молодежи. С учетом доминирования гармонических и агармонических переменных авторы выделили три кластерных группы в зависимости от выраженности патриотической направленности: субъектно-значимой, недифференцированной и социально-ценностной (Нурекеева, Кудинова, Гаврилушкин 2015). В.В. Маленков и Н.В. Мальцева, в свою очередь, подчеркивают необходимость использования многомерного личностно-ориентированного подхода для исследования признаков патриотизма не по отдельности, а в комплексе (Маленков, Мальцева 2024). Авторы использовали анализ латентных классов с целью выявления групп респондентов, в качестве которых выступила студенческая молодежь, проявляющая схожее сочетание представлений о патриотизме. В итоге ученые выделили шесть профилей патриотизма, два из которых не поддавались содержательной интерпретации, что указывает на размытость представлений о патриотизме на эмпирическом уровне. Подобные исследования показывают возможности социологического исследования многоаспектного феномена патриотизма с применением кластерного анализа, открывая просторы для дальнейших разработок и дискуссий. В частности, в обозначенных выше работах применялся кластерный анализ методом *k*-средних и латентно-классовый анализ, однако данный эмпирический опыт можно дополнить методом иерархической кластеризации, что позволит расширить исследовательскую нишу.

Методология и методы исследования

Социологический опрос по теме исследования был реализован в марте-апреле 2025 г. посредством распространения ссылки на анкету. Всего в исследовании приняло участие 1062 респондента. Выборка целевая, где основными критериями отбора послужили возраст, факт обучения в одном из московских вузов и пол. В итоге выборочную совокупность составили студенты различных московских вузов (опрошено по 50–80 студентов из РЭУ им. Г.В. Плеханова, МГУ им. М.В. Ломоносова, МАДИ, МГТУ им. Н.Э. Баумана, РГУ им. А.Н. Косыгина, Финансовый университет, Университет имени О.Е. Кутафина, РАНХиГС, РГСУ, МПСУ, МосУ МВД России им. В.Я. Кикотя, МАИ, МИРЭА, Университет Синергия, МГВМИ) в возрасте от 17 до 24 лет включительно с медианным показателем 19 лет. Среди опрошенных было 65 % девушек и 35 % юношей. Среди участников

исследования преобладает социально-гуманитарный, экономический, юридический профиль профессиональной подготовки.

Исходя из концептуального определения с опорой на методические рекомендации, в которых изложены основы патриотического воспитания (Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации 2022), авторами сформулированы утверждения, выражающие положительное отношение к стране, ее ценностям, символам, праздникам, историческому прошлому, к природе, труду во благо страны и ее будущему. Предварительная апробация инструментария, в которой приняло участие 100 студентов одного из московских вузов, показала необходимость корректировки некоторых утверждений и целесообразность исключения двух высказываний. В итоге в анкету были включены 12 утверждений, которые предлагалось оценить по степени согласия от 1 — совсем не похож на меня до 7 — очень похож на меня:

1. «Я стремлюсь соблюдать традиции своей страны, сохранить культуру».
2. «Я интересуюсь историей моей страны, смотрю документальные и художественные фильмы, читаю литературу и др.».
3. «Я чувствую необходимость трудиться на благо России».
4. «Я переживаю за судьбу России в условиях повышенных внешних угроз».
5. «Я чувствую ответственность за будущее России».
6. «Я забочусь о природе своей страны, чтобы будущие поколения жили в хороших условиях».
7. «Я чту День Победы и считаю нужным передать эту традицию будущим поколениям».
8. «Я чувствую ответственность за свою семью».
9. «Я интересуюсь историей своей семьи, их участием в исторических событиях России».

Полученные в результате анкетного опроса данные были подвергнуты предварительной обработке и статистическому анализу в среде разработки Google Colab с помощью языка программирования Python.

Результаты исследования

На первом этапе проанализированы баллы по каждому из утверждений, что позволило продемонстрировать общую тональность патриотического настроения и построить иерархию предложенных оценочных суждений по степени значимости. Согласно полученным данным, все утверждения получили выше среднего балла (4), что позволяет говорить о преобладающем позитивном настрое в исследуемой группе молодежи. Вместе с тем самую высокую степень согласия (больше 5 баллов) респон-

денты выражали с утверждениями, которые означали заботу о семье, природе и приверженность памятным историческим датам (табл. 1).

Таблица 1

Патриотические установки московских студентов (средний балл)

Патриотические установки	Средний балл
Я чувствую ответственность за свою семью	5.92
Я чту День Победы и считаю нужным передать эту традицию будущим поколениям	5.83
Я забочусь о природе своей страны, чтобы будущие поколения жили в хороших условиях	5.66
Я переживаю за судьбу России в условиях повышенных внешних угроз	5.44
Я интересуюсь историей своей семьи, их участием в исторических событиях России	5.34
Я стремлюсь соблюдать традиции своей страны, сохранить культуру	5.13
Я интересуюсь историей моей страны, смотрю документальные и художественные фильмы, читаю литературу и др.	4.96
Я чувствую ответственность за будущее России	4.76
Я чувствую необходимость трудиться на благо России	4.43

На следующем этапе был проведен иерархический кластерный анализ, который не требует указывать количество кластеров заранее, что подходит для решения исследовательской задачи, позволяя увидеть многоуровневую структуру данных без априорных предположений о возможном количестве скоплениях точек. В качестве меры расстояния применялось Евклидово расстояние, которая позволяет рассчитать сумму квадратов разностей между двумя точками в пространстве. Алгоритмом связи между образовавшимися кластерами послужил метод Варда, который минимизирует внутрикластерную дисперсию. В ходе процедуры кластерного анализа была изучена дендрограмма, которая позволила принять решение, сколько кластеров в итоге следует выделить. Визуально четко выделялись три кластера, что стало решающим фактором. В итоге были сформированы кластеры следующего объема: первая группа составила 48 % выборки, вторая — 28 %, третья — 24 % (рис. 1).

На рисунке 2 представлен средний балл в каждой из выделенных кластерных групп по рассматриваемым утверждениям. Проверка статистически значимых отличий в полученных совокупностях происходила с помощью непараметрического критерия Краскела-Уоллиса, используемого для сравнения средних в трех и более группах. Анализ полученных

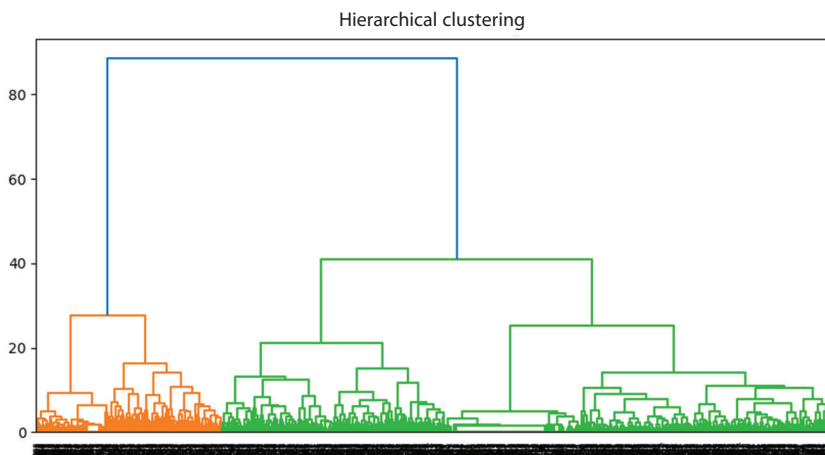

Рис. 1. Дендрограмма

результатов показывает, что во всех случаях полученные различия в баллах носят статистически значимый характер ($p < 0.000$).

Как и предполагалось, кластерная сегментация отражает внутреннюю неоднородность мнений, которую сглаживали общие групповые оценки. Как видно, в первый по объему кластер были включены те студенты, которые проявляют в наибольшей мере патриотические установки, выражая высокую степень согласия (более 5 баллов) со всеми предложенными утверждениями. В этом случае проявляется понимание значимости своего участия в истории развития страны и повышенный уровень социальной ответственности.

В отличие от первой группы, студенты из второго сегмента реже (менее 5 баллов) соглашались с тем, что интересуются историей своей страны или семьи либо чувствуют ответственность за будущее России и необходимость трудиться на благо страны. В этом кластере проявляются смешанные установки, когда из признания значимости социально-культурных атрибутов патриотизма не столь очевидно прослеживается понимание собственной ответственности за развитие страны и ее будущие перспективы.

И наконец, третий кластер, самый малочисленный, отражает проблемную в аспекте патриотического воспитания группу. В этот сектор объединены респонденты, которые выразили относительно невысокую степень согласия (около 4 баллов) с первыми тремя утверждениями, послужившим своего рода скрепой для всех трех групп. В то же время

	Первый кластер	Второй кластер	Третий кластер
Я чувствую ответственность за свою семью -	6.7	6.1	4.1
Я чту День Победы -	6.9	5.8	3.7
Я забочусь о природе своей страны -	6.5	5.7	3.8
Я переживаю за судьбу России -	6.5	5.4	3.3
Я интересуюсь историей своей семьи -	6.6	4.7	3.4
Я стремлюсь соблюдать традиции своей страны -	6.2	5.1	2.9
Я интересуюсь историей моей страны -	6.1	4.6	3.1
Я чувствую ответственность за будущее России -	6	4.5	2.5
Я чувствую необходимость трудиться на благо России -	5.7	4.1	2.3

Рис. 2. Патриотические установки представителей кластерных групп (средний балл)

в последнем кластере больше всего проявляется отчужденность от чувства привязанности и причастности к судьбе страны, ее будущему и культурно-исторической преемственности (меньше 3,5 баллов).

Таким образом, измерение патриотизма с помощью многомерной модели позволяет раскрыть данный феномен в особом ракурсе. Имея перед глазами групповую дифференциацию в зависимости от проявляемых патриотических установок в различном сочетании, можно рассмотреть социально-демографический профиль данных групп, патриотическую идентичность и отношение к феномену патриотизма как таковому.

Сначала отметим, что особых отличий по половозрастным характеристикам в выделенных кластерах не обнаружено. В каждом кластере большинство составляют девушки, что отражает общую структуру выборки. Есть небольшой нюанс, но он не носит статистически значимого характера — в первом кластере доля юношей чуть больше, чем во втором и третьем (37, 34, 32%). Средний возраст в каждой из групп составляет 19 лет, что также характерно для всей выборочной совокупности.

С методологической точки зрения интересно было проверить статистически значимую связь между переменной, фиксирующей кластерную принадлежность, и переменной, отражающую патриотическую идентичность. Последнее измерялось с помощью прямого вопроса в анкете: «Считаете ли Вы себя патриотом?» Данные показывают, что по всей выборке абсолютное большинство считает себя патриотом (89 %). Однако, анализируя измерение патриотизма прямым вопросом и косвенным способом с помощью многомерной модели, можно проследить определенную закономерность. В каждом кластере основную долю (76 % и более) составляют те, кто относит себя к патриотам, но именно в третьем кластере чаще

всего встречались те, кто скорее не видит себя патриотом и доля таких составила практически четверть ($\chi^2=87.033$, $\text{dof}=2$, $p<0.000$). Здесь отчасти затрагивается одна из ключевых проблем патриотического дискурса. Тот, кто относит себя к патриотам по типовым шкалам в рамках прямого вопроса, в то же время не во всех аспектах проявляет патриотические ценности (табл. 2).

Таблица 2

Патриотическая идентичность (%)

Считаете ли вы себя патриотом?	Первый кластер	Второй кластер	Третий кластер
Да / Скорее да	97	90	76
Нет / Скорее нет	3	10	24

Последним шагом в исследовании полученных кластеров стала проверка статистически значимых отличий между выделенными группами в восприятии феномена патриотизма. Информация об отношении к патриотизму как особому явлению получена на основе анализа степени согласия участников исследования с восемью утверждениями:

1. «Патриотизм — неотъемлемая составляющая российской культуры».
2. «Патриотизм — это естественное чувство для русского человека».
3. «Патриотизм — залог стабильности и безопасности общества».
4. «Патриотизм — пережиток прошлого, в современном обществе он не нужен».
5. «Патриотизм — технология государственного управления людьми».
6. «Патриотизм мешает развитию культуры».
7. «Патриотизм — это вопрос государственной важности, государство должно играть решающую роль в формировании патриотизма граждан».
8. «Патриотизм — это личное дело каждого, государство не должно вмешиваться в выбор человека».

Первые три высказывания были сформулированы с опорой на идеи субстанционального подхода и дискурс государственных документов, которые раскрывают положительные аспекты феномена патриотизма. Следующие три утверждения отражали мнение об устаревании идеи патриотизма, а также посыл критического подхода, который ссылается на технологии управления. Последние два высказывания касались приоритизации агентов контроля патриотического воспитания: личность или государство. Степень согласия с каждым из высказываний измерялась от 1 до 7 баллов, где 1 балл присваивался при отсутствии согласия, а 7 баллов — в случае полного согласия.

Сначала отметим, что для изучаемой группы молодежи в целом характерна положительная риторика о феномене патриотизма, причем с ориентацией на автономию в патриотическом воспитании (табл. 3).

Таблица 3

Согласие с утверждениями о патриотизме (средний балл)

Патриотизм — это...	Средний балл
неотъемлемая составляющая российской культуры	5,19
это личное дело каждого, государство не должно вмешиваться в выбор человека	4,67
это вопрос государственной важности, государство должно играть решающую роль в формировании патриотизма граждан	4,59
естественное чувство для русского человека	4,51
залог стабильности и безопасности общества	4,26
технология государственного управления людьми	3,38
мешает развитию культуры	2,55
пережиток прошлого, в современном обществе он не нужен	2,13

Анализ данных показал, что представители выявленных кластерных сегментов отличаются в оценке феномена патриотизма (рис. 3).

В первом кластере положительно окрашенные утверждения получили баллы, демонстрирующие высокую степень согласия (более 5), в то время как негативные аспекты восприятия феномена патриотизма получили низкие баллы. Стоит отметить, что именно в первом кластере по сравнению с другими группами наиболее высокий уровень поддержки получила

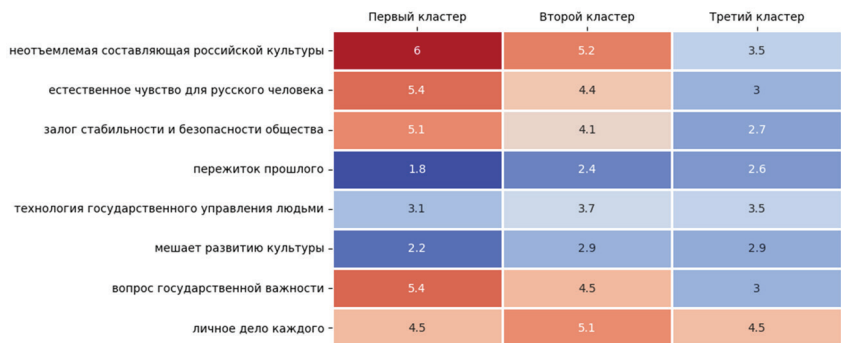

Рис. 3. Патриотизм — это... (согласие с утверждениями о патриотизме представителей кластерных групп, средний балл)

идея о том, что государство должно играть ведущую роль в патриотическом воспитании.

Во втором кластере в параллель первому отражается положительное отношение к патриотизму, который воспринимается как часть российской культуры, естественное чувство любви к Родине и залог стабильности. Вместе с тем студенты из данной группы, в отличие от представителей первого кластера, особо подчеркивали автономию в патриотическом воспитании. Примечательно и то, что во второй группе самый высокий показатель степени согласия с утверждением, раскрывающим сущность патриотизма как способа управления людьми.

Студенты из третьего кластера демонстрируют настороженное отношение к феномену патриотизма. Они строго очертили область автономии в отношении патриотического воспитания, указывая на то, что патриотизм — это личное дело каждого и государство не должно вмешиваться в выбор человека. Интересно, что в данном кластере проявилось некое сочетание идей из внеполитизированного и политизированного дискурсов о патриотизме, когда, с одной стороны, утверждается, что патриотизм — это часть российской культуры (3,5 балла), а с другой — признается контрольная функция патриотизма в политическом управлении (3,5 балла). Но баллы по этим утверждениям невысокие и приближаются к среднему показателю, что скорее свидетельствует о неуверенности в ответах.

Заключение

Феномен патриотизма многосторонний, поэтому его исследование требует применения специальных методов, которые позволят раскрыть латентную структуру данного явления в едином контенте. В статье показано применение кластерного анализа. Выделенные кластеры позволили косвенно зафиксировать типы людей сквозь призму оценки личностных установок по отношению к стране, семье, природному достоянию и культурно-историческому наследию государства. Как оказалось, на общем фоне позитивной тональности об отношении к стране, ее историческому прошлому и будущей судьбе в некоторых группах молодежи проявляются отголоски отчуждения от патриотических установок. Эмпирический анализ показал, что общий позитивный тон задают патриотические ориентиры, которые послужили своего рода связующими звеньями для всех выделенных кластерных групп, — это установки, связанные с семьей, знаковыми историческими событиями и отношением к природе страны. Неоднородность молодежной группы проявляется в оценке утверждений о собственной ответственности и личном вкладе в жизнь общества. Особое внимание привлекают молодые люди, которые продемонстрировали несогласие прак-

тически со всеми предложенными высказываниями о патриотических установках. Следовало ожидать, что будут выявлены патриоты, сомневающиеся патриоты и студенты со слабо выраженными патриотическими установками. Однако в вопросах эмпирического измерения затрагиваются эффекты социальной желательности, когда стоит подумать над тем, готовы ли люди признаться в антипатриотических настроениях, если задавать прямые вопросы? Благодаря проведенному кластерному анализу удалось выявить неоднородную палитру мнений, характерную для той или иной группы студентов, позиционирующих себя на оси «патриот — антипатриот» через самооценку своего действенного отношения к стране. В отличие от прямых ответов, когда за утверждениями о патриотизме скрывается субъективное определение личной роли в жизни страны, мы видим конкретную оценку своего вклада в развитие страны патриотично настроенной молодежи. Как оказалось, этот вклад в иерархии патриотических личностных установок на последнем месте во всех трех группах. В этой связи методологически значимой послужила информация о патриотической идентичности студентов в выделенных кластерных группах. Ожидаемо, что риторика о собственном патриотизме сильнее всего звучала в группе респондентов, которые в то же время явно демонстрируют патриотические установки, и немного слабее — в группе с невыраженными патриотическими убеждениями. Интерес вызывает то, что в итоге большинство в каждой из выявленных кластерных групп утвердительно ответили на прямой вопрос о патриотической идентичности и только групповая сегментация по патриотическим установкам показывает противоречивость такого позиционирования. Имеющиеся данные не отвечают на вопрос, почему человек относит себя к патриотам, но в частности не проявляет характерного отношения к жизни страны и общества. Выявленные сложности скорее проясняют вопросы для будущего качественного исследования. Более того, подталкивает к размышлениям тот факт, что по всей выборке и в каждой из кластерных групп проявилось единодушное мнение о необходимости соблюдения автономии личности в вопросах формирования патриотизма. Молодежь подчеркивает значимость собственного выбора. Также вызывает вопрос несогласие практически со всеми утверждениями молодежи из третьего кластера — это действительно отсутствие сформированного мнения о феномене патриотизма или своего рода уход от высказывания какого-либо мнения? Можно сказать, что полученные данные не только позволили показать неоднородность группы молодежи в отношении патриотизма и выявить латентную групповую структуру в зависимости от уникального сочетания взглядов на исследуемый феномен, но и обозначить вопросы для дальнейших разработок в данной области.

Литература / References

Анкудинов И.А. (2024) Патриотический дискурс в Рунете: до и после 24 февраля 2022 г. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2: 153–177.

Ankudinov I.A. (2024) Patriotic Discourse in Runet: Before and after February 24, 2022. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2: 153–177 (in Russian).

Ивченкова М. С., Буханский И. И. (2024) Теоретические конструкты и опыт эмпирического анализа патриотизма в современной российской социологии. *Вестник Института социологии*, 15(2): 81–97.

Ivchenkova M.S., Bukhanskii I.I. (2024) Theoretical constructs and experience of empirical analysis of patriotism in modern Russian sociology. *Vestnik instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 15(2): 81–97 (in Russian).

Касамара В.А. (2023) Многогранный патриотизм: от концепции к исследованию молодежных представлений. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(3): 201–233.

Kasamara V.A. (2023) Multifaceted patriotism: from concept to research on youth representations. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(3): 201–233 (in Russian).

Кислицына О.А. (2011) Национальная гордость и проявление патриотизма. *Наука. Культура. Общество*, 1: 26–36.

Kislitsyna O.A. (2011) National Pride and Manifestation of Patriotism. *Nauka. Kultura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society], 1: 26–36 (in Russian).

Луков Вал. А. (2018) Тезаурусная социология: в 4 т. Т. 1. М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та.

Lukov V.A. (2018) *Thesaurus Sociology: in 4 vols. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta* (in Russian).

Маленков В.В., Мальцева Н.В. (2024) Профили патриотизма в сознании студенческой молодежи Тюмени. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 17(2): 159–174.

Malenkov V.V., Maltseva N.V. (2024) Profiles of patriotism represented in students' consciousness in Tyumen. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology], 17(2): 159–174 (in Russian).

Мартынов М.Ю., Габеркорн А.И. (2019) Как нам измерить патриотизм? К вопросу о концептуализации понятия. *Вестник Пермского университета. Политология*, 13(4): 31–43.

Martyunov M.Yu., Gaberkorn A.I. (2019) How do we measure patriotism? On the conceptualization of the concept. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science], 13(4): 31–43 (in Russian).

Мартынов М.Ю., Фадеева Л.А., Габеркорн А.И. (2020) Патриотизм как политический дискурс в современной России. *Полис. Политические исследования*, 2: 109–121.

Martynov M.Yu., Fadeeva L.A., Gaberkorn A.I. (2020) Patriotism as Political Discourse in Contemporary Russia. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2: 109–121 (in Russian).

Нурекеева А.Б., Кудинова И.Б., Гаврилушкин С.А. (2015) Кластерная модель патриотичности студентов. *Вестник РУДН. Серия: Педагогика и психология*, 4: 27–33.

Nurekeeva A.B., Kudinova I.B., Gavrilushkin S.A. (2015) Cluster model of patriotism in students. *Vestnik RUDN. Seriya: Pedagogika i psihologiya* [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics], 4: 27–33 (in Russian).

Оботурова Н.С. (2024) Онтологический смысл патриотизма. *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*, 1(12): 87–92.

Oboturova N.S. (2024) Ontological Meaning of Patriotism. *Vserossijskij nauchno-prakticheskij zhurnal social'nyh i gumanitarnyh issledovanij* [All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities], 1(12): 87–92 (in Russian).

Селиверстова Н.А., Курганская М.Я. (2017) Патриотизм. *Знание. Понимание. Умение*, 1: 232–239.

Seliverstova N.A., Kurganskaya M. Y. (2017) Patriotism. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 1: 232–239 (in Russian).

Трифонов Ю.Н. (2016) О патриотической идеологии в условиях идеологического многообразия. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 3(35): 245–254.

Trifonov Yu.N. (2016) About patriotic ideology in the ideological diversity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 3(35): 245–254 (in Russian).

Халий И.А. (2017) Патриотизм в России: опыт типологизации. *Социологические исследования*, 2: 67–74.

Khaliy I.A. (2017) Patriotism in the Russian: typology. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 2: 67–74 (in Russian).

Chatterjee D.T. (2017) Plausibility of Cultural Marginality in Postmodern Times: A Study in Contemporary Perspectives. *Galaxy: International Multidisciplinary Research Journal*, 8(1): 873–881.

Elban M., Aslan S. (2023) The role of constructive patriotism in the relationship of basic human values and active citizenship for emerging adults in Türkiye. *BMC Psychology*, 11 [https://bmcpsychology.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40359-023-01233-z] (дата обращения: 10.02.2025).

Huddy L., Khatib N. (2007) American Patriotism, National Identity, and Political Involvement. *American Journal of Political Science*, 51(1): 63–77.

Maslak A., Pozdnyakov S. (2018) Measurement and multifactorial analysis of students' patriotism. *Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference*, 1: 373–383.

Mußotter M. (2022) We do not measure what we aim to measure: Testing Three Measurement Models for Nationalism and Patriotism. *Qual Quant*, 56: 2177–2197.

Schatz R.T., Staub E., Lavine H. (1999) On the Varieties of National attachment: Blind Versus Constructive Patriotism. *Political Psychology*, 20(1): 151–174.

Sekerdej M., Roccas S. (2016) Love versus loving criticism: Disentangling conventional and constructive patriotism. *British Journal of Social Psychology*, 55(3): 499–521. <https://doi.org/10.1111/bjso.12142>.

Источники

Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». *ГАРАНТ.РУ. Информационно-правовой портал*. [<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>] (дата обращения: 10.02.2025).

Указ Президента РФ от 07 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». *ГАРАНТ.РУ. Информационно-правовой портал*. [<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/>] (дата обращения: 10.02.2025).

Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации. Методические рекомендации (2022). [https://patriot.nso.ru/sites/patriot.nso.ru/wodby_files/files/document/2022/12/documents/metodicheskie_rekomendacii_osnovu_patr_vospitaniya.pdf] (дата обращения: 10.02.2025).

PATRIOTISM OF MOSCOW STUDENT YOUTH: A CLUSTER ANALYSIS

*Antonina Pinchuk*¹ (antonina.pinchuk27@bk.ru),
*Dmitry Tikhomirov*¹ (dat1983@yandex.ru),
*Egor Vakhnenko*² (egor.vakhnenko@mail.ru)

¹ Institute of Sociology of the FCTAS RAS Moscow, Russia

² National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russia

Citation: Pinchuk A., Tikhomirov D., Vakhnenko E. (2025) Patriotism of Moscow student youth: a cluster analysis. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(4): 177–195 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.8> EDN: XKSNYD

Abstract. The article presents the results of an empirical study aimed at identifying the group structure of young people depending on the perception of the phenomenon of patriotism. Using the theoretical provisions of the constructivist approach, according to which the phenomenon of patriotism is constituted in the process of interaction of social groups, the authors proposed using a multidimensional analysis to identify the distribution of young people into cluster groups reflecting a unique combination of patriotic attitudes and social ideas about patriotism. The materials of the author's sociological research carried out in March-April 2025 through a questionnaire were used as an empirical base. A total of 1062 students from Moscow universities participated in the study. As a result of the cluster analysis, three groups of students were identified depending on the manifestation of patriotic attitudes, which made it possible to reflect the internal heterogeneity of opinions, which was smoothed out by general group assessments. The first cluster contains respondents who are most patriotic, who recognize the importance of their participation in the history of the country's development, show a high level of social responsibility, and believe that the state should play a leading role in patriotic education. In the second cluster group, mixed attitudes are manifested, when recognition of the importance of socio-cultural attributes of patriotism does not so clearly reflect an understanding of one's own responsibility for the development of the country and its future prospects. The third cluster, the smallest, reflects a group that is problematic in terms of patriotic education, where alienation from a sense of attachment and belonging to the fate of the country, its future and cultural and historical continuity is manifested. In the context of the identified cluster segments, patriotic identity and attitudes towards the phenomenon of patriotism are analyzed. The data obtained made it possible not only to identify a latent group structure depending on a unique combination of views on the phenomenon of patriotism, but also to identify issues for further developments in this area.

Keywords: patriotism, measurement of patriotism, patriotic attitudes, cluster analysis, youth.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ОБРАЗ ПЕТРА I В ПОСТСОВЕТСКОМ ТАТАРСТАНЕ: ВЕРСИИ ЭЛИТ И МАССОВЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Николай Иванович Карбаинов (n_karbainov@mail.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Карбаинов Н.И. (2025) Образ Петра I в постсоветском Татарстане: версии элит и массовые исторические представления. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(4): 196–218. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.9>
EDN: LHCUZQ

Аннотация. В рамках доминирующей версии татарской национальной истории интеллектуальными элитами постсоветского Татарстана конструируется и транслируется в массовое сознание негативный образ Петра I как «гонителя мусульман» и «врага татарского народа». Эта версия вступает в противоречие с образом Петра I как «великого императора», который создается и транслируется в рамках общефедеральной российской истории. Результаты нашего исследования показали, что представители политической элиты Татарстана в своих публичных выступлениях, в отличие от интеллектуальных элит, позитивно оценивают деятельность Петра I. Анализ материалов интервью и анкетного опроса демонстрирует, что большинство жителей Казани высоко и положительно оценивают роль Петра I в истории России и Татарстана и респондентами Петр I рассматривается прежде всего как исторический деятель общероссийского масштаба и в меньшей степени как личность, оказавшая влияние на историю Татарстана и татарского народа. Таким образом, полученные данные свидетельствуют, что негативные оценки деятельности Петра I, которые даются татарской интеллектуальной элитой, слабо представлены как во взглядах политической элиты республики, так и в массовом сознании жителей Казани вне зависимости от этнической и возрастной принадлежности.

Ключевые слова: историческая политика, национальная история, массовые представления, Татарстан, Петр I.

Император Петр I — одна из центральных фигур российской истории. Его роль в основном оценивается в позитивных тонах. Во главе с Петром I Россия одержала победу в Северной войне над Швецией. Петр I «отрезал бороды боярам», основал Санкт-Петербург и «прорубил окно в Европу» ... Образ великого императора транслируется посредством учебников по истории, научно-популярной и художественной литературы, кинопродук-

ции, СМИ и других инструментов в массовое историческое сознание россиян.

Ключевыми центрами формирования доминирующей общенациональной версии российской истории, важное место в которой отводится деятельности Петра I, являются Москва и Санкт-Петербург. Но помимо общероссийской истории, создаваемой в столицах, во многих регионах Российской Федерации существуют свои региональные версии истории (Миллер, Малинова, Ефременко 2023). Как правило, эти региональные версии комплементарны со столичной историей, но в ряде случаев содержат интерпретации и оценки тех или иных исторических событий и деятелей, которые противоречат общенациональной версии истории России. Особенно много таких конфликтов в интерпретациях и оценках имеют национальные истории, которые активно конструируются после распада СССР в некоторых республиках Российской Федерации (Shnirelman 1996; Аймермахер, Бордюгов 1999; Бомсдорф, Бордюгов 2009 и др.).

Подобные конфликты интерпретаций и оценок являются результатом политизации прошлого в контексте определенной исторической политики (Миллер, Липман 2012). В этом случае, как отмечает А.И. Миллер, исследователи должны сосредоточиться «не только, и даже не столько на различных интерпретациях *прошлого* в рамках исторической политики, сколько на вопросах об акторах, институтах, методах этой политики» (Миллер 2012: 12).

Историческое прошлое один из важных ресурсов построения национальной идентичности. Общим местом во многих теориях национализма выступает аргумент о политических и интеллектуальных элитах как ключевых акторах конструирования национальных историй (Gellner 1983; Anderson 1983). Исходя из логики данного аргумента рядовые члены (этно) национальных групп являются пассивными потребителями образов исторического прошлого, которые создаются элитами. Это приводит нередко к отождествлению исторических образов, конструируемых элитами, с историческими представлениями обывателей (Карбаинов, Галиндабаева 2021: 176). По этому поводу Р. Брубейкер отмечает, что исследования коллективной памяти в основном «фокусируются на конструкции, а не на рецепции, на главных героях в битвах за память, а не на реакциях обычных людей» (Brubaker 2006). По его мнению, в подобных исследованиях преувеличивается «резонанс и важность исторической памяти для тех, кто не принимает участие в ее производстве и воспроизводстве» и нередко презентистская реконструкция прошлого не находит отклика у широкой публики (Brubaker 2006).

Критические замечания, высказанные Брубейкером относительно зарубежных исследований, справедливы и в отношении многих отечественных работ в области изучения исторической политики, например в отношении публикаций В.А. Шнирельмана (Shnirelman 1996). В его работах этнические группы выступают в качестве ключевых субъектов в борьбе за «славное прошлое» с другими этническими группами (Shnirelman 1996: 2). При этом В.А. Шнирельман признает, что историческую продукцию производит небольшой круг интеллектуалов, но в силу того, что интеллектуалы пишут школьные учебники по истории, их исторические взгляды через систему народного образования распространяются на большинство рядовых представителей своей этнической группы (Shnirelman 1996: 4). С одной стороны, можно согласиться с последним тезисом о том, что система образования в некоторых случаях играет важную роль в формировании исторических представлений народных масс, с другой стороны, историческая политика элит в иных случаях может оказаться неэффективной, и дискурсы элит могут серьезно расходиться со взглядами простых людей. По сути, для подтверждения или опровержения данного тезиса в каждом конкретном случае нужно проводить эмпирические исследования массовых исторических представлений. Таким образом, на наш взгляд, при изучении исторической политики важно исследовать не только различные интерпретации прошлого и элитных актов, формирующих эту политику, но и то, каким образом данная политика влияет на массовые представления и поведение простых граждан.

Одним из самых ярких примеров российского региона, в котором была создана своя национальная версия истории, отчасти конкурирующая с общефедеральной, выступает Республика Татарстан. Ключевую роль в конструировании национальной истории в постсоветском Татарстане сыграли республиканские политические и интеллектуальные элиты, и эта тема достаточно изучена (Shnirelman 1996; Шнирельман 2002; Исхаков 1999; Davis et al. 2000; Zverev 2002). В то же время недостаточно исследована проблема влияния дискурсов национальной истории, создаваемой элитами, на массовые исторические представления рядовых жителей Татарстана. В научной литературе и источниках СМИ мы можем встретить два альтернативных взгляда на проблему влияния татарской национальной идеологии (в том числе исторической политики) на массовые представления жителей Татарстана: 1) широкая «татаризация» и 2) «национальные архипелаги», или частичная «татаризация». В рамках первой точки зрения можно выделить, в свою очередь, еще три позиции: «татаризация сверху», «татаризация снизу» и «встречная татаризация» (Карбаинов 2018; Карбаинов, Галиндабаева 2021).

Отметим, что сторонники обоих взглядов (широкой «татаризации» и «национальных архипелагов»), как правило, опираются либо на собственные экспертные оценки (Сулейманов 2014), либо на содержательный анализ текстов, созданных представителями интеллектуальных и политических элит (Shnirelman 1996), либо на результаты культурно-антропологических исследований, проведенных с помощью качественных методов (Alvarez Veinguer 2007; Friedli 2012; Suleymanova 2018a и др.). Таким образом, используя результаты данных исследований, мы не можем оценить масштабы «татаризации» на уровне массовых исторических представлений в количественных показателях. В то же время аргументы о широкой «татаризации» или частичной «татаризации» (формировании «национальных архипелагов») можно использовать для выдвижения гипотез в рамках количественного социологического исследования (Карбаинов, Галиндабаева 2021).

Исходя из постановки проблемы, мы в статье ставим следующие цели: во-первых, рассмотреть образ Петра I, который конструируется элитами Татарстана в рамках национальной истории, и то, как этот образ соотносится с общенациональной версией истории; во-вторых, проанализировать образ Петра I, представленный в массовом сознании жителей Татарстана, и то, как этот образ связан с образом, создаваемым региональными элитами. В рамках статьи на примере образа Петра I, используя материалы анкетного опроса, мы отчасти проверим две альтернативные гипотезы: 1) о широкой «татаризации» и 2) частичной «татаризации».

Гипотеза о широкой «татаризации» предполагает, что трансляция национальной версии истории, конструируемой элитами Татарстана сверху и этнокультурными активистами снизу, оказалась эффективной и значительно повлияла на формирование исторической картины мира населения республики. В соответствии с этой гипотезой подразумевается, что большинство жителей Татарстана интересуются и имеют знания, а также испытывают эмоциональные переживания относительно ключевых событий и эпох, исторических деятелей национальной истории. Важными индикаторами, с помощью которых можно оценить эффективность региональных элит в формировании массовых исторических представлений жителей Татарстана, являются этническая принадлежность и возраст. Мы предполагали, что в ответах респондентов, принадлежащих к двум основным этническим группам населения Татарстана — татарам и русским, будет наблюдаться большое количество статистически значимых различий. В этом случае массовые исторические представления татар будут ближе к версии истории, конструируемой элитами Татарстана, так как национальная история, согласно теориям национализма, один из важных инструментов конструирования (этно)национальной идентичности. В то же

время представления русских респондентов будут ближе к российской или русской версии истории, транслируемой федеральными элитами. С помощью критерия «возраст» мы также проверяли предположение об эффективности исторической политики элит Татарстана. Предполагалось, что между историческими представлениями старших и младших возрастных групп будут также наблюдаться статистически значимые различия. В данном случае эти различия, вероятно, могли быть связаны с тем, что представители старших возрастных групп не получали свои знания по истории Татарстана из школьных учебников, изданных в 1990–2000-е годы, в отличие от более младших возрастных групп, которые учились по ним в школе. Альтернативой первой гипотезы является гипотеза о частичной «татаризации». Исходя из этой гипотезы, мы предполагали, что элиты Татарстана незначительно повлияли на массовое историческое сознание жителей региона. Эта гипотеза должна была подтвердиться, в том случае если меньшинство жителей Татарстана интересуются и имеют знания, а также испытывают эмоциональные переживания относительно ключевых событий и эпох, деятелей татарской национальной истории. Также о низкой эффективности исторической политики элит Татарстана будет свидетельствовать отсутствие статистически значимых различий в представлениях между татарами и русскими и между старшими и младшими возрастными группами (Карбаинов, Галиндабаева 2021: 180–181).

В статье мы используем эмпирические материалы нашего проекта «Войны памяти» и «конвенции памяти» в постсоветском Татарстане: элитарные версии исторического прошлого и массовые представления». Образ Петра I, создаваемый элитами Татарстана, мы раскроем с помощью анализа учебных пособий по истории татарского народа, научно-популярной литературы, СМИ. Для анализа массовых исторических представлений воспользуемся материалами интервью с жителями Татарстана и данными анкетного опроса жителей Казани (n=1000).

Структура статьи строится следующим образом: в первом разделе мы рассмотрим общие особенности исторической политики в постсоветском Татарстане. Во втором разделе покажем, какой образ Петра I производят представители элит Татарстана. Третий раздел будет посвящен тому, как представлен образ Петра I в массовом историческом сознании жителей региона.

Историческая политика в Татарстане: институты, инструменты, идеологемы

Конструирование национальной истории — один из важнейших инструментов нациестроительства (наряду с языковой и религиозной

политикой) в постсоветском Татарстане. Главными создателями национальной идеологии (в том числе национальной истории) в Татарстане являются представители татарской национальной интеллигенции при поддержке политических элит республики (Shnirelman 1996; Шнирельман 2002; Сагитова 1998; Davies et al. 2000; Низамова 2001; Zverev 2002).

Для идеологического поля в Татарстане в 1990–2010 гг. была характерна борьба сторонников различных течений и идей, например между собой конкурировали умеренные и радикальные татарские националисты (Мухаметдинов 2006). В лагерь умеренных националистов входят представители татарской гуманитарной интеллигенции, в основном работающие в Академии наук Татарстана. К радикальным националистам можно отнести активистов таких общественно-политических движений, существовавших в 1990–2010 гг., как Всетатарский общественный центр¹, татарская партия национальной независимости «Иттифак» во главе с Фаузией Байрамовой, Союз татарской молодежи «Азатлык», Татарский патриотический фронт «Алтын Урда» и др. С конца 1980-х до 1993–1994 гг. правящая элита Татарстана активно сотрудничала с представителями татарских этнонационалистических организаций (Мухаметдинов 2006; Сергеев, Сергеева 2009). В дальнейшем власти дистанцировались от радикальных националистов, лишь изредка привлекая их для проведения митингов и пикетов (Сергеев, Сергеева 2009: 126). В то же время правящая политическая элита Татарстана продолжает сотрудничать, особенно в области исторической политики, с умеренными татарскими националистами.

Также в Татарстане действуют другие идеологические течения, сторонники которых пытаются бросить вызов доминирующей идеологии. Мы выделяем следующие оппозиционные идеологии: русскую, крымско-татарскую, болгарскую и тюрко-тенгрианскую. Победителями в этой идеологической борьбе при поддержке республиканских политических элит в начале 1990-х годов стали и остаются по настоящее время умеренные татарские националисты. Именно они формируют ключевые идеологемы официально поддерживаемой властями республики национальной идеологии Татарстана (в том числе в области исторической политики) (Карбаинов 2018).

Основными производителями и трансляторами национальной истории выступают Министерство образования и науки РТ, институты Академии наук РТ, Казанский федеральный университет и другие научные

¹ Всетатарский общественный центр признан в Российской Федерации экстремистской организацией.

и учебные заведения, издательства, музеи и т.д. (Гилязов 2000; Усманова 2003; Alvarez Veinguer 2007). Ключевыми средствами передачи дискурсов национальной истории являются учебные курсы по истории татарского народа и Татарстана в средней и высшей школе (Гилязов 2000; Гибатдинов 2003; Шнирельман 2016), СМИ (газеты, телевидение) (Сагитова 1998; Davies et al. 2000; Низамова 2001).

Серьезные ограничения на трансляцию национальной истории Татарстана были наложены в результате исключения этнорегионального компонента из школьных программ в 2007 г. по всей России. Вследствие этого исключения история Татарстана с 2007 г. преподается в школах не как отдельный курс, а дополнительно (не более 10 академических часов) в рамках общего курса по истории России (Suleymanova 2018b: 60). Также исторические знания по истории Татарстана даются в средней школе на уроках татарского языка и литературы и (редко) на уроках обществознания. Но в этом случае большую роль, как показала Д. Сулейманова в своем исследовании, играют учителя. В татарских школах учителя могут транслировать исторические знания по истории Татарстана даже на уроках английского языка (Suleymanova 2018b).

Мы выделяем следующие ключевые взаимосвязанные и взаимодополняющие идеологемы, на основе которых конструируется национальная история татарского народа: 1) идеологема балансирования между татарским этнонационализмом и гражданским национализмом («татарстанизмом»); 2) идеологема пантатаризма, или татарского мира; 3) идея потерянной в 1552 г. и вновь обретенной в 1990-е годы государственности; 4) исламоцентризм; 5) евразийство; 6) идея значительного вклада татарского народа в российскую и мировую культуры; 7) тюркизм (Карбаинов, Галиндабаева 2021). Именно на пересечении данных идеологем конструируется доминирующая версия татарской национальной истории.

Взгляды элит

Национальная история татарского народа в конце 1980–1990-х годов не создавалась с чистого листа, скорее историки Татарстана обратились к историческим нарративам, созданным представителями татарского национального движения второй половины XIX — начала XX в., включая идеи участников этого движения, которые после Гражданской войны оказались в эмиграции. Так, деятель татарского национального движения начала XX в., политический эмигрант Гаяз Исхаки в работе «Идель-Урал», впервые опубликованной в 1933 г. и переизданной в Казани в 1991 г., следующим образом охарактеризовал роль Петра I в истории татар: «XVIII век был открыт репрессиями “прогрессивного” Петра I, направ-

ленными к обезличиванию тюрко-татар как на национальном и религиозном, так и на экономическом фронте» (Исхаки 1991). При Петре I «была уничтожена даже видимость Казанского ханства ... Москва “использовала случай” и образовала Казанскую губернию, поставив во главе ее губернатора. Таким образом, край, до этого официально называемый Казанским ханством, стал называться Казанской губернией. В результате этой реформы, в начале XVIII века бывшее Казанское ханство потеряло даже оставшуюся тень самостоятельности» (Исхаки 1991). Еще одним «злодеянием», с точки зрения Г. Исхаки, было то, что в 1713 г. Петр I отменил привилегии «татарских служилых людей» и поставил в качестве условия сохранения за ними поместий и вотчин их крещение, а в 1718 г. приписал служилых татар к так называемым лашманам («приписанным к корабельным работам») (Исхаки 1991).

Негативные мнения о деятельности Петра I воспроизводятся в постсоветском Татарстане в научной и публицистической литературе, материалах СМИ, создаваемых представителями татарской интеллектуальной элиты. Так, журналист Д. Семягин кратко пересказал исторические претензии татарских интеллектуалов к Петру I, но при этом отождествил их точку зрения с представлениями всех казанцев, татар: «Петр I — первый российский самодержец после Ивана IV Грозного, который побывал в Казани. Он провел несколько дней в городе в 1722 году во время своего персидского похода. И хотя пребывание Петра I было для Казани совсем не таким разрушительным, он легко может поспорить за звание самого нелюбимого казанцами самодержца с Иваном Грозным. Дело не только в изданных первым русским императором указах о “крещении иноверцев”. Татары недобрым словом упоминают еще и то самое адмиралтейство. Для заготовки леса для кораблестроения в Казанской губернии Петр I распорядился использовать государственные крестьян нерусских народов. Их называли лашманами. Большинство из них составляли татары. Так как на заготовку леса людей сгоняли за сотни верст от своих земель, а работы проводились в очень тяжелых условиях, для казанских татар это была одна из самых ненавистных повинностей» (Семягин 2015).

Такие же оценки деятельности Петра I, хотя более взвешенные и смягченные, мы можем встретить на страницах учебного пособия для 7-го класса по истории Татарстана. В частности, большое внимание уделяется политике принудительной христианизации в петровское время:

Первым решительную попытку добиться этого в XVIII веке предпринял царь Петр Алексеевич. В разные годы он подписал два грозных указа, направленных на обращение в православие татарских помещи-

ков. Указы отражали характер преобразователя России — горячий и бескомпромиссный. Поначалу Петр повелел крестить в течение полугода татар-землевладельцев, имевших русских крепостных крестьян. Затем он предписал за «невосприимчивость христианской веры» изъять у служилых татар крепостных православных крестьян с землей и имуществом (Гилязов, Пискарев 2012: 70).

Петровское время — это и новый этап христианизации нерусского населения края. Власти пытались обратить его в православие, сочетая меры принуждения и меры поощрения (Гилязов, Пискарев 2012: 71).

Авторы учебного пособия также уделяют внимание лашманам:

На Адмиралтейство работало несколько десятков тысяч «Лашманов». <...> Жили они в сырых и холодных землянках. Крепкие и толстые дубовые деревья нужно было повалить и очистить от веток. По снегу бревна волокли к берегу реки. Оттуда они уже весной, по большой воде, переплывались в Казань. Тысячи людей погибали во время этих работ. И каждое судно, построенное в Казанском адмиралтействе, было обильно полито их потом и слезами (Гилязов, Пискарев 2012: 53).

Важно отметить, что деятельность Петра I в научно-популярной и учебной исторической литературе имеет четкую региональную привязку. Татарских историков в первую очередь интересует, что делал Петр I в Среднем Поволжье (т.е. на территории современного Татарстана) и как его политика отражалась на жизни татарского народа.

В 2005 г. к празднованию 1000-летия Казани власти Санкт-Петербурга сделали подарок столице Татарстана: была реконструирована и обновлена улица Петербургская. По планам проектировщиков, на этой улице предполагалось воздвигнуть памятник Петру I. Татарская «общественности» резко выступила против установки памятника «врагу мусульман» и «русскому тирану». В результате вместо памятника российскому императору был установлен бюст Л.Н. Гумилева.

Таким образом, татарскими интеллектуалами конструируется негативно окрашенный образ Петра I как «врага татарского народа» и «врага мусульман», его ставят в один ряд с другим «гонителем» — Иваном Грозным. При этом интересно отметить, что если образ Ивана Грозного однозначно оценивается негативно (Карбаинов 2019), а деятельности Екатерины II в отношении татар даются положительные оценки (Галиндабаева 2020) в дискурсах как интеллектуальной, так и политической элиты Татарстана, то в оценках исторической роли Петра I существует расхож-

дение между мнениями татарской гуманитарной интеллигенции и мнениями представителей политической элиты региона.

Так, Р. Мухаметдинов в своей книге приводит случай, когда в одной из передач на Центральном телевидении первого президента Татарстана Минтимера Шаймиева спросили: «Кого из правителей всех времен и народов Вы бы взяли за образец государственного деятеля?» На это М. Шаймиев ответил: «Петра I». Также Р. Мухаметдинов приводит цитату председателя Госсовета Татарстана Ф. Мухаметшина, который заявил, что ему «импонирует фигура Петра I как целеустремленного и решительного лидера». Подобные заявления вызвали возмущение у автора книги, который принялся обвинять их в том, что «они не знают татарскую историю даже на уровне ученика средней школы. Возникает ощущение, что они не тем народом руководят. Они ведь руководители не Вологодской области, а Татарстана» (Мухаметдинов 2006: 75–76).

Проведенный анализ высказываний представителей политической элиты республики в источниках СМИ также показывает, что в отношении Петра I встречаются либо позитивные, либо нейтральные оценки его исторической роли. Негативные оценки отсутствуют. Единственным исключением является высказывание бывшего мэра Казани Камиля Исхакова, который при этом дал амбивалентную оценку деятельности императора: «В настоящее время на протест националов публично отреагировала лишь казанская мэрия. Несколько дней назад глава города Камиль Исхаков со всей серьезностью заявил, что не ожидал такой реакции от мусульман республики и теперь ему придется еще раз проконсультироваться с питерской администрацией, чтобы решить судьбу одиозного подарка. Мэр даже в чем-то согласился с мнением националов, признав, что “в политике этого российского императора можно найти много моментов, которые были направлены против ислама и существования этой религии на территории России”. Однако, по мнению мэра, “Казань не была бы Казанью, если бы Петр I не создал здесь адмиралтейство, пороховое и суконное производства”» (Воробьева 2005).

Таким образом, взгляды элит Татарстана на деятельность Петра I разноречивы. С одной стороны, представители интеллектуальных элит создают образ Петра I как российского правителя, который негативно повлиял на историю татарского народа и транслируют этот образ через СМИ, научно-популярную и учебную литературу в массовое сознание. С другой стороны, политические деятели в публичных выступлениях воспроизводят позитивный образ «великого императора». Последнее вполне соотносится с образом Петра I, который создается в рамках общефедеральной версии истории.

Массовые представления

В этом разделе, опираясь на данные нашего социологического исследования, мы покажем, как повлияли или не повлияли взгляды элит Татарстана о Петре I на массовые представления жителей Татарстана¹. Для изучения массовых исторических представлений мы использовали как качественные, так и количественные методы исследования.

Мы провели полуструктурированные интервью с экспертами (29) и простыми жителями Татарстана (141). Экспертные интервью проводились с научными сотрудниками (в том числе с профессиональными историками), журналистами, представителями общественных движений и духовенства. Выборка с простыми жителями была построена по следующим критериям: 1) этничность (татары, русские, кряшены, болгары); 2) образование (высшее и среднее); 3) возраст (три основные группы: а) информанты до 1975 г.р.; б) информанты с 1976 по 1987 г.р.; в) информанты с 1988 до 1994 г.р.).

В путеводителе интервью не было вопросов о конкретных исторических событиях, эпохах и личностях. В том числе не было вопросов о деятельности Петра I. Интервьюеру необходимо было узнать у информанта его представления о «нашей истории» и ее оценку. Предполагалось, что информант самостоятельно выберет то, что для него является «нашей историей». В этом случае информант сам идентифицировал себя как часть «воображаемого сообщества» (государства или определенной этнической или социальной группы). Кто-то из информантов выбирал в качестве «нашей истории» историю России и (или) СССР, кто-то — историю Татарстана и (или) татарского народа и т.д. Также сам информант решал, о каких конкретных исторических событиях, эпохах и личностях он может рассказать.

Поквартирный анкетный опрос (n=1000) был проведен в мае 2014 г. в городе Казани. Выборка квотная, районированная, репрезентирующая взрослое население города (18 лет и старше) по этнической принадлежности, возрасту, полу и уровню образования. Расчет квот производился на основе данных Всероссийской переписи населения 2010 г. Структура

¹ Перед тем как перейти непосредственно к анализу эмпирических материалов, хотелось бы сказать об ограничениях нашего социологического исследования. Большинство интервью и анкетный опрос проведены в столице Татарстана Казани, которая, по мнению ряда исследователей, существенно отличается от других городов республики. Вероятно, имеются несоответствия между историческими представлениями жителей Казани и представлениями жителей других частей Татарстана, а возможно, между ними нет статистически значимых различий.

выборки: этническая принадлежность (татары — 50 %, русские — 50 %), возраст (18–24 л. — 15,5 %, 25–39 л. — 38,6 %, 40–54 л. — 19,2 %, 55 л. и старше — 26,7 %), пол (мужчины — 44,4 %, женщины — 55,6 %), уровень образования (среднее — 41,2 %, высшее — 57,3 %). В отличие от гайда интервью, анкета содержала вопросы, связанные с деятельностью Петра I.

Рассмотрим образы и оценку деятельности Петра I в массовых представлениях жителей Татарстана. Начнем с анализа интервью. Деятельности Петра I в интервью даются положительные, амбивалентные и негативные оценки. В качестве примера положительной оценки политики Петра I как государственника можно привести следующий нарратив:

Мне приходят только такие клише, которые заложили еще в школе, что Петр I был хороший, что Екатерина была хорошая... Я больше никого и не вспомню, наверное, кроме Петра и Екатерины, но вот они отпечатались в голове как клише. Что они много сделали для государства, они подняли экономику, они подняли государство, значит, они хорошие (рус., 24 г.).

Еще в одном интервью политика Петра I сравнивается с деятельностью Ивана Грозного, и Петр I, в отличие от Ивана Грозного оценивается как «положительный» и «великий» деятель:

Если так, Петр I допустим, тоже очень много [сделал], но вот он и открыл окно в Европу (смеется), но тоже вот нашел же себя как-то... От Грозного у меня как-то ассоциация осталась не очень приятная, ну вот наверное такие два лидера были такими значимыми считаю, остальных пока не припоминаю так положительно, то есть, вот Петр I для меня положительный и считается великим (тат., 38 л.).

Открытие «окна в Европу» преподносится в некоторых интервью как важное историческое достижение императора:

Петр I, наверное, окно в Европу открыл, таки для нашей для России. И: как ты это событие оцениваешь? Р: ну дал дорогу в Европу... дал путь вперед, толчок (тат., 32 г.).

В других интервью присутствуют амбивалентные оценки Петра I. Так, информантка в одной части интервью упоминает его среди исторических деятелей, которыми можно гордиться, а в другой говорит о том, что Петр I несправедливо подавлял «российский уклад»:

Я горжусь Петром I, Екатериной II Великой, горжусь Сталиным, и Шаймиевым, и Путиным на данный момент я тоже горжусь... Про Петра I я такого же не могу сказать, хоть он и многое значит для

истории. Несправедливо было подавлять российский уклад ради западного. Конечно, это пошло на пользу, что мы стали ближе к западу, прорубил окно на запад, но было несправедливо заставлять людей отрезать бороду или иначе они должны были платить штраф, это слишком. Как личность, он к своему сыну несправедливо относится (тат., 22 г.).

В другом интервью информант, наоборот, считает Петра I справедливым, хотя и жестоким правителем. При этом по мнению информанта жестокость императора была оправданной:

Царей было много. Петр I был справедливый, но жестокий, потому что в его время по-другому нельзя было, он строил флот, города. Если бы он сюсюкал, они бы ничего не добились, он сам работал как лошадь, но и другим спуска не давал. Кто-то справедливым его считал, кто-то тираном (тат., 61 г.).

Встречаются в материалах интервью и негативные оценки. Так, отвечая на вопрос о «золотом веке» в истории нашей страны, респондент ответил:

В Европе вроде Возрождение считается, у нас в России что там считается? Что можно было бы считать? Времена Петра I — дремучие времена. Вообще, все, что связано с правлением одного человека, это все дремуче, воля одного человека — это кошмар какой-то (тат., 26 л.).

Важно отметить, что в материалах интервью мы не обнаружили образ Петра I, который конструируется татарской гуманитарной интеллигенцией. Например, в интервью как с русскими, так и татарами мы не увидели образа Петра I как «гонителя мусульман» и «врага татарского народа». Также отсутствует привязка образа Петра I к региону Среднего Поволжья. Скорее фигура Петра I встраивается в контексты общероссийской истории.

Далее перейдем к результатам анкетного опроса. Результаты предыдущих социологических опросов, проведенных в Татарстане, показали, что Петр I имеет высокую популярность среди респондентов. Так, в исследовании 2001 г. Петр I очутился в четверке самых популярных выдающихся людей прошлого и современности, к которым респонденты чувствовали уважение (Бондаренко 2001: 262). В другом исследовании, проведенном в Казани в 2007 г., Петр I оказался во главе списка самых популярных исторических деятелей (Копосов 2011: 171–172).

В рамках анкетного опроса нас интересовали исторические представления респондентов как об истории России, так и об истории Татарстана.

На вопрос о наиболее интересных эпохах в истории России 24,1 % жителей (25,6 % татар и 22,6 % русских)¹ ответили, что интересуются эпохой Петра I. Больше вызывает интерес у респондентов только история Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (табл. 1).

Таблица 1

**Наиболее интересные эпохи в истории России
(распределение по этническим группам), %²**

Какие эпохи в истории России наиболее интересны для вас? (Выберите, пожалуйста, не более трех вариантов ответа)	Татары	Русские	Всего
Великая Отечественная война 1941–1945 гг.	28,8	27,1	28
Эпоха Петра I	25,6	22,6	24,1
Время царствования Екатерины II	20,2	20	20,4

Практически для всех возрастных групп респондентов (за исключением группы 40–45 лет) наибольший интерес вызывает Великая Отечественная война 1941–1945 гг., а на втором месте по интересу расположилась эпоха Петра I. Только для 40–45-летних эпоха Петра I вызывает наивысший интерес (табл. 2).

Таблица 2

**Наиболее интересные эпохи в истории России
(распределение по возрастным группам), %**

Какие эпохи в истории России наиболее интересны для вас? (Выберите, пожалуйста, не более трех вариантов ответа)	18–24	25–39	40–54	55 и старше
Великая Отечественная война 1941–1945 гг.	31,0	27,7	25,5	27,0
Эпоха Петра I	24,5	20,5	30,2	23,6
Время царствования Екатерины II	18,1	17,1	26,0	15,0
1990-е годы	15,5	11,9	14,1	6,4
Киевская Русь	9,7	14,0	19,3	13,5

В истории Татарстана респондентов больше интересует история Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Эпоха Петра I в исто-

¹ Проценты во всех таблицах даются от числа опрошенных респондентов.

² В этой таблице, как и в следующих, представлены не все варианты ответов, которые присутствовали в анкете. Варианты ответов приводятся не в том порядке, в котором они стояли в анкете, а в порядке убывания.

рии Татарстана вызывает меньший интерес у жителей Казани — 12,4 % (11,4 % татар и 13,4 % русских) (табл. 3).

Таблица 3

**Наиболее интересные эпохи в истории Татарстана
(распределение по этническим группам), %**

Какие эпохи в истории Татарстана наиболее интересны для вас? (Выберите, пожалуйста, не более трех вариантов ответа)	Татары	Русские	Всего
Волжская Булгария	40	28,7	34,3
Золотая Орда	20,9	19,1	20
Казанское ханство	23,9	16,1	20
Эпоха Петра I	11,4	13,4	12,4

Такое же распределение интереса характерно и для всех возрастных групп (табл. 4).

Таблица 4

**Наиболее интересные эпохи в истории Татарстана
(распределение по возрастным группам), %**

Какие эпохи в истории Татарстана наиболее интересны для вас? (Выберите, пожалуйста, не более трех вариантов ответа)	18–24	25–39	40–54	55 и старше
Волжская Булгария	32,9	35,8	38,0	28,5
Золотая Орда	22,6	23,1	18,2	14,2
Казанское ханство	21,3	22,0	17,7	16,9
Эпоха Петра I	13,6	11,1	15,6	10,5

На вопрос о «золотом веке» в истории России больше всего респондентом считают таким временем правление Петра I — 20,7 % (18,4 % татар и 23 % русских) (табл. 5).

Таблица 5

**«Золотой век» в истории России
(распределение по этническим группам), %**

Какой период истории России, на ваш взгляд, можно назвать «Золотым веком» — лучшим временем для нашей страны? (Выберите, пожалуйста, один вариант ответа)	Татары	Русские	Всего
Правление Петра I	18,4	23	20,7
Правление Екатерины II	14	10,6	12,3
Настоящее время	13,6	10,4	12

Подобные тенденции характерны и для распределения по возрастным группам (табл. 6).

Таблица 6

**«Золотой век» в истории России
(распределение по возрастным группам), %**

Какой период истории России, на ваш взгляд, можно назвать «Золотым веком» — лучшим временем для нашей страны? (Выберите, пожалуйста, один вариант ответа)	18–24	25–39	40–54	55 и старше
Правление Петра I	25,8	19,2	22,9	18,4
Правление Екатерины II	10,3	14,5	10,9	12,3
Настоящее время	14,2	13,2	11,5	9,4

Первую позицию в списке выдающихся личностей, сыгравших наиболее значимую роль в истории России, по результатам нашего опроса, так же как и итогам опроса 2007 г. (Копосов 2011: 171–172), занял Петр I. Его выбрали 38,9 % респондентов (40 % татар и 37,8 % русских) (табл. 7).

Таблица 7

**Выдающиеся личности, сыгравшие наиболее значимую роль
в истории России (распределение по этническим группам), %**

Кто из выдающихся личностей, по вашему мнению, сыграл наиболее значимую роль в истории нашей страны? (Выберете, пожалуйста, не более трех вариантов ответа)	Татары	Русские	Всего
Петр I	40	37,8	38,9
В.В. Путин	29,3	27	28,2
Екатерина II	15,8	18,8	17,3
А.С. Пушкин	16,4	17,2	16,8
И.В. Сталин	14,3	12,7	13,5

Среди всех возрастных групп респондентов Петр I также возглавил список выдающихся личностей в истории России (табл. 8).

В то же время только 5,6 % жителей Казани считают Петра I выдающейся личностью, сыгравшей значимую роль в истории Татарстана (табл. 9).

Отвечая на вопрос «Как вы оцениваете роль следующих исторических личностей в истории России?», 69,2 % респондентов (68 % татар и 70,4 % русских) дали положительные оценки роли Петра I, 13,5 % казанцев (11,8 %

Таблица 8

**Выдающиеся личности, сыгравшие наиболее значимую роль
в истории России (распределение по возрастным группам), %**

Кто из выдающихся личностей, по вашему мнению, сыграл наиболее значимую роль в истории нашей страны? (Выберете, пожалуйста, не более трех вариантов ответа)	18–24	25–39	40–54	55 и старше
Петр I	47,1	37,3	41,7	38,3
В.В. Путин	34,2	25,6	26,0	28,1
Екатерина II	16,1	17,4	14,6	18,7
А.С. Пушкин	15,5	14,2	18,2	19,1
И.В. Сталин	12,9	14,0	13,5	12,4

Таблица 9

**Выдающиеся личности, сыгравшие наиболее значимую роль
в истории Татарстана, %**

Кто из выдающихся личностей, по вашему мнению, сыграл наиболее значимую роль в истории Татарстана? (Выберете, пожалуйста, не более трех вариантов ответа)	Татары	Русские	Всего
М.Ш. Шаймиев	53	50,4	51,7
Муса Джалиль	26,4	26,2	26,3
Габдулла Тукай	19,2	18,6	18,9
Чингисхан	12,4	15,4	13,9
Петр I	5,6	5,6	5,6

татар и 15,2 % русских) считают его роль незначительной, а 5,1 % респондентов (6 % татар и 4,2 % русских) дают его роли в истории России отрицательные оценки. Не знают такой исторической личности только 0,8 % респондентов. В то же время, отвечая на вопрос «Как вы оцениваете роль следующих исторических личностей в истории Татарстана?», 55,3 % жителей Казани (55 % татар и 55,6 % русских) положительно оценивают его роль, 20,4 % (17,8 % татар и 20,6 % русских) считают, что его роль была незначительной, а 8,3 % (8,8 % татар и 7,8 % русских) респондентов дают отрицательные оценки роли Петра I в истории Татарстана.

Результаты анкетного опроса показывают, во-первых, что большинство жителей Казани высоко и положительно оценивают роль Петра I в истории России и Татарстана; во-вторых, Петр I респондентами рассматривается прежде всего как исторический деятель общероссийского

масштаба и в меньшей степени как личность, оказавшая влияние на историю Татарстана и татарского народа. Таким образом, полученные данные показывают, что негативные оценки деятельности Петра I, которые даются татарской интеллектуальной элитой, слабо представлены в массовом историческом сознании жителей Казани вне зависимости от этнической и возрастной принадлежности. В оценке деятельности Петра I отсутствуют статистически значимые различия в представлениях между татарами и русскими и между старшими и младшими возрастными группами. В данном случае мы находим подтверждение гипотезе о частичной «татаризации».

* * *

В заключение попробуем ответить на следующий вопрос: почему историческая политика по продвижению негативного образа Петра I сторонниками доминирующей версии татарской истории в массовое историческое сознание жителей Татарстана оказалась неэффективной? Первая причина — ограничения, которые ввели федеральные власти через образовательную политику (например, исключение этнорегионального компонента в учебных программах в 2007 г.). Вторая причина — историческая политика федерального центра, в рамках которой воспроизводится позитивный образ великого императора. Этот образ Петра I транслируется не только через систему образования, но и через СМИ, художественную литературу, кинопродукцию и т.д. В результате татарские интеллектуальные элиты не выдерживают конкуренции «за умы» с федеральными элитами. Третья причина — производители национальной истории Татарстана для трансляции в массовое сознание в основном используют традиционные средства передачи истории (учебники, научно-популярную литературу и др.) и мало задействуют современные средства передачи истории (интернет-технологии). Поэтому результаты нашего исследования вполне согласуются с утверждением Р. С. Хакимова о слабости эффективности исторической пропаганды татарских элит с помощью традиционных средств передачи истории, особенно среди молодежной аудитории (Хакимов 2016). Наконец, четвертая причина — многие татары не только идентифицируют себя с татарским этносом, но и считают себя россиянами. Соответственно история России является для них «своей историей», и в этой истории Петр I — великий император, который «прорубил окно в Европу», создал мощный флот и основал Санкт-Петербург.

Литература / References

Бондаренко Е.А. (2001) Отчет по результатам обследования этнонациональной идентичности населения и сферы культурного и медиа-потребления в Татарстане. *Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане*. Казань: Изд-во КГУ: 234–264.

Bondarenko E.A. (2001) Report on the results of the survey of ethno-national identity of the population and the sphere of cultural and media consumption in Tatarstan. In: *Post-Soviet Cultural Transformation: Media and Ethnicity in Tatarstan*. Kazan: Izd-vo KGU: 234–264 (in Russian).

Галиндабаева В.В. (2020) Образы Екатерины II в постсоветском Татарстане: Эби Патша, великая императрица и проданная Аляска. *Журнал фронтальных исследований*, 3: 12–31.

Galindabaeva V.V. (2020) Images of Catherine II in Post-Soviet Tatarstan: Ebi Patsha, Great Empress and Sold Alaska. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [The journal of frontier research], 3: 12–31 (in Russian).

Гибатдинов М.М. (2003) *Преподавание истории татарского народа и Татарстана в общеобразовательной школе: история и современность*. Казань: Алма-Лит.

Gibatdinov M.M. (2003) *Teaching the history of the Tatar people and Tatarstan in the general education school: history and modernity*. Kazan: Institut istorii AN RT (in Russian).

Гилязов И. (2000) Из опыта преподавания национальной истории: история татарского народа в Казанском университете вчера и сегодня. *Ab Imperio*, 3–4: 359–366.

Gilyazov I. (2000) From the experience of teaching national history: the history of the Tatar people at the University of Kazan — yesterday and today. *Ab Imperio*, 3–4: 359–356 (in Russian).

Историческая политика в 21 веке (2012) Миллер А., Липман М. (ред.) М.: Новое литературное обозрение.

Historical Politics in the 21st Century (2012) Miller A., Lipman M. (eds.) Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).

Исхаков С.М. (1999) История народов Поволжья и Урала: проблемы и перспективы «национализации». *Национальные истории в советском и постсоветском государствах*. Аймермахер К., Бордюгов Г. (ред.) М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX: 275–298.

Iskhakov S. (1999) History of the peoples of the Volga and the Urals: problems and perspectives of “nationalization”. In: Eimermacher K., Bordyugov G. (eds.). *National histories in the Soviet and post-Soviet states*. Moscow: Fridrih Naumann Foundation, AIRO-XX (in Russian).

Карбаинов Н.И. (2018) Идеологема 1552 года в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления. *Власть и элиты*, 5: 211–237.

Karbainov N.I. (2018) Ideologeme of 1552 in post-Soviet Tatarstan: elites' version and mass representations. *Vlast i elity* [Power and Elites], 5: 211–237 (in Russian).

Карбаинов Н.И. (2019) Образ Ивана Грозного в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления. *Журнал фронтирных исследований*, 4–2(16): 363–389.

Karbainov N.I. (2019) The image of Ivan the Terrible in post-Soviet Tatarstan: elites' version and mass perceptions. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [The journal of frontier research], 4–2(16): 363–389 (in Russian).

Карбаинов Н.И., Галиндабаева В.В. (2021) Цивилизационные исторические дискурсы в постсоветском Татарстане: коммеморативные проекты элит и массовые представления. *Российское общество: архитектура цивилизационного развития*. Козловский В.В. (ред.) М.; СПб.: ФНИСЦ РАН: 175–247.

Karbainov N.I., Galindabaeva V.V. (2021) Civilizational Historical Discourses in Post-Soviet Tatarstan: Commemorative Projects of Elites and Mass Representations. In: *Russian society: architectonics of civilizational development*. Kozlovsky V.V. (ed.). Moscow; St. Petersburg: FNISC RAN: 175–247 (in Russian).

Копосов Н. (2011) *Память строгого режима: История и политика в России*. М.: Новое литературное обозрение.

Koposov N. (2011) *Memory of strict regime: History and politics in Russia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Миллер А. (2012) Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века. *Историческая политика в 21 веке*. Миллер А., Липман М. (ред.). М.: Новое литературное обозрение: 7–32.

Miller A. (2012) Historical Politics in Eastern Europe at the Beginning of the 21st Century. In: *Historical Politics in the 21st Century*. Miller A., Lipman M. (eds.) Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie: 7–32 (in Russian).

Мухаметдинов Р.Ф. (2006) *Идейно-политические течения в постсоветском Татарстане (1991 — 2006 гг.)*. (Сопоставление с опытом Турции). Казань: Изд. «Тамга».

Mukhametdinov R.F. (2006) *Ideological and political trends in post-Soviet Tatarstan (1991–2006)*. (Comparison with the experience of Turkey). Kazan: Tamga Press (in Russian).

Национальные истории в советском и постсоветских государствах (1999) Под ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX.

National Histories in Soviet and Post-Soviet States (1999) Eimermaher K., Bordyugov G. (eds.). Moscow: Fridrich Naumann Foundation; AIRO-XX (in Russian).

Национальные истории на постсоветском пространстве (2009) Под ред. Ф. Бомсдорф, Г. Бордюгов. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX.

National histories in the post-Soviet space (2009) Bomsdorf F., Bordyugov G. (eds.). Moscow: Fond Fridriha Naumanna; AIRO-XX (in Russian).

Низамова Л.Р. (2001) Медиа-продукт и «национальная» идеология: кей-стади Всемирного конгресса татар. Ерофеев С.А., Низамова Л.Р. (ред.) *Пост-советская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане 1990-х гг.* Казань: Изд-во КГУ: 166–233.

Nizamova L.R. (2001) Media product and “national” ideology: the case-study of the World Congress of Tatars. In: Erofeev S.A., Nizamova L.R. (eds.) *Post-Soviet Cultural Transformation: Media and Ethnicity in Tatarstan.* Kazan: KGU Press: 166–233 (in Russian).

Политика памяти в России — региональное измерение (2023) Под ред. А.И. Миллер, О.Ю. Малинова, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН.

Memory Politics in Russia — Regional Dimension (2023) Miller A.I., Malinova O.Y., Efremenko D.V. (eds.) Moscow: INION RAN (in Russian).

Сагитова Л.В. (1998) *Этничность в современном Татарстане: воспроизводство этничности в татарском обществе на рубеже 1980–1990-х гг. (по материалам респ. прессы и этносоциол. исслед.)*. Казань: Татполиграф.

Sagitova L.V. (1998) *Ethnicity in modern Tatarstan.* Kazan: Tatpoligraf (in Russian).

Сергеев С.А., Сергеева З.Х. (2009). Татарский этнонационализм в республике Татарстан: от рассвета до заката. *Политэкс*, 5(1): 116–127.

Sergeev S.A., Sergeeva Z.H. (2009). Tatar ethno-nationalism in the Republic of Tatarstan: from dawn to dusk. *Politeks*, 5(1): 116–127 (in Russian).

Усманова Д. (2003) Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков. *Ab Imperio*, 3: 337–360.

Usmanova D. (2003) Creating the national history of the Tatars: historiographical and intellectual debates at the turn of the century. *Ab Imperio*, 3: 337–360 (in Russian).

Хакимов Р. (2016) *Каково быть татариним?* Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Khakimov R. (2016) *What's it like to be a Tatar?* Kazan: Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT (in Russian).

Шнирельман В.А. (2002) Идентичность и образы предков: татары перед выбором. *Вестник Евразии*, 4: 128–147.

Shnirelman V.A. (2002) Identity and Images of Ancestors: Tatars in the Face of Choice. *Vestnik Evrazii* [Eurasia Bulletin], 4: 128–147 (in Russian).

Шнирельман В.А. (2016) «Общее прошлое»: федеральные и татарстанские школьные учебники истории. *Историческая экспертиза*, 4: 111–132.

Shnirelman V.A. (2016) “Common Past”: federal and Tatarstan school history textbooks. *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical Expertise], 4: 111–132 (in Russian).

Alvarez Veinguer A. (2007) (Re)Presenting Identities: National Archipelagos in Kazan. *Nationalities Papers*, 35(3): 457–475.

Anderson B. (1983) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London; New York: Verso.

Brubaker R. (2006) *Ethnicity without groups*. Cambridge: Harvard University Press.

Davis H., Hammond P., Nizamova L. (2000) Media, Language Policy and Cultural Change in Tatarstan: Historic vs. Pragmatic Claims to Nationhood. *Nations and Nationalism*, 6(2): 203–226.

Friedli A. (2012) Tatarization of the City: Ethnocultural Youth Identity Management in Kazan, Tatarstan. *Urbanities*, 2(1): 4–17.

Gellner E. (1983) *Nations and Nationalism*. Ithaca; New York: Cornell University Press.

Shnirelman V.A. (1996) *Who Gets the Past? Competition for Ancestors among non-Russian Intellectuals in Russia*. Washington D. C.; Baltimore; London: Woodrow Wilson Center Press; Johns Hopkins University Press.

Suleymanova D. (2018a) Creative cultural production and ethnocultural revitalization among minority groups in Russia. *Cultural Studies*, 32(5): 825–851.

Suleymanova D. (2018b) Between Regionalisation and Centralisation: The Implications of Russian Education Reforms for Schooling in Tatarstan. *Europe-Asia Studies*, 70(1): 53–74.

Zverev A. (2002) “The Patience of a Nation is Measured in Centuries”. National Revival in Tatarstan and Historiography. In: Coppieters B., Huysseune M. (eds.) *Secession, History and the Social Sciences*. Brussel: VUB Brussels University Press: 69–87.

Источники

Воробьева Е. (2005) Петра I поставят на место. *Коммерсант. Волга-Урал*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/598727> (дата обращения: 12.10.2025).

Гилязов И.А., Пискарев В.И. (2012) *История Татарстана (вторая половина XVI — XVIII в.: учеб. пос. для 7 кл. общеобразовател. школы*. Казань: Хэтер.

Исхаки Г. (1991) *Идель — Урал*. Казань.

Семягин Д. (2015) Петр I и Казань: хитрые казанские «лоббисты», травля медведя и пропавший памятник. *Prokazan. Новости Казани*. URL: <https://prokazan.ru/news/view/petr-i-i-kazan-hitrye-kazanskie-lobbisty-travla-medveda-i-propavsij-pamatnik> (дата обращения: 12.10.2025).

Сулейманов Р. (2014) В «эпоху Шаймиева» в Татарстане выросло поколение, враждебное к России: мнение. *Информационное агентство «Регнум»*. URL: <https://regnum.ru/news/1838520.html> (дата обращения: 24.11.2023)

IMAGES OF PETER THE GREAT IN POST-SOVIET TATARSTAN: ELITE VERSIONS AND MASS HISTORICAL REPRESENTATIONS

Nikolay I. Karbainov (n_karbainov@mail.ru)

Sociological Institute of the RAS — Branch of the FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russia

Citation: Karbainov N.I. (2025) Images of Peter the Great in post-Soviet Tatarstan: elite versions and mass historical representations. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(4): 196–218 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.9> EDN: LHCUZQ

Abstract. Within the framework of the dominant version of Tatar national history, the intellectual elites of post-Soviet Tatarstan construct and broadcast a negative image of Peter the Great as a “persecutor of Muslims” and an “enemy of the Tatar people” into the mass consciousness. This version contradicts the images of Peter the Great as a “great emperor”, which are created and broadcast within the framework of the federal Russian history. The results of our research have shown, firstly, that representatives of the political elite of Tatarstan in their public speeches, unlike intellectual elites, positively assess the activities of Peter the Great; secondly, the analysis of interview materials and questionnaire survey shows that the majority of Kazan residents highly and positively assess the role of Peter the Great in the history of Russia and Tatarstan and the respondents consider Peter the Great primarily as a historical figure of all-Russian scale, and to a lesser extent as a personality who influenced the history of Tatarstan. Thus, the data obtained show that the negative assessments of Peter I’s activities given by the Tatar intellectual elite are poorly represented both in the views of the republic’s political elite and in the mass historical consciousness of Kazan residents, regardless of their ethnicity or age.

Keywords: historical policy, national history, mass representations, Tatarstan, Peter the Great.

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

«ЭТО НЕ СТЕНДАП, А ПРЕСТУПНЫЙ КРИНЖ»¹: ВОСПРОИЗВОДСТВО И ПРЕОДОЛЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ КОМЕДИЙНЫХ ШОУ

Марина Александровна Кашина (kashina-ma@ranepa.ru),
София Хангусейновна Агаева,
Дарья Владимировна Жаркова,
Кира Алексеевна Зубкова

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Кашина М.А., Агаева С.Х., Жаркова Д.В., Зубкова К.А. (2025) «Это не стендап, а преступный кринж»: воспроизводство и преодоление гендерных стереотипов в русскоязычных комедийных шоу. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(4): 219–256. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.10> EDN: TCXVUE

Аннотация. Комедийные шоу, в частности стендап, часть массовой культуры. Благодаря социальным сетям выступления комиков проникают в информационное пространство всех пользователей интернета вне зависимости от их заинтересованности в этом. Несмотря на рост гуманистических тенденций в обществе, дискриминирующий, уничижительный юмор остается популярным. В статье анализируется, как такой тип юмора создает культурный фундамент для гендерной дискриминации, формируя предвзятость к женщинам и терпимость к их оскорблению. Авторами рассматриваются причины востребованности сексистских и феминистских шуток в русскоязычном стендапе, оценивается их роль в нем. Эмпирическая база: онлайн-опрос (N=1439) и три фокус-группы. В онлайн-опросе участники оценивали 10 шуток и отвечали на вопросы по шкале Gender Role Beliefs Scale (GRBS). Полученные данные рассматривались через призму теорий предвзятой нормы и амбивалентного сексизма. Использовались инструменты факторного анализа и линейной регрессии. Основной вывод: откровенно сексистский юмор уступает место социально приемлемому, «интеллигентному сексизму», при этом предвзятость к женщинам сохраняется. Большинство комиков полагают, что юмор не может иметь значимых социальных последствий. Зрители, наоборот, считают, что последствия у юмора есть: сексистские шутки укореняют гендерные стереотипы в массовом сознании, а феминистские шутки могут способствовать их преодолению.

¹ Цитата, ответ участницы онлайн-опроса. Кринжовость — свойство обстоятельства, ситуации или предмета, вызывающее у участника или наблюдателя чувство неловкости, стыда и дискомфорта, известное как испанский стыд, или эмпатическое смущение.

В дальнейшем планируется более детально изучить востребованность феминистского юмора, а также проанализировать различия при работе с таким типом шуток комиков регионального и федерального (телевизионного) стендапа.

Ключевые слова: оскорбление, гендерная идеология, массовая культура, перформативность гендера, уничижительный юмор, черный юмор.

Введение

Где заканчивается шутка и начинается оскорбление? Здесь очень тонкая грань. Во-первых, нет шуток, над которыми смеются все. Во-вторых, само понятие смешного напрямую зависит от культурно-исторического контекста, господствующих в обществе норм и ценностей. Наконец, восприятие шуток связано с мировоззрением самого индивида и имеет личностный характер как со стороны субъекта, создающего шутку, так и со стороны того, кто ее воспринимает. Другими словами, смешное или несмешное, оскорбительное или нет — понятия относительные и культурно обусловленные.

В разные исторические периоды были популярны разные виды юмора (Вержинская 2011). В XXI в. одним из наиболее популярных жанров комедии стал стендап. Чаще всего под ним понимается особый жанр комедии в виде сольного выступления перед живой аудиторией, преимущественно в форме монолога. Сам выступающий называется стендап-комиком.

Анализ смеховой культуры в XXI в. дополняется изучением способов ее распространения и роли информационных технологий в ретрансляции культурных образов. Так, С.В. Канашина анализирует природу интернет-мема как формы коллективной юмористической практики и описывает механизмы передачи стереотипов в сетевых репликациях (Канашина 2022). Г.Л. Тульчинский предлагает прагмасемантическую парадигму для анализа онлайн-смеха как ценностного и коммуникативного явления (Тульчинский 2023). Эти работы показывают, что интернет-среда усиливает скорость и масштаб распространения комического посыла. Это делает стендап-высказывания важным элементом массовой смеховой культуры и ресурсом, способным либо воспроизводить, либо деконструировать гендерные стереотипы.

Отметим, что комедия в общественном сознании ассоциируется с мужским пространством, шутки — это мужская прерогатива, комиков-мужчин больше, чем комиков-женщин, и в обыденной жизни мужчины шутят чаще (Decker, Rotondo 2001; Greengross, Silvia, Nusbaum 2020; Hofmann, Platt, Lau 2023).

Темы, поднимаемые комиками-мужчинами, разнообразны: отношения, секс, работа и т.д. Авторы часто используют в шутках рассказы о событиях,

не связанных с ними напрямую. Это называется комедией наблюдения (Nichols 2020). При этом женщины-комики, шутя на те же темы, нередко сталкиваются с осуждением и неприятием со стороны аудитории (Камышанова 2017). В концепции «хорошей/плохой девочки» подчеркивается, что «хорошая девочка» может шутить только, если смеется над собой. Общество не воспринимает такие шутки от женщин как акт агрессии или попытку изменить существующий порядок вещей (что является одной из основных функций юмора), а, напротив, одобряет способность женщин принять его и посмеяться над своим положением в нем (Barresa 1991). Это называется комедией переживания, такой юмор нередко является самоуничижительным.

Юмор может использоваться и как психологическая защита, различаясь по гендерным типам: феминные женщины чаще выбирают *самоуничижительный юмор*, тогда как маскулинные женщины и мужчины — *агрессивные формы* шуток, направленные на других (Якиманская 2020). Выбор юмористической тактики может быть рассмотрен как элемент, закрепляющий женщину как «объект». Агрессивный юмор нередко становится инструментом воспроизводства гендерного доминирования со стороны мужчин. Такие гендерные различия не случайны, а встроены в систему социальных норм.

Анализ характера шуток комедийных шоу приобретает особую актуальность в условиях гуманизации современного общества. Оскорбительный и уничижительный юмор препятствует укреплению общечеловеческих ценностей и формированию среды, безопасной для каждого индивида и социальной группы.

Степень разработанности проблемы

Смех, по мнению Михаила Бахтина, — общественное выражение человека и форма простейшей коммуникации. В качестве социокультурного феномена смех может объединять разные социальные группы или отдалять одну от другой, являясь способом самоопределения индивида в обществе. В смеховой культуре юмор характеризуется преобладанием безобидного момента в смешном из-за соединения комического и серьезного (Ульянова 2011; Мельников 2015).

Социология предлагает три теории юмора как социального явления: теорию разрядки, теорию несоответствия и теорию превосходства.

Согласно теории разрядки А. Бэна и Г. Спенсера, юмор — механизм освобождения от напряжения, а также средство решения психологических проблем или социальных конфликтов (Мельников 2015).

Из теории противоречия следует, что несоответствие в юморе и есть форма, в которой комический эффект достигается из-за логического раз-

ногласия (Дмитриев, Сычев 2005; Oring 2003; Шульц 1976). Шутки, демонстрирующие несоответствие стереотипов о дискредитируемых группах реальному положению дел, могут служить инструментами для их развенчания. В исследовании американской стендап-индустрии анализируется, как восточноазиатские комики в Америке используют шутки такого типа для переосмысления сложившихся иерархических отношений (Zhijiu 2024).

В теории превосходства, предложенной Ч. Макколи, С. Эпштейном и Р. Смитом, основой является идея неравенства субъектов комического, выражение собственного превосходства над чем-то и наоборот (Мельников 2015). При этом смех может являться инструментом для демонстрации господства определенных социальных групп над высмеиваемым субъектом или использоваться конкретным индивидом с компенсаторной целью. Здесь основными компонентами создания юмора становятся враждебность и агрессия.

Ряд исследований показывает, как такие шутки могут сплотить одни социальные группы за счет выстраивания дополнительных границ с другими. Превосходство рассматривается как одна из основ уничижительного юмора (Ferguson, Ford 2008). Подобный юмор можно считать механизмом стигматизации (Becker 1963), когда на отдельного индивида или социальную группу навешиваются ярлыки и закрепляются определенные поведенческие стратегии. Это работает через стыд, который ведет к изоляции, высмеиваемое поведение в таком случае рассматривается как девиантное (Брейтвэйт 2002).

Анализ лингвистических стратегий в юморе на примере телесериала “The Big Bang Theory” демонстрирует, как анекдоты и юмористические высказывания репрезентируют и репродуцируют гендерные стереотипы посредством языковых приемов: ирония, каламбур, метафора (Рудакова 2025). К. Килмартин в своей культурно-системной модели мужского насилия показывает, что именно публичные фигуры популярной культуры создают и поддерживают стандарты, которые нормализуют неуважительное отношение к женщинам. Сексистские шутки становятся частью культурных «барьерных стандартов» внутри пирамидальной модели системного насилия над женщинами (Kilmartin 2015). Юмор рассматривается как инструмент воспроизводства стереотипов внутри массовой культуры.

Этот феномен анализируется не только в юморе. В исследовании популярного русскоязычного кинематографа и музыкальных хитов показано, как мужчины репрезентируются в популярной культуре через образы силы, доминирования и контроля, а женщины — через образы эмоциональной и социальной подчиненности (Жаркова, Зайцева, Попова 2025). Такие массово распространенные культурные установки нередко стано-

вятся базой для юмористических практик: шутки, основанные на стереотипах о женщинах и мужчинах, кажутся аудитории естественными и «нормальными», поэтому пользуются большим успехом и часто используются комиками.

Стендап в современной культуре находится между искусством, массовой медийной практикой и социальной рефлексией. Его следует рассматривать не только как развлекательный жанр, но и как сложное перформативное искусство (Rijken, Merz 2014). Комик выступает не просто рассказчиком шуток, а создателем сценического образа, выстраивающим отношения с аудиторией через язык, телесность и символический статус. Такой формат требует от артиста умения интегрировать личный опыт в публичное высказывание, что превращает его в своеобразного «оратора современности». Стендап-клубы функционируют как демократическое пространство, где артисты имеют возможность обсуждать темы, значимые для общества, и тем самым участвуют в формировании культурных ценностей (Reilly 2017).

Некоторые исследователи вводят в научную дискуссию гендерное измерение, показывая, что юмор является амбивалентным процессом: с одной стороны, он может становиться инструментом разрушения патриархальных структур, с другой — способом их воспроизводства (Mendible 2019).

Это порождает ряд вопросов. Если личный опыт артиста подается через стереотипы, кто несет ответственность за сексистские высказывания — сам комик или публика, поддерживающая их смехом? Могут ли повторяющиеся сексистские шутки закреплять пренебрежение как норму отношения к женщинам? Почему компетентная в гендерных вопросах аудитория находит гендерно-стереотипные высказывания несмешными?

Несмотря на то что в последние годы появляется все больше работ, анализирующих стендап-культуру в целом, исследований, посвященных локальным стендап-выступлениям (открытый микрофон, выступления комиков в региональных клубах, барах и т.д.) практически нет. Встречаются исследования, содержащие анализ сексистских шуток от самих авторов, например работа (Nyakundi, Mudogo, Barasa 2024), при этом отношению зрителей к юмористическому контенту уделяется меньше внимания. Кроме того, отечественными исследователями чаще изучается зарубежный, в частности англоязычный, стендап, а не российский. В таких статьях рассматриваются языковые способы создания комического, отдельные элементы смешного в юмористических монологах (Степанова, Квалдыкова 2021). При этом вопросы, какое место в русскоязычном стендапе занимает феминистский юмор и почему сексизм в шутках все еще популярен, остаются открытыми.

Данная статья ставит целью частично заполнить пробелы, имеющиеся в научном поле изучения русскоязычного стендапа, используя для этого гендерный анализ.

Методология и дизайн исследования

Для сбора эмпирической информации необходимо было кодировать отдельные шутки стендап комиков как сексистские, феминистские и нейтральные.

Сексистский юмор — выражение общественных взглядов, укрепляющих стереотипы и увековечивающих дискриминационные убеждения через лингвистические стратегии в языке и перформативные практики (Woodzicka 2015).

Феминистский юмор — подрывной способ создания комического, в котором сатира и ирония используются для критики патриархатных норм, стереотипов и гендерного неравенства (Kramer 2013). Цель такого юмора — делигитимизировать существующие гендерные иерархии, повышая осведомленность общества о дискриминации женщин (Bing 2004; Kramer 2013). Анализ феминистского юмора основан на перформативной теории гендера Джудит Батлер (Butler 1990), согласно которой через юмор женщины могут «играть» с гендерными ролями, показывая их искусственность и условность. Считается, что так юмор становится способом переосмысления гендерных представлений.

Нейтральный юмор не затрагивает чувствительных или противоречивых тем. Он не воздействует на социальные стереотипы, фокусируясь на более универсальных и безопасных темах (Bing 2004; Kramer 2013).

Нейтральный тип шуток использовался авторами в онлайн-опросе для оценки того, могут ли респонденты идентифицировать и различать сексистские и феминистские шутки или оценка шуток происходит без попытки проанализировать ее подтекст.

На основе теоретической рамки была составлена кодировка шуток, использованных в онлайн-опросе (см. Приложение 1). Также для анализа и описания шуток использовались комические приемы: гипербола, метафора, стереотипизация, ирония, сарказм, идеализация, алогизм, нонсенс, инверсия ролей, анекдотичность (Вербоватая 2023; Pluszczyk, Świątek 2023).

При определении сексистских шуток использовалась теория амбивалентного сексизма, которая оперирует понятиями «враждебный сексизм» и «доброжелательный сексизм» (Glick, Fiske 1997). Первый включает в себя оправдания мужской власти, традиционных гендерных ролей и эксплуатацию мужчинами женщин посредством явных уничижительных харак-

теристик. Второй опирается на более мягкие, субъективно позитивные формулировки, делая дискриминирующее обращение неочевидным. Обе формы сексизма служат для оправдания и поддержания патриархата и традиционных гендерных ролей.

Доброжелательный сексизм нередко используется в выступлениях отечественных комиков. Суть шуток в таком случае состоит в скрытом подсвечивании неспособности женщин к чему-либо, их недостаточной субъектности по сравнению с эталонной мужской фигурой. Подобные шуточки могут использовать и женщины-комики, что считается одним из проявлений мизогинии.

В теоретическую рамку работы вошла также теория предвзятой нормы, описывающая социально-психологические процессы, посредством которых воздействие уничижительного юмора влияет на терпимость к дискриминации в отношении членов групп, на которые этот юмор направлен (Ford, Wentzel, Lorion 2001).

Дизайн исследования качественно-количественный, *mixed methods research*.

Цель исследования: выявить и сравнить причины востребованности сексистских и феминистских шуток в русскоязычном стендапе, оценить их роль в нем.

Задачи:

1. Охарактеризовать причины популярности сексистских и феминистских шуток у комиков и зрителей.
2. Дать оценку потенциала феминистского юмора в стендапе.
3. Рассмотреть оценку комиками и зрителями роли стендапа в укоренении/преодолении гендерных предубеждений в массовом сознании.
4. Проанализировать компоненты гендерной идеологии респондентов с точки зрения их влияния на восприятие различных типов юмора.
5. Оценить наличие и силу статистических связей между гендерной идеологией респондентов и оценкой ими шуток различных типов.

Для решения этих задач проводился качественный анализ материалов фокус-групп и открытых форм онлайн-опроса; применялись количественные методы анализа данных: статистические тесты для анализа средних, факторный анализ, множественная линейная регрессия. Для расчетов использовано программное обеспечение JASP (Walker, Moraine, Black 2021).

Основная гипотеза, проверяемая в онлайн-опросе: явно сексистский юмор стал больше порицаться зрителями комедийных шоу, однако на практике он может оставаться незаметным в силу его подачи через личный опыт романтических или межличностных отношений.

Эмпирическая база

Были проведены три фокус-группы: одна — со зрителями российских комедийных шоу, две — с локальными российскими стендап-комиками. Все респонденты проживают в крупных городах с населением свыше 1 млн жителей, имеют средний уровень дохода, более половины — высшее образование.

Участники-зрители были отобраны из числа лиц, оставивших свои контакты в открытой форме онлайн-опроса. В фокус-группе приняли участие четыре женщины в возрасте от 27 до 37 лет и двое мужчин в возрасте 34 лет и 41 года.

Участники-комики откликнулись на приглашения, размещенные в социальных сетях сообществ, посвященных стендапу. Дополнительно использовались аккаунты стендап-клубов и различные фанатские каналы, освещающие как телевизионные, так и локальные выступления. Авторы статьи пытались связаться с известными представителями жанра, выступающими в ТВ-шоу, но ответа не получили. В фокус-группах комиков приняли участие четыре женщины в возрасте от 21 до 42 лет и шесть мужчин в возрасте от 23 до 37 лет.

Онлайн-опрос проводился в период с 1 августа по 31 октября 2024 г. среди совершеннолетних зрителей русскоязычных комедийных шоу. Для его распространения использовались социальные сети, респонденты были проинформированы об анонимности опроса и целях его проведения.

Выборка формировалась методом доступного случая¹. Приглашения для участия в исследовании были направлены как в различные тематические группы, обсуждающие вопросы гендерного равенства, так и в сообщества, никак не освещающие социальную проблематику (например, группы о музыке, фильмах и стендапе). Однако приглашение принять участие в исследовании на своих ресурсах размещали только группы, обладающие феминистской направленностью и/или обсуждающие стендап, остальные просьбу разместить ссылку на опрос проигнорировали.

Всего в онлайн-опросе приняли участие 1439 россиян, из них 1325 женщин и 114 мужчин. Средний возраст опрошенных 24 года, стандартное отклонение — 5–6 лет. Более 50 % респондентов проживают в крупных городах свыше 1 млн человек. В романтических отношениях находятся

¹ Авторы статьи использовали поисковые сервисы социальных сетей «Телеграм» и «ВКонтакте». Через ключевые слова «стендап», «юмор», «стендап клуб» и «смешные шоу» были найдены тематические группы. Размещение происходило на бесплатной основе в группах, самая большая из которых насчитывала до 42 тыс. подписчиков.

48 % респондентов, 20 % никогда в них не состояли. Выборка оказалась скошенной по полу и доходам, однако для целей исследования она релевантна в силу того, что аудиторией стендапа (особенно в интернет-пространстве) является заинтересованная в стендап-культуре молодежь, чаще из крупных городов. Разница между количеством респондентов-мужчин и женщин объясняется тем, что женщины охотнее участвуют в прохождении онлайн-опросов и выражают большую заинтересованность в них.

Методика проведения фокус-групп

Все интервью проводились с использованием видеоконференц-связи. Гайд фокус-группы включал вопросы об отношении к стендапу, популярности тех или иных типов юмора, уровню их востребования и влияния на аудиторию и общество в целом. Участникам фокус-группы со зрителями также было предложено оценить две шутки (сексистскую и феминистскую) и ответить на ряд вопросов о них.

Методика онлайн-опроса

Оценка наличия у респондентов гендерных преубеждений проводилась с помощью вопросов из русскоязычной версии краткой шкалы гендерно-ролевых представлений (далее — GRBS), например «Скверно выражаться в присутствии женщин неприлично», «Инициатива в уходе должна исходить от мужчины», с выбором ответа от «полностью согласен/а» до «полностью не согласен/а». Шкала в дальнейшем разбивается на субшкалы — традиционная и современная гендерная идеология (Мдивани, Марина, Лидская, 2020; Kalin, Tilby 1978).

Тест Кронбаха $\alpha=0,785$ показал, что используемые в опросе переменные имеют хорошую внутреннюю согласованность, т.е. данные могут использоваться для измерения скрытого (латентного) показателя с использованием факторного анализа. Сумма среднего балла по шкале составляет 56,085, максимальный балл — 70. Стандартное отклонение составило 7,9 баллов (рис. 1).

В исследовании выборка смещена относительно женского пола, при этом значимых отличий в сумме среднего балла в подгруппах по полу не выявлено. Средний балл у женщин — 56,28, у мужчин — 53,74. В соответствии с субшкалами для гендерно-полоролевых представлений респонденты, вошедшие в выборку, имеют современную полоролевою идеологию.

Гендерная компетентность респондентов оценивалась с помощью вопросов: «Обращаете ли Вы внимание на то, что какие-то шутки принижают женщин?», «Обращаете ли Вы внимание на то, что какие-то шутки принижают мужчин?», «Обращаете ли Вы внимание на то, что

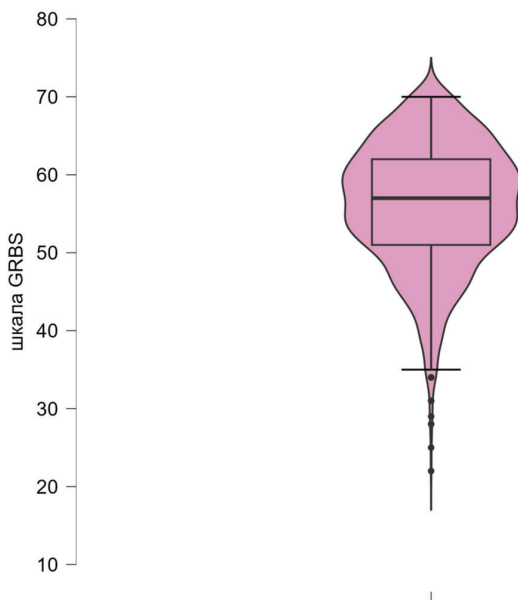

Рис. 1. Средний балл и межквартильный размах по шкале о полоролевых представлениях

какие-то шутки подсвечивают проблемы неравенства между мужчиной и женщиной?». Оценка проводилась по 7-балльной шкале от 1 (никогда не замечаю) до 7 (часто замечаю).

Далее участникам предлагалось посмотреть и оценить 10 шуток (4 сексистские, 4 феминистские и 2 нейтральные) из стендап-концертов в виде коротких роликов (5 от женщин-комиков и 5 от мужчин). Все они были выбраны из размещенных в открытом доступе.

Шутки для оценки. Отбор шуток проводился на основе теоретической рамки исследования. (Список шуток и их семантический анализ приведен в Приложении 1.) Затем учитывались технические ограничения, важные при проведении онлайн-опроса: доступность для просмотра (с учетом использования VPN-сервисов), формат и длина роликов, размещение в открытом доступе в целях соблюдения авторских прав.

Участники онлайн-опроса оценивали 10 шуток в формате коротких видеороликов, отвечая на вопросы «Насколько смешной Вы считаете эту шутку?» по 7-балльной шкале от 1 (абсолютно не смешно) до 7 (очень смешно) и «Расскажите, что именно показалось Вам смешным или не смешным?» (открытая форма для ответов). Далее респонденты указывали

степень своего согласия со следующими утверждениями: «Эта шутка принижает женщин», «Эта шутка принижает мужчин», «Эта шутка подсвечивает проблему неравенства между мужчиной и женщиной» по 7-балльной шкале от 1 (полностью не согласен/а) до 7 (полностью согласен/а).

Каждый ответ респондента суммировался по вопросам и типу шутки — сексистская, феминистская и нейтральная шутка (табл. 1). По уровню смеха респонденты оценивали шутки в среднем на 31 из 70 баллов. Никто из респондентов не оценил все 10 шуток на максимальный балл.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов по уровню смеха, принижению женщин и мужчин от типа шутки

		Среднее	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум	50-й перцентиль	75-й перцентиль
Уровень смеха	Все шутки	31,84	8,70	10	59	32	38
	Нейтральные шутки	8,51	2,92	2	14	9	11
	Сексистские шутки	8,09	3,75	4	26	7	10
	Феминистские шутки	15,24	4,71	4	28	16	19
	Шутки от женщин	18,70	5,65	5	35	19	23
	Шутки от мужчин	13,14	4,37	5	29	13	16
Уровень принижения женщин	Все шутки	34,01	8,49	10	65	34	39
	Нейтральные шутки	2,69	1,51	2	14	2	3
	Сексистские шутки	21,91	5,20	4	28	23	26
	Феминистские шутки	9,40	4,59	4	28	9	12
	Шутки от женщин	14,21	4,81	5	32	14	17
	Шутки от мужчин	19,80	4,86	5	35	20	23
Уровень принижения мужчин	Все шутки	14,61	5,43	10	60	13	17
	Нейтральные шутки	2,19	0,79	2	14	2	2
	Сексистские шутки	5,19	2,37	4	28	4	5
	Феминистские шутки	7,23	3,71	4	23	6	9
	Шутки от женщин	7,28	2,97	5	34	6	9
	Шутки от мужчин	7,33	3,23	5	29	6	9

Шутки от женщин-комиков показали респондентам более смешными, чем шутки от мужчин-комиков (в среднем 18,7 и 13,1 баллов соответственно). Уровень принижения женщин, по мнению респондентов, в таких шутках оказался в 2,5 раза больше, чем уровень принижения мужчин.

Результаты и их анализ

Характеристика причин популярности сексистских и феминистских шуток у комиков и зрителей

Авторы намеренно не вводили понятия шуток разных типов, чтобы выяснить, как респонденты интуитивно определяют и разграничивают их. Фокус-группы показали, что зрители и комики по-разному воспринимают шутки о мужчинах и женщинах: «Если беззлобно шутить про мужчин или женщин, я не считаю, что это сексизм» (женщина-комик, 35 лет, образование высшее, Москва). «Мне не смешна привязка к гендеру» (зрительница комедийных шоу, 33 года, образование высшее, Москва).

Участники фокус-групп сходятся в том, что отношения между женщинами и мужчинами — «это очень популярная тема вне зависимости от уровня юмора (ТВ или иное), людям она нравится, потому что понятна» (женщина-комик, 21 год, обучается на бакалавриате, г. Тольятти). Половина респондентов-зрителей фокус групп полагает, что комики намеренно используют такие шутки для повышения заработка и выхода на широкую аудиторию. Комики это подтверждают: «Я хочу денег и славы, поэтому стал шутить про женщин» (мужчина-комик, 28 лет, образование высшее, Санкт-Петербург). Популярность этих шуток обусловлена гендерной социализацией, которая формирует полоспецифическое поведение, основанное на стереотипах: «Такие шутки смешные для людей, потому что наше общество сформировалось под пропагандой гендерных различий» (мужчина-комик, 23 года, образование неоконченное высшее, г. Тольятти).

Комики утверждают, что благодаря массовому приходу женщин-комиков в стендап-индустрию она стала менее сексистской и более разнообразной с точки зрения тематики и подачи шуток: «...сексистских шуток после бума женской комедии стало гораздо меньше. Женщины хорошо объяснили нам, почему такие шутки стремные» (мужчина-комик, 28 лет, образование высшее, Санкт-Петербург). Комики признаются, что примерно 80 % зала на офлайн-концертах составляют женщины, из-за чего артисты нередко меняют материал, отказываясь от откровенно сексистских шуток. И зрители, и комики уверены, что сегодня такой юмор скорее

вызовет у аудитории стресс: «Людам должно быть комфортно проводить досуг» (мужчина-комик, 28 лет, образование высшее, Санкт-Петербург).

Говоря о феминистских шутках, респонденты фокус-групп отмечают возникновение у общества запроса на «женский голос» в российской комедии: «Я смотрел зарубежные женские стендап-концерты, потому что мне было интересно послушать опыт женщин и оптику на их взаимоотношения с мужчинами» (зритель комедийных шоу, 34 года, образование высшее, Москва). Комики считают, что этот тип юмора несет в себе «не столько шутку, сколько высказывание» (мужчина-комик, 30 лет, образование высшее, Москва), к чему, по их мнению, большая часть российского общества еще не готова. Тем не менее утверждается, что женский стендап является одним из самых востребованных на данный момент. Феномен этого респонденты видят в том, что феминистский юмор в сравнении с сексистским «воспринимается как более безопасный» (мужчина-комик, 28 лет, образование высшее, Санкт-Петербург).

Вывод о том, что причиной сохранения популярности сексистского юмора является его привычность подтверждается анализом результатов онлайн-опроса. Корреляционный анализ (рис. 2) показал обратную связь между частотой просмотра респондентами стендапа и уровнем восприятия гендерного неравенства в юмористических выступлениях. Другими словами, чем чаще респонденты смотрят стендап, тем реже они замечают принижение по признаку пола в шутках.

Регулярный просмотр комедийных шоу формирует своего рода линзу гендера (Вем 1994), через которую сексизм воспринимается как нормальная часть жизни. Комедия при этом интерпретируется как свободное от социальной ответственности пространство, где может быть высказана любая мысль, в том числе сексистская, что легитимизирует такие темы.

Таким образом, причины популярности феминистского и сексистского юмора различны: у сексистского — его распространенность и привычность, у феминистского — новизна и безопасность.

Потенциал феминистского юмора в стендапе

Участники фокус-групп отмечают, что за последние пять лет количество феминистских шуток в русскоязычном стендапе значительно возросло. Особенно часто они встречаются в социальных сетях и на офлайн-стендап-концертах в крупных городах. При этом на телевидении феминистский юмор практически отсутствует: «Они (шутки) появляются и их становится больше, особенно на живых выступлениях и в крупных городах, на телевидении я их не замечаю» (зритель комедийных шоу, 34 года, образование высшее, Москва).

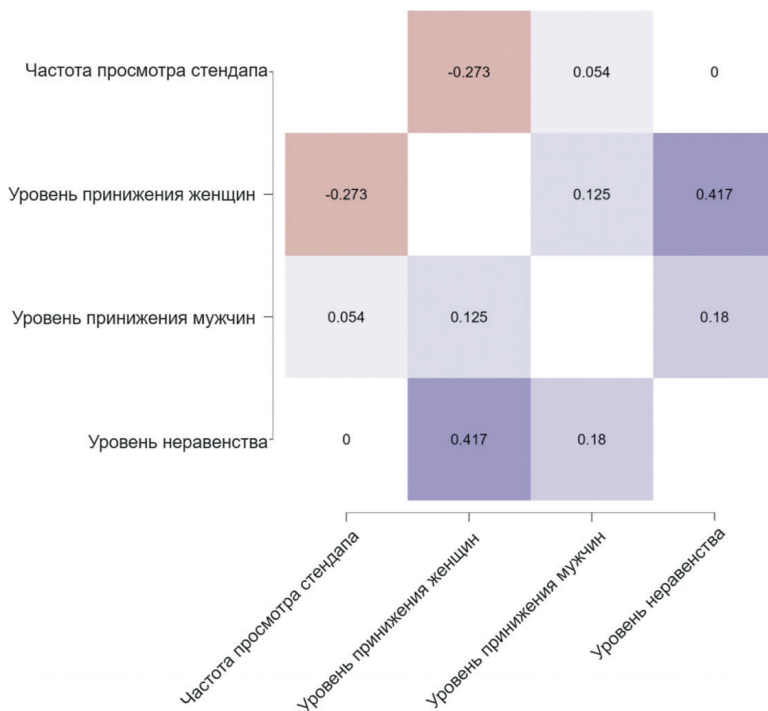

Рис. 2. Тепловая карта корреляции частоты просмотра стендапа и уровня принижения мужчин и женщин в шутках¹

Среди причин популярности таких шуток чаще всего называются нетипичные темы и переворачивание стереотипов: «Очень необычно и приятно видеть в стендапе хоть какую-то альтернативу мужским выступлениям с уничижительным по отношению к женщинам обращением» (зрительница комедийных шоу, 19 лет, образование среднее общее, крупный город свыше 1 млн человек). Хотя респонденты иногда и называют феминистские шуточки от мужчин-комиков неискренними, большинство считает их смешными и социально значимыми. Некоторые называют такие шуточки «смехом облегчения»:

¹ Насыщенность цвета показывает силу корреляции между переменными. Красный цвет указывает на сильную *положительную* корреляцию (близкую к +1). Синий цвет — на сильную *отрицательную* корреляцию (близкую к -1). Белый или серый цвет — на *слабую* корреляцию (близкую к 0).

Когда в шутках мужчинам предлагают представить себя на месте женщин, это смех облегчения. По крайней мере кажется, что тебя понимают и признают, что вещи, которые тебе неприятны, действительно неприятны (зрительница комедийных шоу, 28 лет, образование высшее (магистратура), крупный город свыше 1 млн человек).

Согласно результатам онлайн-опроса, большая часть аудитории реагирует на такой юмор положительно. Отвечая на вопросы о феминистских шутках, 71 % респондентов характеризует их как достаточно смешные. При этом есть разница в оценках таких шуток в зависимости от пола комика. Участники онлайн-опроса, оценивающие феминистские шутки от мужчин-комиков как несмешные (1–4 балла), из несмешного чаще всего выделяют устарелость панчлайна¹ и использование женского негативного опыта в своих выступлениях для привлечения аудитории. Этот тезис звучал и на фокус-группе со зрителями. Участники говорят, что при просмотре феминистских шуток от мужчин-комиков у них складывается впечатление, будто артисты стремятся одновременно охватить разные целевые аудитории, так как чувствуют, что общество (особенно в крупных городах страны) меняется, а вместе с ним меняются и взгляды на положение женщин: «...мужчины, которые шутят так, выглядят как будто “хотят заработать баллов”» (зрительница комедийных шоу, 21 год, образование среднее профессиональное, город крупный свыше 1 млн).

Появление феминистских шуток фиксируется все чаще, однако их доля в глобальном объеме российского комедийного контента остается небольшой. Несмотря на то что аудитория оценивает их положительно, их более широкому распространению мешает консерватизм медиа и сензитивность затрагиваемых тем. Тем не менее наблюдающийся рост феминистских шуток в русскоязычном стендапе отражает изменение общественных установок и увеличивающийся интерес аудитории к новым, нетипичным темам.

Отношение зрителей и комиков к враждебному и доброжелательному сексизму в стендапе

В рамках фокус-группы со зрителями комедийных шоу к просмотру были предложены две шутки: сексистская и феминистская. Сначала была показана часть сексистской шутки, которая содержит в себе доброжела-

¹ Под панчлайном обычно понимается короткое ключевое ударное слово или предложение, которое создает комический эффект. Оно меняет смысл шутки или вносит в нее неожиданное дополнение.

тельный сексизм. Затем была показана ее следующая часть, содержащая откровенно уничижительные по отношению к женщинам послания. Оказалось, что доброжелательный или «интеллигентный сексизм»¹ воспринимается зрителями не так остро, как враждебный:

Стало очень неприятно, когда вторую часть показали. Даже изменилось отношение к комику, потому что видно его негативное отношение к женщинам, будто мы хуже мужчин (зрительница комедийных шоу, 28 лет, образование высшее, г. Екатеринбург).

Комики подтверждают, что откровенно сексистские шутки практически невозможно встретить на офлайн-выступлениях в крупных городах страны (особенно от локальных комиков). Однако многие популярные российские стендап-артисты регулярно используют такие шутки в своих выступлениях. Участники фокус-групп считают, что одной из причин этого является отсутствие культуры отмены в России:

Если у тебя есть медийность и ты шутишь по-сексистски, никто с тобой ничего не сделает. Но для маленьких комиков это будет проблемой, их отменяют в первую очередь внутри индустрии (женщина-комик, 35 лет, образование высшее, Москва).

Специфика доброжелательного сексизма состоит в том, что на первый взгляд он похож на беззлобный комментарий или даже на комплимент. Используя его в своих выступлениях, комики размывают границы между шуткой и оскорблением. За счет этого распознать сексизм в шутке становится еще сложнее для зрителей, особенно если стендап для них — постоянный вид досуга.

Оценка комиками и зрителями роли стендапа в укоренении/ преодолении гендерных предубеждений в массовом сознании

По мнению большинства комиков — участников фокус-групп, стендап не является причиной каких-либо социальных явлений и/или изменений и «не может быть инструментом воздействия» (мужчина-комик, 28 лет, образование высшее, Санкт-Петербург). При этом все, и комики, и зри-

¹ Для анализа российского стендапа авторы вводят собственный термин «интеллигентный сексизм», который отражает не только замаскированность послания (как в случае с доброжелательным сексизмом), но и добавляет ему позитивности. Интеллигентность в русском языке является положительной характеристикой личности и имеет коннотации с образованностью, воспитанностью, высокой общей культурой человека, что повышает доверие к источнику информации.

тели, солидарны во мнении о том, что сексистские шутки — следствие сексизма в обществе, а не наоборот и отмечают возможные негативные социальные последствия такого юмора:

У сексистских шуток высокий порог разделения... Если постоянно говорить со сцены плохо о женщинах, то зрители начнут с этим соглашаться (мужчина-комик, 23 года, образование неоконченное высшее, г. Тольятти).

Зрители комедийных шоу полагают, что комедия как часть массового контента не может не воздействовать на общество:

Раньше я защищала комиков и говорила: «Ну это же комедия». Но на самом деле шутки продвигают стереотипы, и это наиболее опасный момент (зрительница комедийных шоу, 27 лет, образование высшее, г. Томск).

Комики — участники фокус-групп признают положительное влияние феминистского юмора на преодоление гендерных предубеждений в массовом сознании:

Они помогают сместить норму в сторону адекватного отношения к женщинам. Через феминистскую шутку можно рассказывать что-то важное и помочь другим (женщина-комик, 42 года, образование высшее, Москва).

Чем больше в инфополе будут популяризоваться идеи равенства, тем быстрее это станет нашей реальностью (мужчина-комик, 23 года, образование неоконченное высшее, г. Тольятти).

Хорошая шутка — это когда ты шутишь вверх (над тем, кто сильнее тебя или наравне с тобой), поэтому шутки, направленные против гендерных стереотипов, так популярны (мужчина-комик, 26 лет, образование высшее, Санкт-Петербург).

Некоторые комики считают, что комедия должна быть абсолютно свободной, однако многие высказывают альтернативную точку зрения:

Грань между оскорблением и шуткой надо стараться сохранять, если ты несешь юмор в массы. Это ответственность, потому что тебя запомнят по тому, что ты говоришь. А я не хочу, чтобы меня запомнили по фразе «все блондинки тупые», я против таких шуток (мужчина-комик, 30 лет, образование высшее, Москва).

В этом контексте феминистские шутки становятся инструментом, с помощью которого можно обсуждать важные социальные темы, созда-

вая пространство для диалога. Говоря о феминистских шутках, участники онлайн-опроса полагают, что они способствуют не только преодолению стереотипов, но и помогают женщинам поддерживать друг друга, рассказывая о собственном опыте: «Комикесса высказалась на актуальную тему, это вызвало во мне отклик. Захотелось крикнуть: “Жиза”», «Прямо про меня» (источник).

Таким образом, говоря о социальных последствиях сексистского юмора, комики и зрители расходятся во мнении. Подавляющее большинство опрошенных зрителей комедийных шоу считают, что сексистский юмор может способствовать укоренению гендерных стереотипов и введению пренебрежительного отношения к женщинам в рамках поведенческой нормы. Комики полагают, что юмор не может иметь никаких серьезных социальных последствий: «Сексистские шутки уже никаких последствий особо не несут, они уже сделали свое дело» (женщина-комик, 21 год, образование неоконченное высшее, г. Тольятти). В то же время и зрители комедийных шоу, и сами артисты считают, что феминистский юмор может способствовать преодолению гендерных стереотипов в массовом сознании.

***Оценка компонентов гендерной идеологии респондентов
с точки зрения их влияния на восприятия различных видов юмора
с использованием факторного анализа***

Данная задача решалась с помощью количественного анализа результатов онлайн-опроса. Факторный анализ используется как метод выявления скрытых связей в вопросах, составляющих шкалу полоролевых представлений, использованную в онлайн-опросе. Скрытые переменные объединяют вопросы в подгруппы — факторы, тем самым можно математически выделить и интерпретировать их как компоненты гендерной идеологии.

Авторы выявили три значимых фактора: асимметричность в повседневных взаимодействиях женщин и мужчин, стереотипы в карьерной самореализации женщин и мужчин, галантность как неотъемлемая черта «настоящего» мужчины (рис. 3).

Интерпретация факторов

Фактор 1. Асимметричность в повседневных взаимодействиях женщин и мужчин

Фактор описывает поведение женщин или мужчин в ситуациях романтических и повседневных (бытовых) взаимодействий. Например, «Только при особых обстоятельствах мужчина может позволить женщине

Рис. 3. Схема пути¹ взаимосвязи факторов и вопросов по шкале GRBS

расплачиваться в такси» — переменная, наиболее значимая для интерпретации первого фактора.

Фактор 2. Стереотипы о карьерной самореализации женщин и мужчин

Данный фактор объединяет вопросы о гендерных стереотипах в профессиях. Например, «Женщина прежде всего должна заботиться о детях и доме, а не о профессиональной карьере» — это утверждение содержит самые высокие показатели факторной нагрузки во втором факторе, отражая предубеждение о карьерной самореализации.

¹ Линии показывают причинно-следственные эффекты от факторов к отдельным пунктам. Толщина линии обозначает величину факторов нагрузки. Чем толще линия, тем более значима нагрузка.

Фактор 3. Галантность как неотъемлемая черта «настоящего» мужчины

В этом факторе содержится меньше всего вопросов из шкалы, и сила связи вопросов с фактором не превышает $p > 0,5$. Тем не менее это интерпретируемый фактор и его можно связать с такими категориями, как нравственность, нормы этикета, предписанные правила поведения для женщин и мужчин. Например, «Скверно выражаться в присутствии женщины неприлично».

Далее исследовались факторные нагрузки — коэффициент, показывающий силу принадлежности вопроса из шкалы (10 штук) и фактора. Сила считается значительной, если она превышает $p > 0,3$ (табл. 2).

Таблица 2

Факторные нагрузки

Вопросы по шкале GRBS	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Уникальность
Только при особых обстоятельствах мужчина может позволить женщине расплачиваться в такси или в ресторане	0.745			0.425
Инициатива в ухаживании должна исходить от мужчины	0.622			0.421
Мужчина всегда должен проявлять вежливость по отношению к женщинам (пропускать вперед, подавать пальто и т.п.)	0.538		0.339	0.501
Женщины, у которых есть дети, не должны работать, если они финансово обеспечены	0.459			0.811
Прежде всего муж является законным представителем семьи во всех юридических вопросах	0.392	0.366		0.614

Окончание табл. 2

Вопросы по шкале GRBS	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Уникальность
Женщина прежде всего должна заботиться о детях и доме, а не о профессиональной карьере		0.696		0.481
Это нелепо, когда женщины водят поезда, а мужчины шьют одежду		0.647		0.617
Грубость и сквернословие из уст женщин гораздо неприятнее, чем из уст мужчин		0.528	0.408	0.456
Женщины должны иметь такую же сексуальную свободу, как и мужчины обратный		0.370		0.844
Скверно выражаться в присутствии женщин неприлично			0.496	0.690

Далее в данные были добавлены факторные оценки. Они показывают, насколько связаны ответы каждого респондента с каждым из выделенных факторов. Например, если респондент/ка ответил, что полностью не согласен с утверждением «Скверно выражаться в присутствии женщин неприлично» (этот вопрос относится к фактору 3 — «Этика и галантность»), то его факторная оценка для третьего фактора будет положительной. Это означает, что ответ респондента соответствует ключевым характеристикам данного фактора.

Факторы были проанализированы на предмет корреляции с переменной «уровень смеха по сексистской шутке». Все они имеют обратную зависимость с уровнем смеха. Фактор 3 — «Этика и галантность» имеет самый высокий коэффициент корреляции из всех факторов (рис. 4).

Респонденты, демонстрирующие традиционную гендерную идеологию по компоненту галантность как неотъемлемая часть «настоящего» мужчины (фактор 3), оценивают сексистские шутки как смешные. Галантность и соответствие правилам этикета должны соотноситься с правилами морали о том, что нельзя принижать другого человека по половому

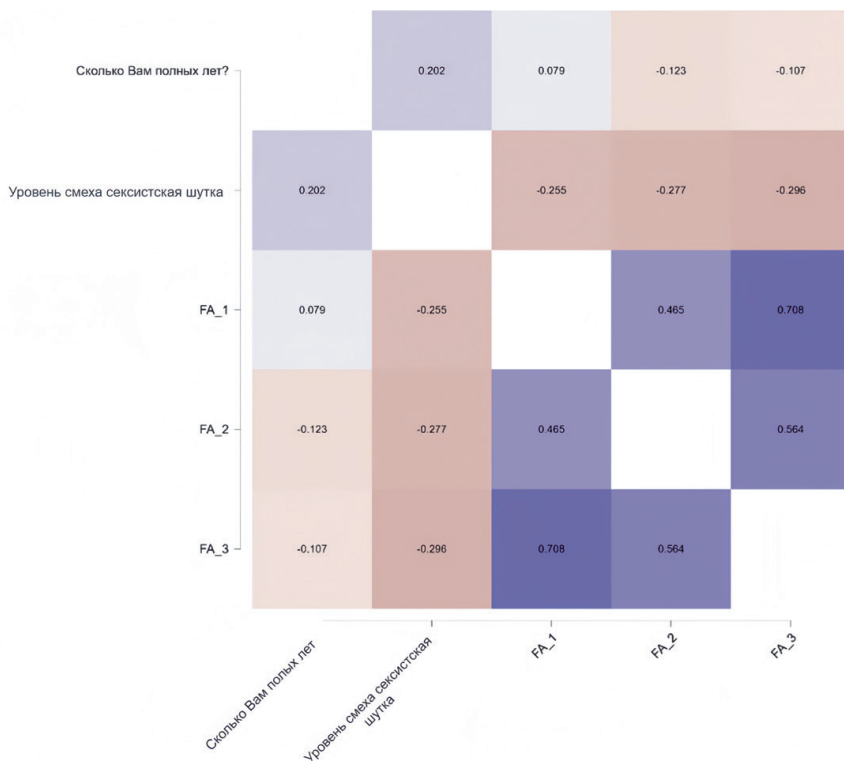

Рис. 4. Тепловая карта корреляции между уровнем смеха от сексистской шутки, возрастом и тремя факторами

признаку. Однако, согласно результатам, приверженность традиционным гендерным нормам, напротив, связана с толерантностью к сексизму как таковому и сексизму в шутках.

Оценка наличия и силы статистических связей между результатами по шкале о гендерно-полоролевых представлениях GRBS и оценкой шуток различных типов путем регрессионного анализа и статистических тестов

Для ответа на вопрос, почему сексистский или феминистский юмор смешной, была подсчитана линейная множественная регрессия¹ с демо-

¹ Модель множественной линейной регрессии с использованием факторных оценок — это статистический метод, который исследует, как несколько скрытых (латентных) измерений, полученных из исходных данных через факторный ана-

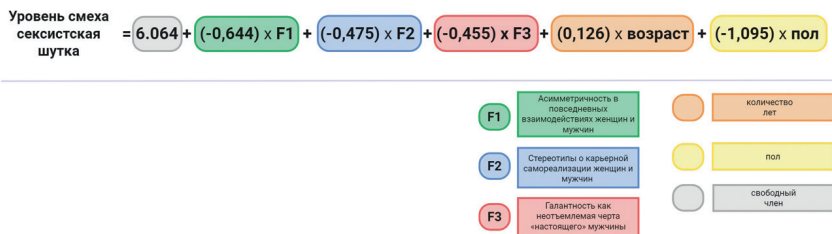

Рис. 5. Формула смеха, или регрессионная модель из трех компонентов гендерной идеологии, возраста и пола

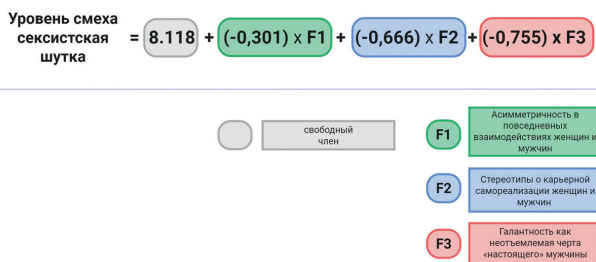

Рис. 6. Формула смеха, или регрессионная модель из трех компонентов гендерной идеологии

графическими характеристиками и без них (Thomae, Viki 2013). Это можно рассматривать как «формулу смеха» (рис. 5, 6), которая дает ответ на вопрос «Что делает шутку смешной с точки зрения компонентов гендерной идеологии зрителя?»

Результаты множественного регрессионного анализа

Значимые характеристики модели, когда независимые переменные хорошо объясняют целевую переменную, были получены в двух вариантах только по одному из типов юмора — сексистскому.

Первая модель

Целевая переменная — уровень смеха по сексистской шутке, независимые переменные — демографические признаки (пол, возраст) и факторные оценки о гендерных предубеждениях.

лиз, влияют на одну количественную переменную. Факторные оценки представляют собой обобщенные характеристики, отражающие ключевые аспекты выбранных переменных из онлайн-опроса, и используются в модели для выявления их взаимосвязи с зависимой переменной (Jihaoui, Abra, Mansouri 2025).

Для первой модели значение качества линейной модели $R^2=0.146$. Это указывает на то, что 14,6 % вариативности ответов респондентов о восприятии сексистских шуток объясняется факторами (1–3) и демографическими показателями.

Фактор 1, связанный с асимметричностью в повседневных взаимодействиях женщин и мужчин, демонстрирует значимое отрицательное влияние на целевую переменную ($\beta=-0.644$, $p<.001$). Это означает, что чем выше согласие респондентов с современными гендерными нормами в романтических и повседневных межличностных отношениях, тем ниже их склонность воспринимать сексистские шутки как смешные. Стандартизированный коэффициент $\beta=-0.153$ указывает на умеренную силу этого эффекта.

Фактор 2, связанный со стереотипами о карьерной самореализации женщин и мужчин, также оказывает значимое отрицательное влияние на целевую переменную ($\beta=-0.475$, $p<.001$). Другими словами, респонденты, которые одобряют традиционные суждения о занятости женщин в домашнем труде или в определенных «женских» профессиях, выше оценивают уровень смеха по сексистской шутке. Справедливо и обратное: увеличение значений данного фактора на 1 балл (в сторону современных взглядов) приводит к снижению уровня смеха от сексистской шутки на 0.475 пункта. Стандартизированный коэффициент $\beta=-0.110$ подтверждает небольшую связь.

Фактор 3, связанный с галантностью как неотъемлемой чертой «настоящего» мужчины, демонстрирует значимое отрицательное влияние ($\beta=-0.455$, $p=0.014$). Вопросы, составляющие этот фактор, соотносятся с представлениями о вежливом поведении мужчины перед женщиной. Но принятая в обществе традиционная галантность не обеспечивает равного отношения к женщинам. Так, снижение значений этого фактора на 1 балл (в сторону традиционных норм) повышает уровень смеха от сексистской шутки на 0.455 пункта. Стандартизированный коэффициент $\beta=-0.095$ указывает на слабую связь.

Возраст оказывает значимое положительное влияние на целевую переменную ($\beta=0.126$, $p<.001$). Каждый дополнительный год жизни увеличивает уровень восприятия сексистских шуток на 0.126 пункта. Это может свидетельствовать о том, что старшие поколения более терпимы к сексистскому юмору по сравнению с молодыми. Стандартизированный коэффициент $\beta=0.180$ указывает на умеренную силу этого эффекта.

Пол оказывает значимое отрицательное влияние на целевую переменную ($\beta=-1.095$, $p=0.002$). Женщины в среднем оценивают сексистские шутки на 1.095 пункта ниже, чем мужчины.

Респонденты с традиционной гендерной идеологией воспринимают сексистский юмор положительно. При этом наиболее значимым становится компонент образа межличностных романтических и повседневных отношений. Чем более современны представления о роли женщины и мужчины в повседневных отношениях у респондентов, тем реже они отмечали сексистские шутки как смешные. Чем старше респонденты, тем терпимее они к сексистским шуткам. Пол является важным предиктором: женщины значительно реже находят сексистские шутки смешными по сравнению с мужчинами.

Вторая модель

Целевая переменная — уровень смеха по сексистской шутке, независимые переменные — факторы как компоненты гендерной идеологии.

Удаление таких переменных, как пол и возраст, из модели линейной регрессии приводит к изменению коэффициентов оставшихся факторов. Качество модели снизилось $R^2=0.108$, независимые переменные объясняют 10 % вариативности. Во второй модели анализировалась связь гендерных предубеждений с уровнем оценки сексистских шуток только через компоненты гендерной идеологии.

Ослабление фактора 1. Коэффициент фактора 1 стал менее значимым ($p=0.048$) и уменьшился по модулю. Это может быть связано с тем, что пол и возраст были важными модераторами для этого фактора. Без них фактор 1 теряет часть своей объяснительной силы, так как эта переменная связана с романтическими и повседневными межличностными отношениями. Средний возраст респондентов, состоящих в отношениях, — 25 лет, средний возраст людей, не состоящих или никогда не состоявших в отношениях, — 22,5 года. У более взрослых людей с современной гендерной идеологией опыт отношений способствует переосмыслению гендерных стереотипов. Поэтому сексистские шутки кажутся им несмешными не только из-за профессионального или этического контекста (фактор 2–3), но и в силу сложившихся личных представлений о нормах поведения для женщин и мужчин.

Поскольку респонденты имеют современные полоролевые представления, их взгляд на отношения соответствует принципам партнерства и равенства, что противоречит темам, поднимаемым в сексистских шутках. Когда из модели удаляется переменная возраста, то и фактор межличностных отношений уже не может объяснять причины уровня смеха от сексистской шутки.

Усиление фактора 2 и фактора 3. Коэффициенты при Ф2 и Ф3 увеличились по модулю. Это указывает на то, что пол и возраст ранее скрывали их истинное влияние. Теперь эти факторы играют более заметную

роль в объяснении вариативности целевой переменной уровня смеха от сексистской шутки. То есть такие компоненты, как этика, галантность и профессиональная реализация женщины, являются теми аспектами публичной жизни, о которых у респондентов есть определенные устоявшиеся представления вне зависимости от накопленного в силу возраста опыта. Для них сексистские шутки не будут смешными, потому что темы, поднимаемые в них, всячески принижают женщин в публичной сфере (например, «женщины плохо водят машину» или «женщинам нельзя скверно выражаться в обществе»).

Таким образом, множественная линейная регрессия позволила создать формулу (рис. 5, 6), с помощью которой можно объяснить, почему что-то вызывает или не вызывает смех. В данном исследовании смех связан с существующими у человека гендерными полоролевыми представлениями, которые разбиваются на три компонента (фактора) и выступают причинами, делающими сексистский юмор смешным или несмешным. Это также связано с возрастом, так как такой компонент гендерной идеологии, как межличностные повседневные отношения (фактор 1), влияет на уровень смеха от сексистской шутки, если респонденты имеют соответствующий жизненный опыт и в силу этого могут переосмысливать традиционные нормы поведения женщин и мужчин. Два других компонента гендерной идеологии (факторы 2 и 3) формируют основу для критического восприятия сексистского юмора, делая его несмешным независимо от возраста или опыта взаимодействий между женщинами и мужчинами. Эти компоненты задают принципиально иное отношение к сексистскому юмору, основанное на внешних, а не на межличностных представлениях о гендерных нормах.

Выводы

Основная гипотеза исследования о том, что явно сексистский юмор стал более порицаемым зрителями комедийных шоу, однако на практике остается незаметным в силу его подачи через личный опыт романтических или межличностных отношений, подтвердилась.

Юмор с консервативными взглядами на роль женщины в семье и обществе теряет свою популярность и вызывает отторжение у значительной части аудитории (особенно в крупных городах России). Параллельно набирает популярность феминистский юмор из-за массового прихода женщин-комиков в стендап-индустрию и запроса на «женский голос» в российской комедии. Так как около 80 % аудитории офлайн-концертов стендап-комиков составляют женщины, на смену агрессивному и откровенному сексизму приходит «интеллигентный сексизм». Зрителям сложнее идентифицировать такие шутки как сексистские, что способствует

его незаметному проникновению в повседневную жизнь. Это может приводить к повышению толерантности зрителей комедийных шоу к пренебрежительному отношению к женщинам.

Сексистские шутки, становясь на первый взгляд менее выраженными, остаются популярными в российской комедийной индустрии из-за укорененных гендерных стереотипов и коммерческой выгоды.

Как показывают данные онлайн-опроса и фокус-групп, зрители российских комедийных шоу полагают, что сексистский юмор может продвигать сексизм и укоренять гендерные стереотипы и предубеждения в массовом сознании, а феминистский юмор, напротив, способствует преодолению этих стереотипов и созданию среды, безопасной для всех социальных групп. При этом комики считают, что стендап только подмечает детали окружающей реальности. Они полагают, что юмор в целом не может иметь какое-либо влияние на общество, в силу этого сексистский юмор не причина, а следствие сексизма в обществе.

Все респонденты сходятся во мнении, что сегодня отношения между женщинами и мужчинами одна из наиболее доступных для комиков и востребованных у зрителей тем в российском юморе. Однако сексистские и феминистские шутки по-разному рассказывают об этих отношениях.

Сексистские шутки, как правило, строятся на стереотипах, в силу чего они просты и понятны массовому зрителю, а их создание коммерчески выгодно. Для восприятия таких шуток не требуется высокая гендерная компетентность и глубокая саморефлексия.

«Кринжовость» стендапа для многих зрителей заключается не просто в наличии откровенно сексистских шуток, но и в их полном несоответствии произошедшим общественным изменениям во взглядах на положение женщин в обществе и семье. Феминистские шутки, напротив, являются подрывными: их суть состоит в высмеивании и опровержении гендерных стереотипов. В сравнении с сексистским этот тип юмора более сложен для восприятия и предполагает высокий уровень гендерной компетентности аудитории. В силу этого феминистский юмор пока не может носить массовый характер в рамках отечественной комедии.

В то же время, как показала фокус-группа со зрителями, и женщинами, и мужчинами феминистский юмор воспринимается как более безопасный, так как он практически никогда не включает в себя шутки о представителях уязвимых групп и уничижительные шутки, соответствующие «правилу человеческого юмора»¹. Это является одной из причин, по которой

¹ Объектом такого юмора не могут быть представители уязвимых социальных групп. Этот тип шуток всегда направлен вверх.

феминистский юмор сохраняет и постепенно наращивает свою популярность. Однако восприятие такого юмора зависит от пола комика: если мужская агрессивность, транслируемая в шутках, воспринимается как норма, женская — как чрезмерная эмоциональность.

Наиболее смешными респондентам показались нейтральные и феминистские шутки. Однако последние, рассказанные мужчинами-комиками, были восприняты респондентками как неискренние. Опрошенные объясняют это тем, что мужчины-комики стремятся охватить как можно большую аудиторию и прибегают к феминистскому юмору в целях коммерческой выгоды из-за его возросшей за последние годы популярности. Они используют в своих шутках женский опыт, который не могут понять в полной мере.

Респонденты онлайн-опроса имеют преимущественно современную гендерную идеологию. Это способствует тому, что они часто замечают сексизм в юморе и не воспринимают такой юмор как приемлемый. Они считают феминистский юмор более смешным, чем сексистский, а также подчеркивают его потенциальное влияние на позитивные общественные изменения в разрезе взаимоотношений женщин и мужчин.

Сексистские шутки нередко строятся вокруг личного опыта взаимодействия с женщинами конкретного комика. Результаты регрессионного анализа показали: если у зрителя преобладают традиционные представления о романтических или повседневных межличностных отношениях, то «интеллигентный сексизм» может не считываться как таковой, маскируясь под личное высказывание. При этом шутка все равно может быть воспринята как сексистская, если комик высмеивает публичные темы, связанные с поведением женщины или ее карьерной реализацией. Это подтверждают слова комиков о том, что сексистский юмор является не первопричиной сексизма в обществе, а одним из его следствий: пока социумом не будут переосмыслены гендерные стереотипы и предубеждения в сфере личных, а не только публичных отношений между женщинами и мужчинами, сексистский юмор не исчезнет.

Стремление к созданию безопасной для всех членов общества среды является условием обеспечения устойчивости современного мира. Как показало проведенное исследование, практики современной российской стендап-комедии пока не способствуют этому.

Для того чтобы владельцы бизнесов, создающих массовый юмористический контент, проявляли уважение к личности и не допускали дискриминационных практик в своих шоу, необходимо государственное регулирование использования и распространения на массовую аудиторию в целях извлечения коммерческой выгоды оскорбительных и уничижи-

тельных посланий. Речь должна идти не о цензуре, а о расширении возможностей для продвижения идей о недопустимости дискриминации людей по признаку пола. Это можно делать через привлечение в индустрию разных по статусу, религиозной и этнической принадлежности стендап-артистов, выступающих с широким диапазоном тем, в том числе затрагивающих острые социальные проблемы.

Результаты исследования могут быть полезны комикам (для понимания отношения своей аудитории к сексистским и феминистским шуткам) и зрителям (для осознания многообразия форм сексистского юмора, который может быть незаметным даже при высокой гендерной компетентности зрителей).

Дискуссия

Итоги проведенного исследования совпадают с выводами Робин Хершковиц, которая рассматривает жанр *comedy roast* как ритуал власти. Она утверждает, что шутки в таких ритуалах не просто отражают предубеждения, но и институционализируют доминирование одних социальных групп над другими (Hershkowitz 2023). Наши данные подтверждают: юмор в стендапе нельзя рассматривать нейтрально — он воспроизводит структурное неравенство, даже если артисты уверены, что они «просто подмечают реальность».

Женщины и мужчины с современной гендерной идеологией признают феминистский юмор более безопасным и даже подрывным по отношению к стереотипам. Они отмечают значимость феминистского юмора в комедии, делая упор на важности освещаемых тем, его социальной функции в юмористической индустрии в целом, даже вопреки существующим консервативным тенденциям. Это коррелирует с идеей о том, что у юмора есть интеграционная функция. Венкатесан и Гопалкришнан, анализируя этнический юмор, отмечают его амбивалентность: шутки могут как усилить агрессию, так и работать на групповую сплоченность (Venkatesan, Gopalkrishnan 2023). Это справедливо и в отношении феминистского юмора.

Наши данные совпадают и с выводами Инны Калиты, сделанными в обзоре посвященном женскому стендапу в постсоветском пространстве, о том, что женщины-комики сталкиваются не только с институциональными барьерами, но и с ожиданиями аудитории, которая не готова к агрессивному или критическому юмору от женщин (Калита 2024).

Однако результаты проведенного исследования вступают в определенное противоречие с идеями Дж. Мегханы и Р. Виджайа, которые утверждают, что восприятие оскорбительности шуток связано прежде всего

с профеминистскими установками зрителей, а не с самим содержанием (Meghana, Vijaya 2020). Они приходят к выводу, что юмор не является прямым индикатором стереотипов, а воспринимается индивидуально. Согласно результатам регрессионного анализа, представленного в статье, гендерная просвещенность действительно влияет на снижение уровня смеха над сексистскими шутками. Но на практике сексизм в юморе не всегда может быть замечен даже гендерно просвещенным зрителем в силу его подачи через личный опыт комика, особенно если он маскируется под «интеллигентный».

Научная дискуссия по поводу воспроизводства сексизма и гендерных стереотипов в комедийных шоу показывает, что юмор следует рассматривать не только как отражение культурных установок авторов и зрителей, но и как активный инструмент их воспроизводства и легитимации. «Хороший» с позиций общечеловеческих ценностей юмор не должен оправдывать дискриминацию, даже интеллигентно. Для аудитории, которая видит и не поддерживает структурное неравенство, технически правильно построенная сексистская шутка, созданная по всем канонам стендапа и формально кажущаяся смешной, не будет таковой и вызовет негативную реакцию.

При анализе результатов важно учитывать ряд ограничений исследования:

- выборка онлайн-опроса характеризует мнение определенной части населения, она не является репрезентативной для жителей всех регионов России, в частности для людей, проживающих в небольших городах с доходами ниже среднего уровня; большинство опрошенных — женщины с современным взглядом на отношения между женщинами и мужчинами;
- в рамках фокус-групп приняли участие локальные российские стендап-комики, не анализировалось мнение популярных артистов в сфере телевизионного стендапа; данные о составе аудитории и адаптации под нее текстов шуток актуальны только для офлайн-выступлений; ТВ-стендап в рамках фокус-групп не рассматривался;
- факторный анализ проводился по 10 вопросам из краткой шкалы о полоролевых представлениях — большее количество вопросов или расширенная версия используемой шкалы могли бы повысить количество факторов и их интерпретируемость, но в то же время значительно увеличить время на прохождение опроса и снизить количество ответов;
- удаление из модели множественной линейной регрессии независимых переменных демографических параметров респондентов могло привести к переобучению модели, так как она уделяет больше внимания оставшимся факторам, даже если их истинное влияние меньше.

Направления дальнейших исследований

Исследование показало, что феминистский юмор не только имеет значительный потенциал с точки зрения общественных изменений, но и оценивается выше сексистского по уровню смеха. Авторы планируют глубже изучить специфику и причины востребованности феминистского юмора. Представляет интерес сравнение регионального и федерального (телевизионного) стендапа с точки зрения использования в них феминистского юмора.

Для повышения достоверности результатов необходимо привлечь к прохождению опросов больше зрителей-мужчин, разделяющих ценности традиционной гендерной идеологии.

Литература / References

Брейтзэйт Д. (2002) *Преступление, стыд и воссоединение*. М.: Центр судебно-правовая реформа.

Braithwaite D. (2002) *Crime, Shame and Reintegration*. Moscow: Center for Judicial-Legal Reform (in Russian).

Вербоватая Ю.В. (2023) Коммуникативные стратегии достижения комического эффекта артистами жанра стендап. *Успехи гуманитарных наук*, 2: 142–148.

Verbovataya Yu.V. (2023) Communicative strategies for achieving comic effect by performers of the stand-up genre. *Uspekhi Gumanitarnykh Nauk* [Successes of the Humanities], 2: 142–148 (in Russian).

Вержинская И.В. (2011) Юмор: история и классификация понятия. *Вестник Челябинского государственного университета*, 11(226): 29–32.

Verzhinskaya I.V. (2011) Humor: history and classification of the concept. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 11(226): 29–32 (in Russian).

Дмитриев А.В., Сычев А.А. (2005) *Смех. Социофилософский анализ*. М.: Альфа-М.

Dmitriev A.V., Sychov A.A. (2005) *Laughter: A Socio-Philosophical Analysis*. Moscow: Alfa-M (in Russian).

Жаркова Д.В., Зайцева А.В., Попова Д.М. (2025) Гегемония традиций в женском стендапе. *Новизна. Эксперимент. Традиции*, 1: 17–29.

Zharkova D.V., Zaitseva A.V., Popova D.M. (2025) Hegemony of traditions. Images of masculinity in popular Russian-language cinema and music hits. *Novizna. Eksperiment. Traditsii* [Novelty. Experiment. Traditions], 1: 17–29 (in Russian).

Калита И. (2025) Стендап в зеркале языка: основные темы и идеи. *Jazyk a Kultúra*, 16: 8–25.

Kalita I. (2025) Stand-up in the mirror of language — language in the mirror of stand-up: the case of Kazakhstan. *Jazyk a Kultúra*, 16: 8–25 (in Russian).

Камышанова А.А. (2017) *Стратегии юмора в русскоязычном стендапе (на материале выступлений русских и американских комиков)*. Магистерская диссертация. М.: Высшая школа экономики.

Kamyshanova A.A. (2017) *Humor strategies of female media characters on Russian TV (based on TV shows, 2000–2015)*. Master's thesis, Higher School of Economics, Moscow (in Russian).

Канашина С.В. (2022) Интернет-мем и юмор: анализ на материале интернет-сообщества. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 2: 317–328.

Kanashina S.V. (2022) Internet meme and humor. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaneya* [Questions of Journalism, Pedagogy, Linguistics], 2: 317–328 (in Russian).

Мдивани М.О., Марина О., Лидская Э.В. (2020) Русскоязычная версия шкалы гендерных ролевых убеждений (GRBS): психометрическая валидация. *Социальная психология и общество*, 11(3): 185–195.

Mdivani M.O., Marina O., Lidskaya E.V. (2020) Russian-language version of the short Gender Role Beliefs Scale (GRBS). *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 11(3): 185–195 (in Russian).

Мельников С.С. (2015) Социология юмора: теоретические перспективы и эмпирические подходы. *Вестник экономики, права и социологии*, 1: 213–217.

Melnikov S.S. (2015) Sociology of humor: on the critique of three fundamental theories of the comic. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology], 1: 213–217 (in Russian).

Рудакова Е.А. (2025) Лингвокогнитивный аспект американского юмора в произведениях Д. Лоури. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2: 703–711.

Rudakova E.A. (2025) Linguocognitive aspect of American youth humor about men and women (based on the TV series *The Big Bang Theory*). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], 2: 703–711 (in Russian).

Степанова А.В., Квалдыкова Е.В. (2021) Структурные и лингвистические особенности стендапа как жанра современной массовой культуры. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 5(1): 111–115.

Stepanova A.V., Kvaldykova E.V. (2021) Structural and linguistic features of stand-up. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 5–1: 111–115 (in Russian).

Тулчинский Г.Л. (2023) Современный университет перед вызовами консерватизма. *Ярославский педагогический вестник*, 4: 190–194.

Tulchinsky G.L. (2023) The modern university — a generator of the image of the future or monetization of the present? *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 4: 190–194 (in Russian).

Ульянова Ю.И. (2011) Индивидуальные особенности чувства юмора и склонность к отчуждённому поведению. *Армия и общество*, 3(27): 21–25.

Ulyanova Yu.I. (2011) Main approaches to scientific research of individual features of the sense of humor. *Armiya i obshchestvo* [Army and Society], 3(27): 21–25 (in Russian).

Якиманская И.С. (2021) Гендерные особенности подростков в многофакторной структуре риска пониженной самооценки. *Мир науки. Педагогика и психология*, 1.

Yakimanskaya I.S. (2020) Gender features of the sense of humor as a type of psychological defense. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology], 3(32) (in Russian).

Barreca R. (2013) *They Used to Call Me Snow White... But I Drifted: Women's Strategic Use of Humor*. University Press of New England.

Bem S.L. (1994) Defending the Lenses of Gender. *Psychological Inquiry*, 5(1): 97–101. https://doi.org/10.1207/s15327965pli0501_17.

Bing J.M. (2004) Is feminist humor an oxymoron? *Women and Language*, 27(1): 22–33.

Butler J. (1990) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York: Routledge.

Decker W.H., Rotondo D.M. (2001) Relationships among gender, type of humor, and perceived leader effectiveness. *Journal of Managerial Issues*, 13(4): 450–465.

El Jihaoui M., Abra O.E.K., Mansouri K. (2025) Factors Affecting Student Academic Performance: A Combined Factor Analysis of Mixed Data and Multiple Linear Regression Analysis. *IEEE Access*, 13: 15946–15964.

Ferguson M.A., Ford T.E. (2008) Disparagement humor: A theoretical and empirical review of psychoanalytic, superiority, and social identity theories. *Humor: International Journal of Humor Research*, 21(3): 283–312.

Ford T.E., Wentzel E.R., Lorion J. (2001) Effects of exposure to sexist humor on perceptions of normative tolerance of sexism. *European Journal of Social Psychology*, 31(6): 677–691.

Glick P., Fiske S.T. (1997) Hostile and Benevolent Sexism: Measuring Ambivalent Sexist Attitudes Toward Women. *Psychology of Women Quarterly*, 21(1): 119–135. <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.1997.tb00104.x>.

Greengross G., Silvia P.J., Nusbaum E.C. (2020) Sex differences in humor production ability: A meta-analysis. *Journal of Research in Personality*, 84: 103886.

Hershkowitz R. (2023) *The Comedy Roast as American Ritual: Performing Race and Gender*. Bowling Green State University.

Hofmann J., Platt T., Lau C., Torres-Marín J. (2023) Gender differences in humor-related traits, humor appreciation, production, comprehension, neural responses, use, and correlates: A systematic review. *Current Psychology*, 42(19): 16451–16464.

Kalin R., Tilby P.J. (1978) Development and validation of a sex role ideology scale. *Psychological Reports*, 42(3): 731–738.

Kilmartin C. (2015) Men's violence against women: an overview. In: *Religion and Men's Violence Against Women*: 15–25.

Kramer C.A. (2013) An existentialist account of the role of humor against oppression. *Humor: International Journal of Humor Research*, 26(4): 629–651.

Meghana J., Vijaya R. (2020) Humour and gender stereotypes. *IASSI Quarterly*, 39(1): 58–74.

Mendible M. (2019) Cultural Disenfranchisement and the Politics of Stigma. *Ethnic Studies Review*, 42(1): 7–24.

Nichols K. (2020) “I probably shouldn't say this, should I... but...”: Mischievous masculinities as a way for men to convey reflexivity and make choices in sporting sites. In: Magrath R., Cleland J., Anderson E. (eds.) *The Palgrave Handbook of Masculinity and Sport*. Palgrave Macmillan, Cham: 151–169. https://doi.org/10.1007/978-3-030-19799-5_9.

Nyakundi N., Mudogo B., Barasa D. (2024) Examining sexist inferences on The Churchill Show's stand-up comedy. *Journal of Research and Academic Writing*, 1(2): 1–9.

Oring E. (2010) *Engaging Humor*. University of Illinois Press.

Pluszczyk A., Świątek A. (2023) Linguistic mechanisms as a source of humour in selected verbal jokes: The analysis of stylistic figures and pragmatic mechanisms. *Językoznawstwo*, 19(2): 235–248.

Reilly P. (2017) The Layers of a Clown: Career Development in Cultural Production Industries. *Academy of Management Discoveries*, 3(2).

Rijken A.J., Merz E.M. (2014) Double standards: Differences in norms on voluntary childlessness for men and women. *European Sociological Review*, 30(4): 470–482.

Thomae M., Viki G.T. (2013) Why did the woman cross the road? The effect of sexist humor on men's rape proclivity. *Journal of Social, Evolutionary, and Cultural Psychology*, 7(3): 250–269.

Venkatesan S., Gopalkrishnan I.K., Gy Y.K. (2023) Ethnic humor: The role of culture in mirth, comedy, and laughter. *International Journal of Indian Psychology*, 11(3): 360–368.

Walker R., Moraine A.A., Black K.J. (2021) Regression in JASP. In: Walker R. (ed.) *Exploring Diversity with Statistics Using JASP*. Chattanooga (Tenn.): University of Tennessee at Chattanooga. [<https://scholar.utc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1000&context=open-textbooks>].

Woodzicka J.A., Mallett R.K., Melchiori K.J. (2020) Gender differences in using humor to respond to sexist jokes. *Humor: International Journal of Humor Research*, 33(2): 219–238.

Zhijiu Y.U. (2024) Debunking Stereotypes Through Humor. *Asia-Pacific Journal of Humanities and Social Sciences*, 4(4): 46–60. <https://doi.org/10.53789/j.1653-0465.2024.0404.007>

Кодировка шуток

Таблица 1

Феминистские шутки

Шутка / фрагмент	Прием создания шуток (комичности)	Теоретическая рамка	Интерпретация
<u>YouTube 1</u>	гипербола, инверсия, сатира	Bing (2004) : «инверсия как феминистская стратегия» — показывает абсурдность гендерных норм через их переворачивание. Butler (1990) : перформативность — гендерные практики становятся видимыми, когда роли меняются местами	Шутка демонстрирует повседневный женский опыт как навязанный и неприятный. Через переворот ролей (мужчина в женской ситуации) вскрывается условность нормы и ее дискомфортность
<u>YouTube 2</u>	сарказм, инверсия ролей, анекдотичность, алогизм	Kramer (2013) : юмор как практика переосмысления «женского труда» и деконструкции гендерных ролей. Bing (2004) : подрыв иронии: показать «естественные» обязанности как распределимые иначе	Шутка о том, что женщина не должна «снимать стресс» через уборку после ссоры, а делегировать это мужу. Инверсия ролей высвечивает нелепость гендерного распределения труда
<u>YouTube 3</u>	сатира, алогизм, нонсенс, сарказм	Butler (1990) : гендер как пародия и деконструкция норм. Kramer (2013) : использование нонсенса для вскрытия условности социальных правил	Шутка высмеивает стереотипы о «плохих привычках» (например, курение). Путём абсурдного сравнения демонстрируется, что нормы социально сконструированы и неуниверсальны
<u>YouTube 4</u>	самоирония	Bing (2004) : самоирония как безопасный способ критики. Kramer (2013) : юмор через признание бытовых неравенств, создающий солидарность в женской аудитории	Шутка про распределение обязанностей в семье: женщина делает всё по дому и с детьми, мужчина отдыхает. Самоирония позволяет вскрыть несправедливость и вызвать смех-солидарность

Таблица 2

Сексистские шутки

Шутка / фрагмент	Прием создания шутки (комичности)	Hostile Sexism (HS)	Benevolent Sexism (BS)	Интерпретация (по Woodzicka)
<u>YouTube 1</u>	стереотипизация, ирония	«Женщины некомпетентны»; «женщина не работает»; «женщина эмоциональна из-за месячных»	–	Лингвистическая стратегия уничижения: закрепление женских «биологических» ограничений как оправдание исключения из публичной сферы.
<u>YouTube 2</u>	гипербола, идеализация	«Женщины истеричны»; «женщина обижается на пустом месте»; «женщина наказывает отсутствием секса»	–	Язык нормализует образ женщины как «иррациональной», что воспроизводит социальный нарратив о ненадежности женских эмоций.
<u>YouTube 3</u>	сарказм, гипербола	«Женщина некомпетентна из-за отсутствия истинного опыта»	–	Через сарказм закрепляется иерархия: женщина не может быть успешной в бизнесе, ее опыт «несерьезный»
<u>YouTube 4</u>	метафора, стереотипизация	–	«Женщина получает дорогой подарок за секс»	Лингвистическая стратегия «доброжелательного сексизма»: женщина представляется как объект, чья ценность определяется сексуальностью

“THIS IS NOT STAND-UP, BUT CRIMINAL CRINGE”: REPRODUCTION AND OVERCOMING OF GENDER STEREOTYPES IN RUSSIAN-LANGUAGE COMEDY SHOWS

Marina A. Kashina (kashina-ma@ranepa.ru),
Sofia Kh. Agaeva,
Darya V. Zharkova,
Kira A. Zubkova

RANEPА St. Petersburg — North-West Institute of Management,
St. Petersburg, Russia

Citation: Kashina M.A., Agaeva S.Kh., Zharkova D.V., Zubkova K.A. “This is not stand-up, but criminal cringe”: reproduction and overcoming of gender stereotypes in Russian-language comedy shows. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(4): 219–256 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.10> EDN: TCXVUE

Abstract. Comedy shows, and stand-up comedy in particular, constitute an integral element of contemporary mass culture. Through social media, comedians’ performances permeate the informational space of internet users regardless of their individual interest in such content. Despite the increasing prevalence of humanistic tendencies within society, discriminatory and derogatory humor continues to retain its popularity. The article investigates how this type of humor establishes a cultural foundation for gender discrimination by fostering tolerance toward bias and verbal affronts directed at women. The authors analyze the factors underlying the demand for sexist and feminist jokes in Russian-language stand-up comedy and assess their respective functions within this genre. Empirical foundation: the study is based on an online survey (N = 1439) and three focus groups (one comprising viewers of comedy shows and two comprising local stand-up performers). Within the survey, respondents evaluated ten jokes (four feminist, four sexist, and two neutral) and completed the Gender Role Beliefs Scale (GRBS). The data were interpreted through the theoretical frameworks of the biased norm and ambivalent sexism. Analytical procedures included factor analysis and linear regression. The findings reveal both comedians’ and audiences’ attitudes toward sexist and feminist humor, as well as their evaluations of the potential social consequences of these categories of humor. Principal conclusion: overtly sexist humor is increasingly being supplanted by a socially acceptable form of “intellectual sexism,” which nonetheless reinforces gender-based prejudice. The majority of comedians maintain that humor does not engender significant social consequences. Conversely, audiences emphasize the existence of such consequences: sexist jokes reinforce gender stereotypes within mass consciousness, while feminist jokes may contribute to their deconstruction. Respondents who adhere to traditional conceptions of romantic or everyday relations between women and men tend not to perceive “intellectual sexism” as offensive, construing it instead as a personal opinion. Future research is intended to further explore the demand for feminist humor,

as well as to examine distinctions between regional and federal (TV) stand-up comedy in the use of this type of material. To enhance the reliability of the findings, the study also proposes to broaden the sample, particularly by incorporating male viewers with traditional gender ideologies.

Keywords: abuse, gender ideology, mass culture, gender performativity, derogatory humor, black humor.

РЕЦЕНЗИИ

МЕТАВСЕЛЕННАЯ: МЕЖДУ ИСКУССТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОСТЬЮ И ИСКУССТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ

Рецензия на книгу: Ball M. (2022) *The Metaverse and how it will revolutionize everything*. New York: Liveright. — 352 p.¹

Наталья Дамировна Трегубова (n.tregubova@spbu.ru),
Александр Михайлович Степанов (a.m.stepanov@spbu.ru),
Глеб Викторович Попов (pogleb.work@yandex.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Трегубова Н.Д., Степанов А.М., Попов Г.В. (2025) *Метавселенная: между искусственной социальностью и искусственной реальностью*. Рецензия на книгу: Ball M. (2022) *The Metaverse and how it will revolutionize everything*. New York: Liveright. — 352 p. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(4): 257–271. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.11> EDN: TKDPWQ

Слово *metaverse* стало актуальным (а для многих впервые прозвучало) в 2021 г. в связи с переименованием одной известной компании в *Meta Platforms*². Для узкого круга любителей киберпанка это слово связано с романом Нила Стивенсона «Лавина» (*Snow Crash*, 1992), в переводе которого на русский язык *metaverse* превратилась в «метавселенную»³. За 30 лет, прошедших с публикации романа до переименования Facebook в Meta, случилось многое. Мы наблюдали расцвет и закат глобализации, бум искусственных нейросетей, подъем IT-корпораций и выдвижение Китая как нового центра развития высоких технологий, возникновение современного интернета (*Web 2.0*)⁴ и повсеместное распространение

¹ См. также перевод книги на русский язык: Болл М. (2023) *Метавселенная: как она меняет наш мир*. М.: Альпина Паблишер.

² Компания признана экстремистской и запрещена на территории России.

³ В этом романе прозвучало еще одно слово — «аватар», к которому мы вернемся ниже.

⁴ Различие между *Web 1.0* и *2.0*, насколько нам известно, было впервые сформулировано в (DiNucci 1999). Оно не является абсолютным и отображает, с одной стороны, типичную активность пользователей, с другой стороны — доминирующие технические решения. До начала 2000-х годов интернет представлял собой собрание информационных материалов, воспринимаемых отдельными пользователями. Начиная с 2000-х значительная часть информации генерируется самими

смартфонов. Названные события и процессы, а точнее их переплетения, определили облик современного мира: то, как выглядит типичный день разных людей в разных уголках мира, на какой работе они работают и что именно там делают, как до нее добираются (и добираются ли вообще), как поддерживают социальные связи, как проводят свободное время и где в принципе проходит граница между рабочим и свободным временем.

Автор книги Мэттью Болл по отношению к сфере информационных технологий скорее инсайдер. Он давно связан с игровой индустрией в частности и с IT-бизнесом в целом. Рецензируемая книга основана на серии эссе о метавселенной, которые Болл писал на протяжении нескольких лет. От возникновения метавселенной¹ автор книги, и не он один, ждет очередного поворота в технологическом развитии человечества. Metaverse, может быть, станет тем, чем стал для нас современный интернет — своего рода Web 3.0².

Если так, то современным ученым определенно стоит проявить интерес к метавселенной. Вот лишь некоторые примеры того, как вместе с развитием Web 2.0 и последующим распространением мобильного интернета появлялся «хлеб» для социологов, психологов, социальных географов, экономистов и прочих социальных ученых.

1. Исследователи миграции фиксируют: у современного мигранта может не быть паспорта, а вот смартфон у него/нее будет.

пользователями во взаимодействии друг с другом. Площадки для взаимодействия (чаты, переписка по электронной почте) существовали и в Web 1.0, но по степени институционализации и характеру публичности они значительно отличаются от многообразия форм социального взаимодействия, представленных в Web 2.0.

¹ Слово metaverse образовано от слова universe (вселенная, универсум) путем сокращения и присоединения к нему приставки meta: без сокращения было бы meta-universe. Приставка meta имеет греческое происхождение и изначально означала «после». (Отсюда «Метафизика» Аристотеля — собрание его работ, которые шли после «Физики».) Сегодня «мета» обычно употребляется или в значении «о себе» (например, метаданные — это данные о данных), или в значении «над». В нашем случае справедливо второе: metaverse — это «настройка» над вселенной, которая создается с помощью вычислительных машин (компьютеров). Здесь и далее мы переводим metaverse как «метавселенная» — представляется, что такой вариант перевода более ясен по смыслу и приятен глазу читателя.

² Понятие Web 3.0 обозначает новые свойства интернета, отличные от Web 2.0, которые, как ожидается, получат повсеместное распространение. Одни связывают Web 3.0 с тем, что данные в интернете будут доступны для машинного чтения (Semantic Web), другие — с децентрализацией интернета на основе технологий блокчейн (Web3). Мэттью Болл примыкает ко вторым, однако для него метавселенная — это особый проект, необязательно связанный с децентрализацией онлайн-среды.

2. Исследователи социальных связей подмечают, как по-разному люди заводили дружеские и семейные связи до и после всеобщего распространения интернета.
3. Те, кого интересует рынок труда, не могут игнорировать влияние удаленной занятости на структуру рабочих мест и профессий.
4. Те, кого интересуют поколенческие сдвиги, классифицируют новые поколения в том числе по тому, в каком возрасте их представители получили доступ к интернету и к какому именно интернету.
5. Наконец, социальным теоретикам онлайн-среда интересна сама по себе: там возникают новые структуры пространства и времени, становятся возможными новые агенты коммуникации, появляются новые формы капитализма...

Так и по отношению к метавселенной можно ожидать, что это новый, еще не изученный, возникающий на наших глазах мир, в котором каждое научное направление можно открывать заново.

Но насколько подобные ожидания обоснованы? Даже Microsoft Word (в доступной нам версии) не знает слова *metaverse*, тем более слов «метавселенная» и «метаверсум». Более того, и границы, и содержание данного понятия определяются сегодня весьма произвольно. Показательно хотя бы отсутствие согласия в том, о скольких метавселенных допустимо говорить: об одной или все-таки о многих?

Рецензируемая книга предлагает один из возможных подходов к определению и к пониманию метавселенной. Ее автор настаивает, что метавселенная может быть только одна¹, что ее появление будет равным по значимости возникновению существующего интернета, что это появление неизбежно, но то, каким именно будет ее облик, зависит от решений, которые принимаются сегодня и будут приниматься завтра.

В настоящем рассуждении мы не ставим целью ответить на вопрос, станет ли метавселенная новым интернетом. Ответить на данный вопрос сейчас невозможно: мы не знаем ни дальнейших путей научно-технического развития, ни того, как будут реагировать на новые технологические решения люди, для которых эти решения предназначены. Наша цель — наметить вопросы, которые могут быть интересны социальному аналисту в связи с возникающей на наших глазах метавселенной. Однако осмысленно задать такие вопросы, а тем более подступиться к ответу на них не получится без понимания того, что такое *metaverse* как явление и проблема. Основы для такого понимания мы можем найти в рецензируемой книге.

¹ Противоположная позиция представлена, например, в: (Zyda 2022).

Что такое метавселенная?

На поверхностный взгляд большая часть вопросов, которые ставит автор, едва ли могут заинтересовать социолога. Однако если выйти за узкие дисциплинарные рамки и подключить социологическое воображение, то становится очевидным, что книга интересна не только экономистам и философам, но и социологам, техническим специалистам и даже медикам. Любопытного же читателя, кем бы тот ни был, она однозначно заинтересует.

Книга состоит из трех частей.

В первой части Болл представляет краткий экскурс в историю интернета и обосновывает собственный подход к пониманию метавселенной. В этом отношении книга уникальна: автор стремился обозреть все этапы и аспекты потенциального становления метавселенной, начиная с самых истоков интернет-взаимодействий в 1970-е годы и заканчивая предположениями о том, какую долю в мировой экономике будет занимать Web 3.0.

Вторая часть рассматривает технические требования к существованию метавселенной, которые касаются скорости онлайн-соединения, программного обеспечения, вычислительных мощностей, финансовой организации взаимодействий в Сети. Болл обсуждает, почему метавселенная (в его определении) пока еще не может быть создана, какие технологические прорывы могли бы привести к ее воплощению и кто из настоящих и будущих игроков способен их осуществить. Здесь следует сразу заметить, что автор, на наш взгляд, в некоторых моментах проявляет излишнюю строгость в отношении технических условий, необходимых для функционирования метавселенной.

В третьей части Болл рассуждает, как могло бы выглядеть рождение метавселенной из структур существующего интернета, как технологии метавселенной изменят образование и градостроительство, рынок потребительских товаров и рекламную индустрию, сферу развлечений и секс-работу. Он обсуждает, какие из современных IT-компаний имеют шанс занять ведущее место в создании метавселенной, еще раз указывает на желательность децентрализации, в частности «машинного доверия» на основе блокчейн, рассматривает некоторые правовые и этические проблемы метавселенной.

Необходимо особо отметить сбалансированный взгляд Болла на изменения, которые таит в себе новый виток развития интернета: автор, в отличие от многих, не скатывается ни в слепое восхваление метавселенной, ни в ее демонизацию. Книга завершается тезисом о том, что предуга-

дать ход развития метавселенной невозможно: все мы являемся зрителями (активными или пассивными) ее возникновения.

Несомненный интерес представляет авторское определение метавселенной: «Масштабируемая и совместимая сеть производимых в режиме реального времени 3D виртуальных миров, в которой неограниченное число пользователей могут одновременно находиться и действовать, сохраняя ощущение индивидуального присутствия, синхронно и стабильно, и которая обеспечивает преемственность таких данных, как идентичность, история, достижения, объекты, коммуникации и платежи»¹. Рассмотрим, что подразумевается под каждым из терминов.

Под «виртуальным миром» Болл понимает любую компьютерную симуляцию некоторой среды, окружения (*environment*), в которой можно действовать. Соответственно, 3D означает симуляцию среды, имеющей три измерения. Сегодня большинство сайтов в интернете, как замечает автор, симулируют двумерное пространство, поэтому для метавселенной трехмерность будет особенно важна (и технически это более сложная задача). То, что часто ассоциируется с метавселенной, — костюмы, шлемы и очки виртуальной/дополненной реальности, позволяющие полностью «погрузиться» в симулированное компьютером пространство, представляет собой различные варианты доступа к 3D. Вместе с тем современные сайты и приложения компьютерных игр имеют определенные возможности в создании 3D-изображений. Руководствуясь терминологией и логикой автора, нам придется рассматривать привычные нам экраны компьютеров как способ лишь двухмерного доступа к метавселенной, тем самым отказываясь признавать привычный нам способ выхода в интернет как полноценный вариант взаимодействия с метавселенной. Либо нам придется признать, вопреки позиции Болла, что возникающая метавселенная не станет отменять и ограничивать старые способы интеракции с виртуальным пространством, а просто предложит новейшие, более комфортабельные средства получения потенциального опыта.

Термин «сеть» (*network*) означает, что между виртуальными мирами можно перемещаться. Масштабируемая и совместимая (*massively scaled and interoperable*) сеть предполагает, что миров может сколь угодно много и доступ к ним можно осуществлять с разных устройств, подобно тому как сайтов в интернете может быть сколь угодно много и заходить на них

¹ Перевод наш. В оригинале: “A massively scaled and interoperable network of realtime rendered 3D virtual worlds that can be experienced synchronously and persistently by an effectively unlimited number of users with an individual sense of presence, and with continuity of data, such as identity, history, entitlements, objects, communications, and payments”.

мы сможем с любых смартфонов, ноутбуков, планшетов и т.д.¹ При этом миры «производятся в режиме реального времени» (realtime rendered), т.е. изменения в них не могут быть полностью запрограммированы заранее, они вносятся по ходу действия. Вместе с тем стоит отметить, что существует и широко используется возможность создания автономных виртуальных пространств/миров, серьезные изменения в которые можно вносить заранее (примеры — обновления компьютерных игр или технические работы на серверах игровых компаний).

«Неограниченное число пользователей» с «ощущением индивидуального присутствия» (effectively unlimited number of users with an individual sense of presence) предполагает, что внутри метавселенной одновременно может находиться и действовать, переживать одно и то же событие сколько угодно много людей. «Синхронно и стабильно» (synchronously and persistently) означает, что действия пользователей внутри виртуальных миров синхронизированы и что все последствия этих действий сохраняются. Синхронность является условием переживания общности с другими пользователями, стабильность — условием последовательности опыта восприятия виртуального мира. Однако, обращаясь к опыту компьютерных игр, в которых метавселенная и берет свое начало, можно заметить, что в реальности это вряд ли будет обязательным условием для ее функционирования. Мы еще вернемся к данной проблеме.

Наконец, преемственность данных (continuity of data) обеспечивается тем, что идентификация пользователя, его/ее аватара, контакты с другими пользователями, купленные, полученные или выигранные объекты и иные «цифровые следы» могут быть транслированы из одного виртуального мира в другой.

Следует также отметить единство метавселенной, как ее понимает Болл. Оно обеспечивается тем, что между виртуальными мирами, созданными разными разработчиками, можно будет свободно перемещаться. Для совокупности взаимосвязанных миров, созданных одним разработчиком, автор использует слово «метagalактика» (metagalaxy). Так, metaverse, которую, может быть, построит компания Meta, будет, в терминологии автора, лишь метagalактикой.

Болл специально оговаривает, что не включает в свое определение децентрализацию метавселенной: децентрализация интернета (уход из-под власти корпораций, расширение возможностей пользователей, управление на основе блокчейн) логически не зависит от концепции метавселенной.

¹ Это кажется очевидным для пользователей интернета, но в игровой индустрии все по-другому. Отдельные игровые миры могут быть доступны только для игровых приставок определенных компаний.

Однако Болл предполагает, что *реальное* развитие метавселенной вряд ли возможно без децентрализации, которая активизирует конкуренцию и, как следствие, повысит эффективность технологических разработок. Более того, автор утверждает: если метавселенная будет регулироваться несколькими крупными корпорациями, она может превратиться в нечто весьма неприятное и нежелательное.

Рассматривая содержание книги Болла, следует обсудить три группы проблем. Первая — это технические ограничения, связанные с развитием метавселенной, и варианты их преодоления. С ними связаны экономические (и, возможно, политические) изменения на рынке IT-компаний. Вторая — это концептуальные проблемы метавселенной. На каких философских основаниях строится определение метавселенной, предложенное автором? Действительно ли необходим такой сложный и амбициозный проект? Ответы на эти вопросы в значительной степени приходится искать между строк рецензируемой монографии. Наконец, есть группа вопросов, которые сам автор не ставит, но которые встают перед социальными учеными по мере становления метавселенной. К ним мы обратимся в конце нашего рассуждения.

Технические проблемы метавселенной

В отношении *технических ограничений* создание метавселенной (в том виде, как ее определяет Болл) сегодня выглядит практически невозможным. Однако автор утверждает, что метавселенная все-таки будет реализована. Почему? Потому что многие компании, полагая, что будущее новых технологий именно здесь, будут вкладывать усилия в данную область. Технические проблемы в создании метавселенной многочисленны и многообразны. Это и потребность в более быстрой скорости передачи электрического сигнала, и отсутствие единых стандартов для цифровых 3D-объектов, и неумение/нежелание крупных игроков на рынке высоких технологий координировать свои усилия, и многое другое.

Рассмотрим лишь один пример. По мнению автора, метавселенная предполагает действия и взаимодействия между пользователями в режиме реального времени, поэтому любая заметная задержка сигнала (latency) ведет к потере ощущения реальности происходящего и/или к рассинхронизации опыта пользователей и их «версий» метавселенной. Соответственно для создания метавселенной необходима высокая скорость передачи данных. Предельная скорость передачи электрического сигнала ограничена скоростью света. По оценкам, которые приводит Болл, для того чтобы у пользователей, скажем, из Нью-Йорка и Токио, взаимодействующих в метавселенной, не было проблем с восприятием происходя-

щего, время передачи сигнала должно не более чем на 20 % превышать время, которое прошел бы свет между этими городами по прямой. Однако в реальности время передачи сигнала превышает время, проходимое светом, более чем в пять раз. По современным оптоволоконным проводам сигнал идет со скоростью света, однако путь удлиняется: внутри самих проводов свет не всегда идет по прямой и кабель между городами проложен не по прямой. Кроме того, сигнал передается между различными сетями, что еще больше увеличивает задержку. И во всех этих аспектах проблемы, по-видимому, невозможны революционные прорывы — только частичные и постепенные улучшения¹.

Многочисленные технические проблемы, которые нужно решить, чтобы метавселенная стала возможной, связаны с усложнением задач по сбору, обработке и анализу данных. Усложнение, в свою очередь, определяется переходом от текстов и картинок к трехмерным объектам, от взаимодействия с помощью символов (слова, лайки, эмодзи) к взаимодействию моделей (аватаров) пользователей, в конечном счете — от передачи информации к симуляции новых миров. Неудивительно, что образцом и прародительницей метавселенной для Болла выступает игровая индустрия, а вовсе не социальные сети.

Но действительно ли нужно выполнить те условия, которые называет Болл, чтобы опыт пребывания в метавселенной был притягательным для пользователей? Представляется, что автор не учитывает один довольно прозрачный факт. В любой многопользовательской онлайн-игре (а именно они выступают для автора типичным примером организации метавселенной) первоочередным для каждого человека будет *собственное* подключение к интернету, его стабильность и скорость передачи данных. Основываясь на многолетнем опыте онлайн-взаимодействий, один из авторов настоящей рецензии с уверенностью заявляет: проблемы с подключением у *других* пользователей (в том числе в твоей команде или в команде противников, если дело касается соревновательных командных игр) не способны на корню испортить получаемый опыт, в отличие от *собственного* интернет-соединения.

И здесь мы логично переходим к вопросу: откуда в принципе берутся критерии метавселенной, которые формулирует автор?

¹ Проблему отчасти можно решить за счет группировки пользователей в виртуальных мирах по географической близости: в таком случае сигналу нужно пройти меньшее расстояние. Но и это не решает проблему полностью: передача сигнала от одной локальной сети к другой отвечает за значительную часть задержки сигнала.

Метавселенная как философская проблема

Обсуждая облик метавселенной, Болл несколько раз возвращается к знаменитому философскому вопросу: если дерево в лесу падает, но этого никто не слышит, существует ли шум от его падения? Вопрос этот имеет отношение к метавселенной, поскольку она существует в двух формах: как набор данных и алгоритмов и как некоторая реальность, воспринимаемая пользователями с помощью компьютерных устройств. (Можно даже сказать, что виртуальная форма существования метавселенной — это набор данных и алгоритмов, а реальная форма ее существования — это виртуальная реальность). Если существуют данные и алгоритмы, но пользователи их не воспринимают (или воспринимают совсем по-разному, или их восприятия не обладают устойчивостью, убедительностью и последовательностью), то и метавселенная, согласно позиции автора, не существует. Иными словами, метавселенная по своим свойствам должна симулировать реальный мир, точнее, восприятие реального мира, причем не одним человеком, а множеством взаимодействующих людей. Критерии метавселенной, которые приводит в своем определении автор, раскрывают именно этот тезис.

Итак, реальность метавселенной — это реальность, создаваемая человеческим восприятием, а «материал» для него предоставляет компьютер. Идея метавселенной родственна концепциям виртуальной реальности (VR) и дополненной реальности (AR), однако отличается от них в двух важных аспектах. Во-первых, метавселенная предполагает возможность перехода между разными виртуальными мирами и «дополнениями» реального мира, так что идентичность пользователя, его контакты, цифровые объекты и т.д. сохраняются, меняя форму в зависимости от особенностей конкретного мира. Во-вторых, для метавселенной принципиально, чтобы ее «жители» могли воспринимать ее миры так, как мы воспринимаем окружающий нас мир: имея возможность совместно действовать и общаться. Таким образом, философия метавселенной — это своего рода интерсубъективный идеализм.

И здесь возникает целый ряд вопросов. В каких аспектах симулированный мир должен походить на реальный, чтобы восприниматься как реальность взаимодействующими в нем людьми? Будут ли критерии одинаковыми для разных людей, обществ, культур?¹ Какую роль будет играть воображение пользователей? Не возникнет ли эффект «зловещей

¹ Возможно, что metaverse будет иметь столь же жесткие социальные, культурные и региональные границы, что и universe, из-за социальных и культурных различий в восприятии, равно как из-за различий в национальном регулировании. (О последнем аспекте Болл пишет в своей книге.) Вместе с тем насколько важны национальные границы в мире компьютерных игр?

долины»¹, если симулированный мир будет походить на реальный во многом, но не во всем? В связи с этим реалистичность и полнота метавселенной, которую предполагают критерии, заложенные в авторском определении, выглядят в некоторых аспектах избыточными: человеческое воображение способно «доставлять» реальность, так что даже очень простые виртуальные миры могут вызывать эффект полного погружения и порождать разделяемый опыт².

Кроме того, концепция Болла предполагает, что окружающий нас мир будет включен в метавселенную и станет в некотором смысле рядоположен другим ее мирам. Скажем, я покупаю кроссовки определенного бренда в реальном магазине и автоматически получаю их цифровую копию, которую мой аватар может «носить» в различных мирах метавселенной, Или наоборот: я покупаю цифровые кроссовки и получаю «аналоговые» (или скидку на них). Более того, костюмы виртуальной реальности позволяют не только видеть, но и ощущать: я смогу «надеть» эти кроссовки и ходить в них по красочным лугам виртуальных миров, над которыми никогда не заходит цифровое солнце. Другой пример: я иду на занятие в свой университет, провожу занятие в аудитории, затем в очках дополненной реальности веду занятие в той же аудитории, но так, что в нем могут участвовать студенты, которых в университете нет физически, а затем подключаюсь к конференции, которую проводит другой университет в собственном виртуальном мире.

С утверждением о том, что реальный мир будет одним из миров в метавселенной, можно поспорить. Контртезисом к нему будет то, что метавселенная получит особый статус в человеческом восприятии, подобно тому как современный интернет представляет особый набор «мест», которые нельзя «спутать» с реальным миром. Однако и здесь можно выдвинуть возражение: что если миры метавселенной будут настолько хорошо имитировать реальность, что отличия копий от оригинала станут несущественны?³

¹ Проблема «зловещей долины» (uncanny valley) состоит в том, что люди положительно относятся и готовы взаимодействовать с теми агентами, которые либо очень на них похожи, либо похожи до определенной степени. Если сходство значительное, но неполное, то агент вызывает отвращение и неприязнь. В качестве примера можно привести зомби и некоторых человекоподобных роботов.

² Это знают те, кто играет в старые компьютерные игры или смотрит старые мультфильмы. Впрочем, и пребывание в виртуальных мирах сегодня, несмотря на их несовершенство, является увлекательным и вполне допускает совместный опыт.

³ Здесь просто-таки напрашивается философский анализ с опорой на идеи Альфреда Шюца. Мы надеемся, что зарождающаяся метавселенная найдет своих исследователей/критиков из лагеря феноменологов.

Круг вопросов, которые ставит идея метавселенной перед философами, разумеется, не ограничивается теми, что были представлены выше. Но, поскольку объем рецензии ограничен, следует заметить, что та безупречная симуляция реальности, которую предполагает Болл, весьма и весьма далека от воплощения. И возможно, несмотря на весь оптимизм автора, она никогда не будет достигнута. Но некоторые черты метавселенной воплощаются уже сейчас, что ставит новые проблемы уже перед социальной аналитикой. Далее мы остановимся на трех таких проблемах.

Проблемы метавселенной в зеркале социальной аналитики

Один из вопросов, который представляет интерес в связи с развитием метавселенной, — это вопрос о сохранении идентичности пользователя. Точнее, вопроса здесь два: насколько необходимо/желательно, чтобы идентичность сохранялась? И как обеспечить ее сохранение? И если вторая проблема требует технических решений в сочетании с художественной (и, возможно, социальной) изобретательностью, то первая требует усилий со стороны социальной аналитики.

В специальной литературе высказываются суждения о том, что если на первом этапе развития интернета возможность быть (представляться) кем угодно воспринималась как преимущество, то сегодня мы наблюдаем скорее обратную тенденцию: наши онлайн- и офлайн-идентичности тесно связаны между собой. Лучшим примером здесь будет использование социальных сетей. Болл также придерживается данной позиции и рассматривает сохранение идентичности как необходимое свойство метавселенной.

Идентичность пользователя в конкретном виртуальном мире часто обозначается словом «аватар». В индуизме, где оно и появилось, аватар обозначает воплощение (явление) божества в материальном мире. В отношении виртуальных миров смысл его претерпел любопытное изменение: уже не индуистское божество нисходит в материальный мир, но человек из реального мира «нисходит» в мир виртуальный и «является» там в некотором образе. Требование сохранения идентичности означает, что все аватары одного пользователя связаны между собой и с личностью этого пользователя в реальном мире — и больше ни с кем¹.

Соответственно и требование жесткой привязки аватаров к конкретному человеку, и сама этимология слова относят нас к тому, что известно

¹ Также нужно выделить требование, чтобы аватары были похожи на свой «прототип», хотя бы в отношении таких категорий, как пол, возраст и расовая принадлежность, которое выдвигается борцами за социальную справедливость.

социальным ученым еще со времен Ирвинга Гоффмана: Self индивида, его/ее социальное Я является в современном обществе сакральным объектом. И запрет на смену идентичности в метавселенной, который, по-видимому, поддерживает Болл, указывает, что онлайн-среда становится все в большей мере интегрирована в нашу повседневную жизнь. В начале развития интернета он воспринимался как пространство экспериментов, оторванное от реальной жизни, но сегодня онлайн- и офлайн-взаимодействия переплетены так сильно, что безболезненно отделить их друг от друга часто не представляется возможным. Отсюда возникает стремление оградить себя от посягательства на Self: обеспечить возможность представляться в глазах других тем, кем ты себя считаешь, и не дать им себя обмануть, выдав за кого-то, кем они не являются. Кроме того, как было неоднократно замечено, в условиях позднего капитализма, наше Я — это наш самый ценный капитал. Вместе с тем в условиях того же позднего капитализма не исчезает ни культурный императив уникальности (аутентичности), ни стремление приукрасить некоторые характеристики своего Я. Последнее, однако, ведет к стремлению представить в метавселенной новые или «улучшенные» аватары. Из всего этого, по-видимому, следует, что борьба за свою и чужую идентичность, которая активно идет и онлайн, и офлайн, будет продолжаться в метавселенной с новой силой и с новым размахом.

Вместе с тем позиция, от которой отталкивается Болл, уязвима для критики. Действительно, значительная часть наших социальных взаимодействий онлайн сохраняет нашу «реальную» идентичность. Однако продолжают существовать онлайн-пространства, где мы выстраиваем собственный аватар без привязки к нашей жизни офлайн, в частности те же компьютерные игры. Почему Болл полагает, что метавселенная будет здесь похожа на социальную сеть, а не на компьютерную игру, хотя в других аргументах он ссылается именно на опыт компьютерных игр? Сегодняшний интернет очень разнообразен, и однозначный выбор в пользу одного или другого направления развития метавселенной выглядит произвольным. Мы не знаем, на что будет похожа метавселенная — мы можем только спорить об этом.

Вопрос о характере Self приводит нас к вопросу о социальных связях, которыми Self конституируется. Чем будет метавселенная — общностью или обществом, глобальной деревней или конгломерацией виртуальных городов? Образы киберпанка, из которых вырастает идея метавселенной, часто представляют нам огромные города с мимолетными контактами и одиночеством, поиском новых впечатлений и бытовой неустроенностью. Будут ли связи в метавселенной похожи на эти образы? Верно ли, что

метавселенная — это логика развития города, доведенная до предела, где вместо разных пространств и ситуаций будут существовать разные виртуальные миры с собственными жителями, собственной валютой, собственными правилами и нормами взаимодействия? Или, напротив, виртуальные миры будут создаваться сообществами энтузиастов-единомышленников, предоставляя возможность этим сообществам развиваться и процветать? Стоит ли ждать виртуальных войн в виртуальных мирах? А может быть, логика развития метавселенной пойдет по пути дополненной реальности, и, наряду с людьми из плоти и крови, мы будем взаимодействовать с аватарами наших знакомых и воображаемыми друзьями? По-видимому, метавселенная предоставляет все эти возможности, а куда пойдет реальное ее развитие — эмпирический вопрос.

Наконец, можно поставить более широкий вопрос: решит ли «метаверсум» проблемы «универсума»? В самом деле, стоит ли строить метавселенную, если она не поможет в решении проблем, стоящих перед человеком и человечеством и, возможно, создаст новые проблемы? Если исходить из содержания рецензируемой книги, то создание метавселенной принесет пользу двум категориям — IT-компаниям, которые выиграют в конкурентной борьбе, и пользователям, чей опыт пребывания в виртуальных мирах станет более увлекательным и захватывающим. Однако не все так просто: примерно те же преимущества озвучиваются в аргументах в пользу развития почти любых новых технологий, будь то железные дороги или телевидение, интернет или искусственный интеллект (ИИ). В некоторых книгах писателей-фантастов, таких как «Лавина» Н. Стивенсона и «Первому игроку приготовиться» Э. Клайна, изображается, к чему может привести подобное отрешение от «серой» реальности в пользу более красочных и перспективных виртуальных миров. Проще говоря, мы даже по собственному опыту знаем, что новые технологии, получив широкое распространение, решают одни проблемы и создают другие. Какие проблемы решит и какие создаст метавселенная?

Если метавселенная — это новый интернет, то отличия нового интернета от старого состоит в еще большей степени погружения, в еще большей способности переплетаться с повседневной жизнью, менять повседневные практики. В связи с этим можно предположить, что, как и «старый» интернет, метавселенная даст новое дыхание капитализму, но при этом усугубит проблемы, которые связаны с развитием Всемирной паутины: возникновение «сетевых пузырей», войны за идентичность, социальная изоляция и поляризация, цифровой разрыв (*digital divide*), утрата способности концентрироваться на чем-то или на ком-то всецело. Вместе с тем преимущества «старого» интернета, прежде всего рост многообразных возмож-

ностей участия в производстве и потреблении, в установлении и поддержании социальных связей, будет характерен и для метавселенной.

Более того, развитие онлайн-среды сегодня в значительной степени зависит от развития технологий ИИ и других онлайн-алгоритмов. Поэтому проблемы интернета — это проблемы *искусственной социальности*, которая характеризуется включением агентов ИИ в социальные взаимодействия в качестве их активных посредников и участников. Очевидно, что в развитии и поддержании метавселенной алгоритмы ИИ также будут играть значительную роль. На этом основании мы выдвигаем гипотезу, что *развитие метавселенной будет развивать достижения и усугублять проблемы искусственной социальности*¹.

В заключение отметим, что в развитии метавселенной имеет место любопытная параллель с разработками искусственного интеллекта. Проект ИИ начинался как попытка воспроизвести человеческий разум, но затем пошел по пути имитации отдельных способностей людей. И сегодня узкие задачи разные агенты ИИ решают лучше людей, тогда как от создания машинного интеллекта, подобного человеческому разуму, мы все так же далеки. Амбиции изначального проекта ставили и продолжают ставить вопросы перед философами. Динамика развития реальных технологий ИИ ставит все больше вопросов перед социальными аналитиками. Может быть, и развитие метавселенной пойдет по этому пути: от попыток симулировать реальность «как она есть» до имитации отдельных аспектов действия и взаимодействия, отдельных ситуаций, отдельных свойств реального мира.

Здесь, однако, нужно заметить, что проект метавселенной изначально вдохновлялся не наукой, а научной фантастикой. О чем это говорит? Может быть, о том, что воображение как ведущая способность человека в XXI веке выйдет на первый план, потеснив разум?

Возвращаясь к рецензируемой книге, мы можем смело порекомендовать ее к прочтению тем, кто интересуется развитием экономики, социальных отношений и современного общества в ближайшие десятилетия. Для введения в проблематику метавселенной достаточно первой части книги. Тем, кому интересны экономические, правовые, этические и социальные последствия развития метавселенной, будет интересна третья часть. Ценителям и любителям технических деталей — вторая. Сквозной сюжет с виртуальным деревом, падающим в виртуальном лесу, быть может, придется по сердцу философам. Экономистам и экономическим

¹ Об аргументах «за» и «против» искусственной социальности см.: (Резаев, Стариков, Трегубова 2020).

социологам лучше читать все, равно как и тем, кто ищет новых исследовательских проблем независимо от своей дисциплинарной принадлежности.

Литература

Резаев А.В., Стариков В.С., Трегубова Н.Д. (2020) Социология в эпоху «искусственной социальности»: поиск новых оснований. *Социологические исследования*, 2: 3–12.

Ball M. (2022) *The Metaverse and how it will revolutionize everything*. New York: Liveright.

DiNucci D. (1999) Fragmented Future. *Print Magazine*, 53(4): 221–222.

Zyda M. (2022) Let's Rename Everything “the Metaverse!” *Computer*, March: 124–129.

METVERSE BETWEEN ARTIFICIAL SOCIALITY AND ARTIFICIAL REALITY.

Book Review: Ball M. (2022) *The Metaverse and how it will revolutionize everything*. New York: Liveright. — 352 p.

Natalia D. Tregubova (n.tregubova@spbu.ru)

Alexander M. Stepanov (a.m.stepanov@spbu.ru)

Gleb V. Popov (pogleb.work@yandex.ru)

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Citation: Tregubova N.D., Stepanov A.M., Popov G.V. (2025) Metaverse between artificial sociality and artificial reality. Book review: Ball M. (2022) *The Metaverse and how it will revolutionize everything*. New York: Liveright. – 352 p. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The journal of sociology and social anthropology], 28(4): 257–271 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.11> EDN: TKDPWQ

References

Ball M. (2022) *The Metaverse and how it will revolutionize everything*. New York: Liveright.

DiNucci D. (1999) Fragmented Future. *Print Magazine*, 53(4): 221–222.

Rezaev A.V., Starikov V.S., Tregubova N.D. (2020) Sociology in the age of ‘artificial sociality’: search of the new bases. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 2: 3–12 (in Russian).

Zyda M. (2022) Let's Rename Everything “the Metaverse!” *Computer*, March: 124–129.

**Рецензия на книгу: Тощенко Ж.Т. (2025)
Судьбы общественного договора в России: эволюция идей
и уроки реализации. М.: ФНИСЦ РАН. — 844 с.**

Юрий Григорьевич Волков (ugvolkov@sfedu.ru)

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Цитирование: Волков Ю.Г. (2025) Рецензия на книгу: Тощенко Ж.Т. (2025) Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации. М.: ФНИСЦ РАН. — 844 с. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(4): 272–281. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.12> EDN: TMTWVF

В нашей стремительно меняющейся реальности остро выросла потребность в кардинальном осмыслении происходящих изменений, в выработке новых концепций, взглядов по объяснению вновь возникающих процессов и явлений.

Один из показательных примеров продуктивного использования открывшейся возможности — издание монографического труда Ж.Т. Тощенко. В нем он ставит и решает ряд важнейших научно-исследовательских задач: осмыслить теоретическое наследие по проблеме общественного договора (далее ОД), проанализировать эволюцию идеи ОД в XX–XXI вв., описать ее трансформации в теории и практике СССР и РФ, систематизировать уроки реализации ОД на разных этапах развития советского/российского общества. Эти задачи решаются в 16 главах, в рамках которых рассматриваются более сотни конкретных проблем. Рефлексия по поводу авторских теоретико-методологических суждений и идей стала поводом для написания данной рецензии.

Труд Ж.Т. Тощенко — это творческий проект автора, аналогов которого в современной отечественной теоретической мысли пока нет. Что касается зарубежной литературы, то долгое время эта тема полностью отсутствовала, хотя за последнее время появились публикации, но они в большинстве случаев посвящены отдельным аспектам ОД.

Книга Тощенко сформирована в дискуссии с классическим наследием и основными течениями современного обществоведения. В итоге дискуссии возникла глубинная переработка базовых теоретических и методологических идей предшественников по проблеме ОД и их реорганизация в уникальном авторском формате. Данный формат является подлинно междисциплинарным, хотя его доминантной референцией остается социальный мир, который не помещается в устоявшиеся и институциональ-

но фиксированные рамки отдельных дисциплин — социологии, политологии, экономики, исторической науки, политической философии.

Одно из главных достоинств монографии: она *на деле* способствует *преодолению фрагментации социального знания*, которая давно стала одной из помех его развития и препятствием на пути познания наиболее сложных и важных проблем современного мира.

Помимо этого, в книге предлагается концептуальная и методологическая *систематизация* знания по проблеме ОД, разработаны основные темы, выявлены функциональные и логические связи между ними. При этом Тощенко преодолевает обычную для российских работ такого рода методологическую эклектику, его анализ ОД строится на прочном фундаменте лично им разработанных концепций и в первую очередь социологии жизни (Тощенко 2025). Поэтому по его книге можно изучать связь фундаментальной социологии с прикладными социологическими исследованиями и ее стыки с другими дисциплинами. Последнее имеет первостепенное значение для формирования междисциплинарного характера теории ОД. Дано структурно-функциональное *упорядочение* основных проблем данной теории, создан фундамент для постановки множества практических задач, особенно в сфере экономики и политики.

Книга наглядно демонстрирует эвристическое значение социального знания для познания конкретных явлений и процессов современной жизни (в первую очередь в России). В разработанной автором концепции теория ОД не является разновидностью юридической эзотерики или отроscopic истории правовой и политической мысли (хотя имеется и высокая оценка юристами этого труда) (Рагимов, Джафаров, Аликуперов 2025: 72–91). В результате эта концепция превращается в действенный ресурс познания актуальных проблем мира и России как его части. Это само по себе серьезное теоретическое достижение.

В книге Тощенко обсуждение проблемы ОД ведется на уровне современной теории, без обхода острых углов, без часто практикуемого дидактического приема сокрытия концептуальных трудностей и подстановки банальностей и трюизмов на место головоломок, которые в действительности только и движут развитие науки.

Достоинства книги можно систематизировать по трем разделам, 16 главам и более сотне проблем. Главную из них автор представляет так: «...исследования в 1990–2020-х годах позволили сформулировать парадоксальный вывод: “Народ всегда прав, даже если он не прав”. Это не каламбур. События на финише советской власти и в современной России настойчиво и убедительно показывают, что история развивается именно согласно тому, что хочет и к чему стремится народ, хотя многие действия

государственных органов и советской, и российской власти далеко не всегда следовали желаниям и устремлениям народа, из-за чего приходилось расплачиваться сомнениями, недоверием и даже отказом сотрудничать с официальной властью» (Тощенко 2025: 12).

В соответствии с этой установкой автор показывает, что уже в середине 1990-х годов обнаружился глубокий разрыв между обещаниями команды Б.Н. Ельцина и реальностью. На этом основании Тощенко ставит задачу систематически описать проявления такого разрыва на всех этапах генезиса и существования СССР и современной России. Я думаю, эта задача выполнена мастерски и образует самую сильную сторону книги. Первый раздел (главы 1–2) посвящен обсуждению теоретических основ ОД. Во втором разделе (главы 3–12) обсуждаются этапы реализации ОД в СССР/России. В третьем разделе (главы 13–16) описано участие основных социальных общностей и групп в функционировании ОД. Монография завершается выводами автора о множестве обещаний, просчетов и ошибок политического руководства страны на каждом из этапов существования СССР и современной России, а также по отношению к социальным группам педагогической, инженерно-технической, научной и художественной интеллигенции. В результате возник массивный компендиум фундаментального знания, который, на мой взгляд, образует основательное введение во все будущие историографии и энциклопедии СССР/России.

По моему мнению, подход к изучению всего круга поставленных проблем с точки зрения ОД содержит несколько эвристических возможностей:

- дает знание о глубинном сознании народа, от которого зависит мера успеха политики правящего класса и государства;
- позволяет описать реакции государства на потребности и интересы народа и вытекающие отсюда направления государственной политики;
- способствует установлению баланса интересов народа и государства;
- вводит в предмет исследования множество кризисов в отношениях между государством и народом, а также опыт (не)решения возникающих проблем.

Иначе говоря, благодаря данному труду категория исторического опыта СССР/России нагружается богатой и разнообразной социально-политической конкретикой. Поэтому я согласен с автором: все имеющиеся исследования СССР/России слабо или совсем не учитывают, «что творилось в сердцах и душах людей» (Тощенко 2025: 14). В соответствии с этим выводом когнитивная стратегия профессора Тощенко включает перспективные оценки ОД, описание состояния и противоречий развития ОД с точки зрения его основных субъектов, анализ участия в ОД социальных групп педагогов, инженерно-технической интеллигенции, ученых и пред-

ставителей художественного мира. Все это подчинено одному методологическому приему — рассмотреть развитие страны «снизу», с точки зрения и мироощущения этих социальных общностей.

Я поддерживаю эту инициативу. И обращаю внимание коллег на ее глубокую укорененность в истории социально-политической рефлексии по поводу ОД. Во введении к первой главе «Эволюция идей об общественном договоре» автор отмечает, что основанием представлений об ОД стало понимание всех форм государства как результата стихийного возникновения и функционирования различных социальных образований. Его основу составила концепция *естественного права*, означающая совокупность неотъемлемых принципов и прав, вытекающих из природы человека и независимых социальных условий, а также *божественного права*, которое появилось по мере генезиса и формирования протогосударств и было характерно только для классовых обществ с монархической формой правления (Волков 2025).

Из важных теоретических и методологических разработок автора хотелось бы отметить его трактовку ОД с позиций социологического измерения состояния и функционирования. Во второй главе дается описание критериев ОД, которые можно использовать при его изучении: определение цели как смысла ОД, средств ее достижения (обеспечение занятости и благополучия людей), методов реализации (доверие, согласие, солидарность, поддержка и участие в достижении целей). Особое внимание уделяется обратной связи, которая автором выражена в яркой формулировке: государство (политическая власть) должна не только слушать, но и слышать народ (Тощенко 2025: 71–89).

На мой взгляд, особое значение приобретает и аргументация автора, согласно которой общественный договор содержит в себе не только открытые формы взаимодействия, но и латентные характеристики отношения народа или его социальных общностей и групп, которые в потенции могут быть серьезным препятствием для установления согласованных совместных действий по решению взаимно заинтересованных задач.

Интересная проблематика открывается в историческом разделе книги (главы 3–12). Они образуют широкое поле дискуссии по множеству современных проблем, от решения которых зависит сегодняшний и завтрашний день России и ее положение в мире.

В этих главах описаны основные этапы реализации ОД в России/СССР: революция 1917 г.; Гражданская война; 1920-е годы; 1930-е годы; Великая Отечественная война; вторая половина 1940-х — начало 1950-х годов; середина 1950-х — начало 1960-х годов; середина 1960-х — первая половина 1980-х годов; перестройка; 1990–2020-е годы. По мнению

автора, для указанных периодов характерны различные формы воплощения ОД, которые он связывает с типичной схемой историографии СССР/России в XX — начале XXI в., а также с социологическими характеристиками общества на каждом из этапов. Каждый из этапов предваряется авторским введением, характеризуется множеством проблем (включая издержки, просчеты, ошибки при их решении) и завершается заключением¹.

Возникает широкий диапазон тем для обсуждения, отправные точки которого сформулированы автором. Благодаря разнообразию тематики книга способствует объединению специалистов-гуманитариев по разным периодам, стратам, проблемам, дисциплинам. Все главы нетрудно преобразовать в повестку дня множества публичных дискуссий в соответствии с критериями публичности, сформулированными Ю. Хабермасом (Хабермас 2016). Об этом уместно напомнить, так как до сих пор в СССР/России повестка дня публичных дискуссий формулируется вершиной политической бюрократии, а не учеными-обществоведами, о чем автор пишет в социологическом разделе книги.

В этом разделе автор разрабатывает социограмму отношений между основными группами интеллигенции — педагогической, инженерно-технической, научной и художественной. Критерием становятся процессы участия указанных групп в становлении и реализации ОД на различных этапах существования СССР/России. Эвристический потенциал авторской концепции можно проиллюстрировать на основе 15-й главы. В ней обсуждается профессиональная позиция научной интеллигенции как базы и основы взаимоотношений с государством (Тощенко 2025: 729–772). Глава, посвященная научной интеллигенции, полна размышлений о сложном и неоднозначном пути установления доверия и согласия между ней и политической властью. На материалах статистики и конкретных исследований показано, как шел процесс, который стал в советское время одним из фундаментальных основ развития страны, а в настоящее время находится в стадии поиска того согласия, которое существовало ранее.

¹ Например, седьмая глава под названием «Все для фронта, все для победы!» — основной смысл общественного договора в Великой Отечественной войне» включает параграфы: введение, основной смысл общественного договора в 1941–1945 гг., мобилизация основных сил общественного договора, Красная армия, партизаны, тыл, роль коммунистов и комсомольцев, духовно-нравственные основы общественного договора, наше дело правое — идейная основа общественного договора, коллаборационизм в годы войны: лики предательства, фальсификация идей общественного договора о патриотическом единодушии народа и власти, заключение, список литературы (Тощенко 2025: 326–390).

В условиях постсоветской России наука подверглась новым испытаниям. Перед ней встала задача выживания в условиях сокращения ресурсов. Позиция власти в отношении науки выразилась в следующих действиях: вместо обсуждения стратегических целей развития науки в новых социально-экономических условиях вместе с учеными власть пыталась решать организационные вопросы использования науки без участия ученых. Всесоюзная академия наук была ликвидирована. Российская академия наук создавалась в противовес всесоюзной академии. Одновременно культивировалось игнорирование деятельности многих научных организаций, особенно Академии наук¹. Уменьшение числа институтов и научных работников осуществлялось по требованию официальной политики неолиберальных реформаторов, которые пренебрегали отечественными учеными и их концепциями. Провозглашение университетов базой и основной науки игнорировало многовековой опыт производства научного знания в России². Новые руководители сферы науки и образования инициировали перестройку и ломку сложившейся структуры образования и науки³. В результате координация и эффективность фронта научных

¹ Был закрыт Государственный комитет по науке и технике, который курировал промежуточный этап взаимодействия фундаментальной науки и практики — этап внедрения. Существовавшие отраслевые НИИ, которые в большинстве своем были подчинены соответствующим министерствам и ведомствам, оказались практически ликвидированы под предлогом превращения их в акционерные общества. Акционированные научные институты еще 3–7 лет по инерции продолжали работы, включая научные разработки, но в это время государственное финансирование упало до нуля. Институты судорожно искали частные заказы, и, опять-таки по инерции прошлых лет, некоторое время такие заказы находились и исполнялись. Специалисты в возрасте постепенно уходили, а молодое поколение не пополняло ряды научных коллективов. В результате, например, из 45 НИИ при Министерстве станкостроительной промышленности осталось только шесть, и то они занимались обслуживанием отверточного производства. Только за 1990-е годы 20 % институтов подверглись реструктуризации. В результате было сокращено почти 150 юридических лиц.

² В силу специфики возникновения научных организаций в стране исторически раньше всех появилась Академия наук, и лишь десятилетия спустя стал осуществлять свою деятельность первый университет в России — Московский университет. Фактически в России сложилась две сферы производства научного знания — академическая и вузовская. Причем последняя по потенциалу всегда уступала первой. В советское время сложилась еще одна ветвь — отраслевые научно-исследовательские институты при министерствах и ведомствах, главной задачей которых было не только производство собственной научной информации, но и превращение фундаментального знания в прикладное.

³ Была предпринята беспрецедентная по масштабу компания по дискредитации Российской академии наук и даже попытка ее ликвидации, по выводу из ее

исследований серьезно ослабли¹. Передача науки в университеты сопровождалась ростом педагогической нагрузки, бюрократизацией и превращением занятий наукой в «публикационный оброк».

Такая научная политика превратила российских ученых и педагогов в разновидность прекариата. В основу реформы отечественной науки были положены следующие подходы: перестройка системы организации науки по зарубежным стандартам, использование зарубежных показателей для оценки эффективности и результативности науки, дезинтеграция прежней системы управления, институциональное копирование западных моделей организации науки.

Профессор Тощенко приводит обширный материал для доказательства общего вывода: результаты реформы науки оказались провальными и нанесли вред отечественной науке. У реформаторов не было позитивного плана преобразований. Корпус ученых-академиков отстранен от принятия управленческих решений в отношении организации работы институтов, включая вопросы проведения научных исследований, подготовки и продвижения научных кадров, коммуникации ученых, публикации результатов, сохранения и развития материальной базы исследований. Новые управленцы не понимают роль и значение фундаментальных исследований для ускоренного научного, технологического и социального развития страны в современных геополитических условиях.

Таким образом, участие науки в общественном договоре до сих пор не определено. С одной стороны, звучит официальная риторика признания роли и значения для решения актуальных (прежде всего технологических и информационных) проблем. С другой стороны, наука стала нищенкой вместе с полным устранением ученых от участия в разработке и внедрении перспективных и текущих проектов и планов.

В заключение главы автор дает обзор книжного рынка по проблеме становления, развития и функционирования науки. Все множество лите-

состава ряда важнейших институтов, задававших тон научной работе в стране (Курчатовский институт и ряд других научных учреждений), создание подобия слепка с американской Кремневой долины в виде так называемого Сколково (которое бывший президент Сибирского отделения РАН М. Агеев назвал мраморной телефонной трубкой в руках старика Хоттабыча). Показательно в этом отношении и признание А. Чубайса (!): «У нас есть набор особенностей, которые означают, что мы вряд ли построим Силиконовую долину» (Версия, 2018. № 45).

¹ В результате Россия все больше уступает первенство во многих отраслях науки и техники и, как следствие, в производстве научного знания. И в то же время такие претенциозные новообразования, как Роснано, назначенные заменить институты Академии наук, просуществовав более десяти лет, завершили свой путь убытками почти в 100 млрд руб.

ратуры по теме науки он предлагает разделить на следующие блоки: анализ процессов создания научных центров, институтов, лабораторий и других форм ее организации; изучение процессов появления и существования теоретических концепций; описание и интерпретация проблем и решений в области научной политики в отдельных странах; повествования о жизненном и научно-исследовательском пути выдающихся деятелей науки, путей и методов их поиска истины; история и национальные (региональные) аспекты решения конкретных научных проблем. «И практически нет работ, — констатирует коллега, — которые были посвящены анализу мировоззрения ученых, его влиянию (прямому или косвенному) на общественную и государственную жизнь, т.е. того, без чего трудно оценить участие научного сообщества в жизни того социума, в котором они живут и творят» (Тощенко 2025: 770). Без личностного, группового и общественного отношения науки к политической, экономической, культурной среде невозможно представить процесс творчества, отношение к поискам нового. Особенно важно реальное участие в созидательной общественно-значимой деятельности, что в конечном счете выражается в степени включенности в функционирование общественного договора.

В советское время именно понимание роли и значения науки для решения текущих и перспективных задач стало одной из основ победы социалистического преобразования страны, создания мощного государства, занявшего многие лидирующие позиции в мире. В постсоветской России наука находится в состоянии неопределенности судьбы своих подразделений и реального участия в жизни общества и государства.

* * *

Рецензия стала результатом осмысления монографии «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации». Я попытался описать лишь несколько из множества возможных направлений развития идей, содержащихся в этой книге. Авторский метод заключается в том, чтобы будить и стимулировать самостоятельную мысль читателя, обнажая перед ним острые проблемы социального познания и давая ему «подсказки» (из уже накопленного опыта развития обществоведения), а не снабжать его «истинами в последней инстанции» или «информацией». В этом я вижу большой плюс книги — на ее основе можно прочитать курс или спецкурс в вузе, а также серию публичных лекций для населения или особых групп слушателей, имеющих практическое отношение к решению множества проблем, поставленных в книге. Автор внес весомый вклад в развитие отечественного социально-политического знания и практику его преподавания в вузах России. Его книга открывает перспективу соз-

дания исследовательской программы изучения влияния всех параметров естественного и божественного права на субстанциалистские, номиналистские, трансцендентальные, процессуальные и реляционные понимания общественного договора в русской и зарубежной философско-политической мысли и практике.

Но реализация этой программы наталкивается на нерешенность множества практических проблем выживания и продуктивного существования отечественной науки. Речь идет о влиянии этой ситуации на решение сотни проблем, образующих теоретико-методологическую, историческую и социологическую часть капитального труда выдающегося ученого. Если вспомнить образ Курта Воннегута, где бы найти того парня из Техаса, который вскочит на этого коня и помчится сразу во всех направлениях?

Литература / References

Волков Ю.Г. (2025) Философские и социологические основы возникновения и функционирования общественного договора. *Социологические исследования*, 7: 13–22.

Volkov Yu.G. (2025) Philosophical and sociological foundations of the emergence and functioning of the social contract. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 7: 13–22 (in Russian).

Рагимов И.М., Джафаров А.М., Аликперов Х.Д. (2025) Общественный договор и законные ожидания граждан (размышления над новой монографией профессора Ж.Т. Тощенко). *Государство и право*, 4: 72–91.

Ragimov I.M., Dzhafarov A.M., Alikperov K.H.D. (2025) The Social Contract and the Legitimate Expectations of Citizens (Reflections on Professor Zh.T. Toshchenko's new monograph). *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 4: 72–91 (in Russian).

Тощенко Ж.Т. (2025) Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации. М.: ФНИСЦ РАН.

Toshchenko Zh.T. (2025) *The Fate of the Social Contract in Russia: Evolution of Ideas and Lessons from Implementation*. Moscow: FCTAS RAN (in Russian).

Тощенко Ж.Т. (2016) Социология жизни. М.: Юнити-Дана.

Toshchenko Zh.T. (2016) *The Sociology of Life*. Moscow: Yuniti-Dana (in Russian).

Хабермас Ю. (2016) Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир.

Habermas J. (2016) *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Moscow: Ves' mir (in Russian).

Book Review: Toshchenko Zh.T. (2025) The Fate of the Social Contract in Russia: Evolution of Ideas and Lessons from Implementation. Moscow: FCTAS RAN. — 844 p.

Yuriy Volkov (ugvolkov@sfedu.ru)

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Citation: Volkov Y. (2025) Book Review: Toshchenko Zh.T. (2025) The Fate of the Social Contract in Russia: Evolution of Ideas and Lessons from Implementation. Moscow: FCTAS RAN. — 844 p. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(4): 272–281 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.12> EDN: TMTWV

Ж
У
Р
Н
А
Л

С
О
Ц
И
О
Л
О
Г
И
И

С
О
Ц
И
А
Л
Ь
Н
О
Й

А
Н
Т
Р
О
П
О
Л
О
Г
И
И

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Публикуются рукописи, как правило, нигде ранее не публиковавшиеся. Журнал принимает рукописи на русском или английском языках.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

Объем статей — не более 80 000 знаков (с пробелами).

Обзоры научных конференций и семинаров — не более 10 000 знаков (с пробелами).

Все остальные материалы — не более 40 000 знаков (с пробелами).

Каждая рукопись статьи должна быть снабжена **информацией об авторах на русском и английском языках**, включающей фамилию, имя и отчество, место учебы/работы, ученые степень и звание, адрес и телефон, адрес электронной почты, **ключевыми словами** (5–8 слов) и подробной **аннотацией на русском и английском языках** объемом 200–250 слов. Вся информация на английском языке помещается в конце статьи в отдельный **англоязычный блок**. Статьи принимаются в электронном виде, набор текста осуществляется в программе Word, используется шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12. Статьи следует направлять по адресу: jssa@list.ru

Ссылки на источники даются по тексту в круглых скобках (фамилия автора, пробел, год, двоеточие, страница), а также в виде списка литературы в конце рукописи статьи в алфавитном порядке, начиная с источников на кириллице.

Если в статье есть источники на кириллице, то авторы предоставляют два списка источников: основной (**Литература**) и дополнительный (транслитерированный) (**References**).

Источники, не являющиеся научными (нормативные правовые акты, официальные статистические данные, материалы СМИ и т.п.), даются отдельным списком после основного списка литературы под заголовком **Источники** и в дополнительный список литературы (**References**) не включаются.

Web-страница журнала:

<http://www.jourssa.ru>

Адрес: Издательство «Интерсоцис». 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Издательство Интерсоцис: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

The Journal of Sociology and Social Anthropology

An academic quarterly founded in 1998

The Journal accepts original manuscripts, which are not under consideration by another publication at the time of submission.

Papers can be written in Russian and English language.

Articles should not exceed:

- 12,000 words (for key presentations)
- 6,000 words for other articles and book reviews
- 1,200 words for conference information.

Submissions:

The manuscripts should be sent to jssa@list.ru. Notification of receipt will be sent by email to the author(s) at the address provided at the time of submission.

The author(s) should submit a file saved where possible in the Word for Windows format, font size — 12 pt. References should be placed at the end of the article.

A brief information about the author including: name and surname, current position, academic degrees, address, telephone number, E-mail address should be provided.

Journal Web-page: <http://www.jourssa.ru>

Contact address: Vladimir Kozlovskiy, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS – FCTAS RAS).

Address: 7-ya Krasnoarmeyskaya str. 25/14, St. Petersburg, Russia, 190005

Telephone: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

«ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ»

доступен на Web-странице журнала: <http://www.jourssa.ru>
по адресу Научной электронной библиотеки:
https://elibrary.ru/title_about.asp?id=7800

Подписка на бумажную версию периодического издания производится по индивидуальному и корпоративному заказу.

Подписаться на журнал на 2025 г. можно в редакции.

Адрес: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Издательство «Интерсоцис».

Тел/факс: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

Web-страница журнала: <http://www.jourssa.ru>

Журнал социологии и социальной антропологии

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77 – 86351 от 11.12.2023

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>

Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований
и образовательных программ» (Фонд «Интерсоцис»)

Адрес: Россия 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Гороховая, д. 20, литер В, пом. 4Н.

Сайт: <https://www.sociologynet.ru>

Главный редактор: В.В. Козловский

Научные редакторы: А.В. Тавровский, Р.Г. Браславский, М.В. Банкович

Оригинал-макет: Н.И. Пашковская

Периодическое издание «Журнал социологии и социальной антропологии» включено в базу РИНЦ, перечень ВАК — категория К1, Белый список — уровень 1, индексируется в базе данных RSCI.

Права на материалы, опубликованные в «Журнале социологии и социальной антропологии», принадлежат редакции и авторам.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме
без письменного разрешения редакции. Все права сохраняются.

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.jourssa.ru>
- на сайте РИНЦ: elibrary.ru/title_about_new.asp?id=7800

Издатель: Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований
и образовательных программ» (Фонд «Интерсоцис»)

Адрес издателя и редакции: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Сайт издателя: <https://www.sociologynet.ru>

Телефон издателя: +7 (812) 316-24-96

Электронная почта редакции: jssa@list.ru

Телефон редакции: +7 (812) 316-24-96

2025. Том 28. № 4. Дата выхода в свет 25.12.2025.

Формат бумаги 60×84 1/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,5. Тираж 150 экз. Цена: Бесплатно. Заказ:

Отпечатано в ООО «Ренеме»

Адрес: 192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40